

По благословению митрополита
Екатеринодарского и Кубанского Исидора
Российское Дворянское Собрание
Дворянское Собрание Кубани
Комиссия по культуре Екатеринодарской и Кубанской епархии

«Желавший истинно славы Отечества своего...»

Материалы XII Международных Дворянских чтений,
посвящённых 225-летию со дня кончины выдающегося
государственного деятеля, дипломата и военачальника,
генерал-фельдмаршала Григория Александровича Потёмкина,
князя Таврического

(29–30 октября)

г. Краснодар (Екатеринодар) 2016 г.

УДК 94(470)«1739–1791»+929 Потёмкин (470)

ББК 63.3(2)512

Ж50

Научный редактор:

Матвеев Олег Владимирович,

доктор исторических наук,

профессор Кубанского государственного университета

Ответственный редактор:

Сухачева Елена Максимовна,

предводитель Дворянского Собрания Кубани,

Член Совета Объединенного Дворянства Российского

Дворянского Собрания, заслуженный работник

культуры Кубани

Рецензенты:

Ратушняк Валерий Николаевич,

доктор исторических наук, профессор

Кубанского государственного университета,

заслуженный деятель науки России и Кубани

Далгат Эльмира Муртазалиевна,

доктор исторических наук, профессор Института истории,

археологии и этнографии Дагестанского научного

центра Российской академии наук

Ж50

«Желавший истинно славы Отечества своего...»:
материалы XII Международных Дворянских чтений.
Изд-во «Экоинвест». Краснодар, 2016. – 242 с.

ISBN 978-5-94215-318-2

УДК 94(470)«1739–1791»+929 Потёмкин (470)

ББК 63.3(2)512

ISBN 978-5-94215-318-2

© Дворянское Собрание Кубани, 2016
© Экоинвест, 2016

Раздел I.

Светлейший князь Г.А. Потёмкин-Таврический в истории и в народной памяти

*А.Б. Веригин
(г. Краснодар, Российская Федерация)*

Светлейший князь Г.А. Потемкин и присоединение Крыма к Российской империи

Начало 2014 года было ознаменовано долгожданным вхождением Республики Крым в состав Российской Федерации. Наш «лазурный берег», столь богатый исконно русскими историческими достопримечательностями, вновь стал радовать жителей России, которые абсолютно свободно могут посещать теперь уникальные царские дворцы, видеть пропитанные русской кровью бастоны Севастополя, любоваться величественными пейзажами Херсонеса, где принял крещение князь Владимир со своей дружиной, взирать на горы и водопады, озера и степи. Всего этого могло не быть без князя Григория Александровича Потемкина-Таврического, который присоединил Крым к Российской империи. На протяжении «Золотого века» царствования Государыни Екатерины II именно Г.А. Потемкин играл значительную роль во внутренней и внешней политике Государства Российского.

Русско-турецкие войны дали выход России к Черному морю, а по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору османы отказались от претензий на Крым, который стал независимым. В 1783 году составленный Г.А. Потемкиным манифест «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую державу» [1] был подписан 8 (19) апреля Императрицей Екатериной II. Именно с этого события и исчисляется славная история Крыма в составе России.

Сам Г.А. Потемкин, происходивший из смоленских дворян, обратил внимание на себя Екатерины II участием в дворцовом перевороте, после которого был свергнут Петр III. С этого события началось карьерное возвышение Григория Александровича. Однако было бы неверным говорить, что Г.А. Потемкин получал чины и титулы только из карьерных соображений. В 1769 году он отправился добровольцем на Русско-турецкую войну, где отличился в ряде сражений. Уже в следующем году генерал-майор Григорий Потемкин за военные успехи был награжден орденом Святого Георгия 3-й степени. Через несколько лет Г.А. Потемкин возведен с нисходящим его потомством в графское достоинство и назначен генерал-губернатором Новороссии. После этого граф занимался военными реформами. Им была введена единая структура пехотных частей, подготовлена экономическая регламентация армейских расходов на содержание армии, созданы Екатеринославское и Черноморское казачьи войска. В Войске Донском были сформированы регулярные полки, которые стали действовать на основании армейских дисциплинарных законов, разработанных так же Г.А. Потемкиным.

Будучи по натуре требовательным командиром, граф способствовал бережному отношению командиров к подчиненным и солдатам. Запрещалось использовать солдат на частных работах, а в различных инструкциях и приказах Потемкин неоднократно требовал бережного отношения командиров к подчиненным, осуществляя надзор за снабжением войск и их санитарно-гигиеническом состоянии.

В те годы Потемкин имел большое влияние на Императрицу Екатерину II, при этом все наиболее важные государственные бумаги проходили через его руки и ими же корректировались. Его путешествия по Российской империи были обставлены с большими почестями. Современники относились к нему с почтением и пietетом, но для большего понимания личности Г.А. Потемкина все же необходимо привести цитату знаменитого мемуариста, дипломата и австрийского фельдмаршала Шарля-Жозефа де Линя, который служил в свое время под началом графа: «Вижу предводителя армии ленивого по наружности, но трудящегося беспрестанно <...>.

Он день и ночь не знает сна <...> робок за других и смел за себя <...> сух и непостоянен, глубокий философ, искусный министр, великий политик, не мстителен, просит прощения за сделанные им обиды, скоро и охотно заглаживает несправедливость, верит в Бога и боится Дьявола <...>. Страшный богач и никогда не имеет в карманах ни копейки, чрезвычайно подозрителен и доверчив, как младенец, ревнив, благодарен, угрюм и шутлив <...>. Под личиной жестокости имеет самое нежное сердце <...>. Каково же его волшебство? Гений, гений, гений! Врожденный ум, прекрасная память, высота духа, тонкости без всякого коварства, счастливая примесь какого-то единственного своеуравнения, которое в хорошие минуты привлекает к нему сердца, неограниченное великодушие; искусство награждать приятно и по мере заслуги, верное чувство, дар угадывать то, чего он не знает, и, наконец, глубокое знание человеческого сердца» [2].

Другие современники отмечали могучие мускулы и высокую грудь Потемкина, а так же приятную физическую наружность графа, которая, согласно «злым языкам», позволяла не уступать ему по количеству романов знаменитому герою романтических новелл Дону Жуану-ди-Тенорио. «В самой наружности князя, в его величественной осанке – сразу виден был человек недюжинного калибра», – писал Василий Васильевич Огарков, один из биографов графа [3].

После подписания Кючук-Кайнарджийского мирного договора Турция стремилась вернуть Крым в свою сферу влияния. В марте 1779 года Россия и Турция подписали Айналы-Кавакскую конвенцию, по которой наша страна должна была вывести свои войска с Крымского полуострова и, как и Турция, не вмешиваться во внутренние дела ханства. Однако, после вывода российских войск, турки продолжали влиять на внутреннюю и внешнюю политику Крымского ханства. После одного из очередных восстаний, спровоцированного Османской империей, Императрица Екатерина II решилась на новый ввод русских войск, рискуя открытым конфликтом с Турцией. После начала военной кампании толпы мятежников разбегались от русских полков. Но побывавший в Крыму Г.А. Потемкин убедился, что татарская знать с большим же-

ланием приняла бы протекторат Российской империи, нежели формальную власть крымского хана Шахина Гирея, с необычайной жестокостью расправлявшегося с мятежниками и местными жителями. Угрозы безопасности рубежей империи заставили Г.А. Потемкина обратиться с новым письмом к Государыне, в котором он в частности сообщал ей: «Поверьте, что Вы сим приобретением бессмертную славу получите и такую, какой ни один Государь в России ещё не имел. Сия слава проложит дорогу ещё к другой и большей славе: с Крымом достанется и господство в Чёрном море. От Вас зависит будет, запирать ход туркам и кормить их или морить с голоду» [4]. И Императрица Екатерина II издала манифест о принятии Крыма в состав Российской империи.

Теперь вся хозяйственно-административная деятельность легла на плечи Г.А. Потемкина. Одним из первых шагов Григория Александровича стал выбор гавани для будущего Черноморского флота, благодаря чему в 1784 году был заложен порт-крепость под названием Севастополь. Тем временем по поручению Г.А. Потемкина по реке Кубани дополнительную систему укреплений стали возводить под руководством Александра Васильевича Суворова. Уже чуть позже Кубанская, Терская, Кизлярская линии составили единую Кавказскую линию. В самом Крыму продолжались административные реформы: сформированная Таврическая область была разделена на семь уездов, а татарские князья и мурзы получили практически все права и льготы, присущие русскому дворянскому сословию. Именно при Г.А. Потемкине в Крым стали приглашать колонистов, закладывать новые города, засаживать полуостров лесами и виноградниками, учреждать фабрики и предприятия, верфи и учебные заведения.

Кипучий характер Григория Александровича не позволял ему останавливаться на достигнутом: он не щадил ни себя, ни людей, ни денег для преображения и обустройства Крыма. Под руководством Светлейшего князя начался масштабный сбор сведений о Крыме, над которым работали крымские и русские чиновники, картографы и геодезисты. Параллельно он в своих циркулярах требовал от русской администрации дружелюбного отношения к татарам и bla-

гоприятных условий «чтобы способствовать размножению коммерции и ободрить промыслы». Ежедневно по вечерам Г.А. Потемкин совершал прогулки пешком, делал гимнастические упражнения, словом, следил за собой, за своим здоровьем и поддерживал бодрость духа. Умевший отдыхать, причем не в ущерб делу, он заботился и об отдыхе подчиненных [5]. Но основной упор в своей жизни Г.А. Потемкин конечно же уделял работе. Безусловно, не все его замыслы осуществились, но следы его деятельности по прошествии более чем двух веков видны в Крыму и в наши дни. С 1784 года Григорий Александрович начинает приглашать в Крым иностранцев, специалистов по виноградарству, садоводству, лесному хозяйству и земледелию. Для устройства парков и садов из Англии был приглашен Уильям Гульд. Разведением виноградников, масличных и шелковичных деревьев занялся француз Иосиф Банк, назначенный директором Таврических садов.

При поддержке Г.А. Потемкина начала развиваться добыча соли и вскоре ей обеспечивались огромная территория, ныне включающая в себя земли почти всей современной Украины и Белоруссии. Еще одним масштабным проектом Григория Александровича стало строительство новых городов в Крыму и Новороссии. Это – Одесса, Симферополь, Херсон, Севастополь и другие населенные пункты. В них за счет казны и при личном кураторстве Г.А. Потемкина возводились многочисленные здания общественного назначения, строилась сеть новых дорог, приводились в порядок уже действующие каменные мосты. Жители городов освобождались от податей и получали ссуды на возведение собственных домов. Не забывал Г.А. Потемкин и о народном образовании, для чего был открыт ряд училищ. Современники свидетельствовали, что «неусыпными трудами князя дикие степи новой Тавриды, подобно степям Новороссийским, превратились в обработанные поля и прекрасные луга». «Почти уникум среди русских военных и государственных деятелей» [6] – так о нем отзываетесь в наши дни английский историк Саймон Джонатан Себаг-Монтефиоре, специализирующийся на истории России и СССР.

В 1787 году было предпринято знаменитое путешествие Государыни Екатерины II в Крым, которое обратилось в торжество Г.А. Потёмкина. Маршрут поездки пролегал через Перекоп, Карасубазар, Бахчисарай, Ласпи и Севастополь. На рейде нового города Севастополя её встретил созданный под руководством Г.А. Потёмкина Черноморский флот в составе трёх линейных кораблей, двенадцати фрегатов, двадцати корветов и бригов, трёх бомбардирских лодок и двух брандеров [7]. Французский посол Сегюр, который был в свите Русской Императрицы, отмечал толпы рабочих, множество зданий, городские укрепления, пристани и верфи и делал вывод, что все это придавало Севастополю вид значительно-го города. Удивило Императрицу многое: и крепость в Херсо-не, и благоустройство ряда поселений и дворцов, фейерверк из трехсот тысяч ракет и Амазонская рота, созданная Г.А. Потемкиным, как подразделение русской армии для встречи и сопровождения Императрицы Екатерины II, состоявшая целиком из женщин, имевших вид воительниц [8]. К приез-ду Императрицы под руководством Светлейшего князя было подготовлено историческое описание приобретённого края. Отметим, что крымские жители положительно относились к реформам Г.А. Потемкина и восторженно встречали Госуда-рыню. Как свидетельствовал Принц де Линь, находившийся рядом с Императрицей Екатериной II во время путешествия к Бахчисараю, дорога шла под уклон и лошади быстро по-несли карету Императрицы, грозя ее опрокинуть и разбить: «Она была в то время так же спокойна, как при последнем завтраке. Новые подданные, крымцы, устремились спасать ее, спешились, легли на дороге и, бешенством своей отваж-ности, воздержали бешенство лошадей». После этого путеше-ствия Государыни Светлейший князь Потёмкин получил от неё почётный титул «Таврического». К сожалению, до наших дней в общественном сознании населения осталась не та ко-лоссальная работа, которую провел Г.А. Потемкин, а миф о «потемкинских деревнях», так как, мол, Григорий Александрович лукавил и показывал не реальность, а чуть ли не му-ляжи и ненастоящую действительность. Но, по мнению ряда исследователей, в те времена было принято организовывать

пышные торжества и богато декорировать города к приезду Государыни, которую в поездке в Крым так же сопровождал австрийский Император Йосиф II. Кроме того, в свиту Императрицы Екатерины II входили послы ряда европейских стран, которым так же необходимо было показать, что Россия твердо стоит на ногах, обустраивает свои новые земли и намерена их развивать наилучшим образом.

Вскоре грянула очередная Русско-турецкая война. Турецкий десант был опрокинут войсками А.В. Суворова, а армии под командованием Г.А. Потемкина и генерал-фельдмаршала Румянцева-Задунайского нанесли поражения турецким войскам, овладев крепостями Очаков и Хотин. После ряда очередных побед А.В. Суворова, после победы Черноморского флота под предводительством адмирала Ф.Ф. Ушакова над турками, взятия Измаила и Браилова, принадлежность Крыма к Российской империи уже никто не спорил. Она была чуть позднее подтверждена Ясским мирным договором, который закрепил за нашей страной все Северное Причерноморье. Сам А.В. Суворов в те годы писал о Г.А. Потемкине: «Он честный человек, он добрый человек, он великий человек: счастье мое за него умереть».

В 1790–1791 годах Г.А. Потемкин фактически руководил Молдавским княжеством, где так же проводил на свой лад реформы и создал Молдавский экзархат Русской православной церкви. Незадолго до подписания мирного договора, после проведения очередных мирных переговоров, 5 (16) октября 1791 года, направляясь из Ясс в Николаев, Г.А. Потёмкин умер от лихорадки недалеко от молдавского села Рэдений Веки. «Вот и всё, некуда ехать, я умираю! Выньте меня из коляски: я хочу умереть на поле!», – такими, как говорили современники, были последние слова великого и блестательного Светлейшего князя Григория Александровича Потемкина. С большой торжественностью великий государственный деятель был похоронен в построенном им же городе Херсоне.

Уже после большевистской революции и образования Украинской ССР, в 1930 году в Херсон приехал советский писатель Борис Лавренёв, который в закрытом соборе, где покоился Г.А. Потемкин, обнаружил антирелигиозный музей. В нем кроме

советских агитационных плакатов, останков офицеров-участников штурма крепости Очаков, в разных витринах были выставлены и череп и части скелета Г.А. Потемкина с надписями «Череп и кистки полюбовника Катерини II Патьомкина» [9].

Как вспоминал советский писатель: «Вытащенный из склепа и разложенный на три экспоната Потёмкин – это было уже нечто неслыханное по варварству и идиотизму» [10]. После вмешательства Лавренёва музей закрыли, останки Г.А. Потемкина замуровали в склепе в новом гробу. Но местные краеведы вспоминали, что во дворе бывшего храма мальчишки потом играли в футбол чьим-то черепом. На месте захоронения Г.А. Потемкина в 1970 и 1984–1985 годах работали советские спецкомиссии, которые вскрывали склеп для проведения судебно-медицинской экспертизы. В гробу обнаружили небольшую горку костей, среди которых практически не было цельных крупных костей и самого черепа. Впечатление от состояния склепа было самым тягостным, отсутствовало большинство костей из захоронения, но эксперты заключили, что останки принадлежали светлейшему князю Потемкину – мужчине ростом около 185 сантиметров, возрастом около 52–55 лет, а возраст скелета оценили в приблизительно два столетия.

После распада СССР в честь Г.А. Потемкина было установлено десять памятников и бюстов этому великому человеку, если считать и восстановленные после уничтожения их большевиками в советские годы. Но, думается, что в сердцах патриотов и неравнодушных граждан память о Григории Александровиче будет жить всегда, одно из подтверждений этому – нынешние Дворянские чтения.

Мраморное надгробие на могиле Г.А. Потемкина в Херсонской соборной церкви сохранилось до наших времен и ежегодно в день его памяти на могиле служится панихида, хотя сейчас, по злой иронии судьбы Херсон административно входит в состав Украины.

Примечания

1. Полное собрание законов Российской империи. Т. XXII. Ст. 15920
2. Письмо к Сегюру из лагеря под Очаковом, 1788 г. / Пер. В.А. Жуковского // Вестник Европы, 1809. № 21.

3. Огарков В.В. Г.А. Потемкин, его жизнь и общественная деятельность. Биографический очерк. СПб., 1892.
4. Болотина Н. Ю. Потёмкин. М., 2014
5. Тузло Д.Д. Произведения. М., 2014
6. Sebag Montefiore. Prince of Princes: The Life of Potemkin. Weidenfeld & Nicolson, 2000.
7. Андреев А.Р. История Крыма: Краткое описание прошлого Крымского полуострова. А. Р. Андреев. М., 1997. С. 96.
8. Записка об амазонской роте. Записал Г. Дуси // Москвитянин. 1844. № 1. С. 266-268.
9. Абросимов А. Новый фаворит // Крымская правда. 01.03.2004
10. Лавренёв Б. Вторичное погребение Потемкина // Памятники Отечества. 1991. № 2. С.154–155.

П.В. Новиков
(г. Краснодар, Российская Федерация)

Светлейший князь Г.А. Потемкин-Таврический и создание Черноморского казачьего войска. К вопросу о дате основания Войска верных казаков

Исполинская личность Светлейшего князя Г.А. Потемкина-Таврического резко выделяется из сонма сподвижников Императрицы Екатерины Великой, так как положение, занимаемое им при Дворе, было совершенно особое. Оно крепилось не только на его фаворе, но и на согласии государственных идей и политических целей Государыни Екатерины и Г.А. Потемкина, разделявшего с Императрицей, по ее собственному признанию, «тяжесть правления». Светлейший был не только «баловнем счастья», но и достойным соратником Императрицы, оставившим заметный след в истории. В течение семнадцати лет на внутренней и внешней политике России сказывалось влияние государственного ума Г.А. Потемкина, по выражению Державина, «наперсника северной Минервы». Этот период был самым блестящим в ее царство-

вании, что вполне закономерно, ведь князь был одним из образованнейших людей своего времени, легко постигал самые сложные политические комбинации, а его прозорливость часто граничила с гениальностью. Прямой, смелый, он не понимал препятствий и всегда смотрел опасности в глаза, а его характер по своим нравственным свойствам был олицетворением чисто русской натуры, сотканной из противоречий, со всеми ее достоинствами и недостатками.

Создание Черноморского казачьего войска – прямая заслуга Григория Александровича Потемкина. Упразднение неуправляемой Запорожской Сечи и создание совершенно нового войска «по типу Донского» на службе России требовало много ума и отваги, и Императрица оценила это, впоследствии издав Указ о пожаловании князя «великим гетманом Черноморского войска». Григорий Александрович был первым и последним гетманом Черноморского казачьего войска.

Среди современных исследователей уже устоялось мнение, что Черноморское казачье войско основано в 1787 г. Главным аргументом этого утверждения считается известный письменный приказ князя Г.А. Потемкина-Таврического от 20 августа 1787 г. о наборе волонтеров в связи с начавшейся очередной Русско-турецкой войной.

Но, во-первых, в Российской империи новые казачьи войска создавались, все-таки, по Высочайшим указам Императоров и Императриц, а не по приказам чиновников, пусть даже весьма высокого ранга.

Во-вторых, волонтерскую команду, как набрали, так могли и распустить после окончания военных действий – как уже было в 1783 г. с набранной из бывших запорожцев командой в несколько сотен человек для усмирения восставших татар [1].

И в третьих, сама эта волонтерская команда стала по сути казачьим подразделением только 3 января 1788 г., а до этого момента была просто сборищем жителей Екатеринославской губернии. Запорожцы шли в волонтеры неохотно, первые итоги сбора оказались неутешительными. Поэтому уже 12 октября 1787 г. Г.А. Потемкин принял решение брать всех желающих и даже беглых крепостных крестьян и издал

новый соответствующий приказ. Наконец, 27 ноября все собранные во главе с секунд-майором С.И. Белым и капитаном З.А. Чепегой прибыли в Екатеринославскую армию, в 3-ю дивизию, которой командовал генерал-аншеф А.В. Суворов. Здесь 3 января 1788 г. приняли присягу, согласно присяжному листу, всего 376 человек, причем запорожцев среди них было менее половины [2].

Прекрасным историческим источником для изучения всех нюансов этих событий служит опубликованная личная переписка Императрицы Екатерины II и Г.А. Потемкина. Прежде всего, нужно учитывать, что князь начал собирать волонтерскую команду из бывших запорожцев без согласования с Императрицей. Он впервые осторожно сообщил ей об этом в письме от 25 декабря 1787 г., так как до конца не был уверен в положительном решении вопроса о создании нового войска.

Письмо это Императрица Екатерина II получила только 3 января 1788 г. и, кстати, именно из него она впервые узнала предложенное князем название будущего войска – Войско верных казаков [3]. Еще не получив ответного письма, 2 января 1788 г. Г.А. Потемкин решает обратиться к Императрице Екатерине II уже со Всеподданейшим донесением, в котором пытается представить все наиболее убедительные доводы в пользу создания нового войска. Сразу же на следующий день князь пишет ей еще одно личное письмо, в очередной раз пытаясь уговорить Императрицу, даже увеличив число набранных волонтеров, указывая в этом письме мифическую цифру – 1000 человек [4]. Князь понимал, что для привлечения основной массы запорожцев, воевавших на стороне турок, волонтерской команды было мало, нужно было новое войско – с землей и новыми жалованными Регалиями.

В ответном письме от 11 января 1788 г. Государыня Екатерина II дала, наконец свое согласие на пожалование верным казакам земли на Таманском полуострове (какое же казачье войско без земли?), что и было официально подтверждено через три дня в одном из пунктов «Именного Указа Екатеринославскому, Таврическому и Херсонскому Генерал-Губернатору Князю Потемкину-Таврическому» [5]. Следует

отметить, что именно этот Высочайший указ (до него не было вообще никаких Высочайших указов, где бы упоминались бывшие запорожцы) и является основанием для создания войска. До 14 января 1788 г. верные казаки были просто одной из многих волонтерских команд Екатеринославской армии, хотя князь Потемкин и называл их «войском», а секунд-майора С.И. Белого – «атаманом» (для бывших запорожцев это было более естественно).

На основании вышеупомянутого Указа распоряжением Екатеринославского наместнического правления от 23 января 1788 г. Белый уже официально был назначен войсковым атаманом «и велено было ему учредить свой кош на Збуреевской стороне». Пешую команду формировал сам атаман, а конную – капитан З.А. Чепега [6]. В тот же день первые казаки присягнули на верность Российской Империи уже как войско, а не как волонтерская команда [7]. Присяга проходила в Николаевке – месте дислокации конной команды, куда была доставлена первая пожалованная Императрицей Регалия Войска верных казаков – одно из полковых знамен. На розовом знамени, освященном в местной николаевской церкви, был изображен белый четырехконечный крест в сиянии и звезда ордена Св. Андрея Первозванного с надписью «За Веру и Верность» [8]. Через месяц, 27 февраля 1788 г., для присяги пешей команды были доставлены остальные Высочайше пожалованные знамена – большое воинское и три полковых, а для С.И. Белого – атаманская булава, специально изготовленная по заказу Г.А. Потемкина [9].

В заключение стоит отметить, что старейшие полки Черноморского, а затем Кубанского войска, вели свое старшинство не с 1787, а с 1788 г. и, судя по трудам наиболее авторитетных дореволюционных военных историков дата создания Войска верных казаков – именно «14 января 1788 г.», не вызывала сомнений [10]. Но, даже если отдавать предпочтение не этой дате, а, например, «23 января 1788 г.» – присяге конной команды, либо «27 февраля 1788 г.» – присяге пешей команды во главе с атаманом или «3 января 1788 г.» – первой присяге волонтерской команды, год остается один и тот же – «1788», который и является годом основания Войска верных казаков –

Черноморского казачьего войска, что нисколько не умаляет главную и решающую роль Светлейшего князя Г.А. Потемкина-Таврического в реализации этого исторического события.

Примечания

1. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. В 4 т. / Сост. И.И. Дмитренко. СПб., 1896–1898. Т. I. С.33,34.
2. Письма и бумаги А.В. Суворова, Г.А. Потемкина и П.А. Румянцева. 1787–1789гг. / Под ред. Д.Ф. Масловского. СПб.1893. Вып. IV. С.80–82, 90–92.
3. Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка 1769–1791. Письмо «824» // URL: <http://www.uhlib.ru/istorija>
4. Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического 1774–1788гг.// Сборник военно-исторических материалов / Под. ред. Н. Ф. Дубровина. СПб.,1893. Вып. VI. С.169,170; Екатерина II и Г. А. Потемкин. Письмо «827».
4. Полное Собрание Законов (ПСЗ) Российской Империи. СПб.,1830. Т.XXII. Ст. 16605. С.1009–1010..
5. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска Т.III. С. 9.
6. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф.249. Оп.1. Д.11.Л.3.
7. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д. 11. Л.3; М.И. Кутузов. Документы / Под ред. Л. М. Бескровного. М.,1950. Т.И. С.54; Фролов Б.Е., Чернышов А.В. Знамена и штандарты Кубанского казачества. Краснодар,2012. С.14–21,53.
8. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.26. Л.2; Фролов Б.Е., Чернышов А.В. Указ. соч. С.14–21,45,53.
9. Казачьи войска. Исторические очерки / Сост. А.И. Никольский // Столетие Военного Министерства 1802–1902. СПб.,1902. Т. XI. Ч. 2. С. 219; Императорская Гвардия / Сост. В.К. Шенк. СПб.,1910. С.169; Казачьи войска / Сост. В.Х. Казин. СПб.,1912. С.111; Тавастшерна А.В. Кубанское казачье войско // Военная энциклопедия. СПб.,1914. Т.XIV. С. 364–365.

О.В. Матвеев
(г. Краснодар, Российская Федерация)

«...По образу и подобию русского былинного богатыря»: Григорий Потёмкин в народной памяти

Народные исторические представления о России формировались в значительной степени через оценки выдающихся личностей. Коллективная память разборчиво отбирала и сохраняла имена государственных деятелей и народных героев, действия которых отражали черты национального характера, душевный и нравственный потенциал народа [1]. К числу персонажей, чьи свершения измерялись в русском народном сознании мерками общенациональной значимости, принадлежит Светлейший князь, генерал-фельдмаршал Григорий Александрович Потёмкин-Таврический (1739–1791).

Масштабная фигура Г.А. Потёмкина всегда волновала воображение россиян. Его громкие дела – преобразования в армии, создание Черноморского флота, присоединение Крыма и Правобережья Кубани, освоение Новороссии – были столь грандиозны и невероятны, что современники нередко видели в них сказочную феерию, оценивали происходящее через политические памфлеты, слухи и сплетни, поэтические гиперболы. В.Г. Белинский в статье «Русская литература в 1841 году» отмечал: «Много величавых образов украшает блестящий век Екатерины Великой; но Потёмкин всех их заслоняет в глазах потомства своею колossalною фигурою. Его и теперь все так же не понимают, как не понимали тогда: видят счастливого временщика, сына случая, гордого вельможу, – и не видят сына судьбы, великого человека, умом завоевавшего свое безмерное счастье, а гением доказавшего свои права на него. Потёмкин – это одна из тех титанских натур, которых душа вечно пожирается ничем неудовлетворяемою жаждою деятельности, – для которых перестать действовать значит перестать жить, – которым, завоевав землю, надо сделать высадку на луну или умирать <...>. Колossalный образ Потёмкина с ног до головы облит поэзиею» [2].

Менее известно высказывание Императрицы Екатерины II, которое обнаружил и озвучил В.С. Лопатин, автор книги «Потёмкин и его легенда». Государыня как-то заметила: «Потемкин был создан по образу и подобию русского былинного богатыря» [3]. Императрица и русский критик прозорливо уловили соответствие реального облика военачальника и администратора поэтическим образом героического эпоса. Государственный гений Григория Потёмкина и масштабы совершенного им вдохновляли на поэтические метафоры и сравнения, отвечали ожиданиям и представлениям о беззаветном служении своей стране, нашли глубокое и яркое отражение в народной памяти.

Впервые солдатские песни отметили участие Светлейшего князя в Русско-турецкой войне 1769–1774 гг. В тексте, записанном в Каргопольском уезде Олонецкой губернии, говорится: «Злые турки напивались, / Во похмелье похвалялись: / «Мы Россеюшку наскроль пройдём, / Граф-Потёмкина в полон возьмём!» / Граф Потёмкин уговаривал, / Славным русским он наказывал: / «Бейте, братцы, не робейте, / За морями знают, знают нас, / Знают дедов наших и отцов!» [4]. В основе песни лежит сюжет о сражении на р. Кагул, в котором Г.А. Потёмкин не участвовал. Однако вклад Потёмкина в общие действия армии под командованием П.А. Румянцева был столь заметен, что в разных вариантах песни её исполнители солдаты легко меняли фамилию командующего на его более молодого соратника. В этой войне генерал-майор Г.А. Потёмкин командовал крупным кавалерийским отрядом, успешно действовал при овладении турецкими укреплениями под крепостью Хотин, при Фокшанах и Браилове, совершил конный рейд к Бухаресту, а 4 февраля 1770 г. овладел г. Журжей [5]. За успех в сражении на р. Прут князь был удостоен ордена Св. Георгия 3-й степени, отличился в сражении на р. Ларге 21 июня. Затем П.А. Румянцев приказал Г.А. Потёмкину обеспечить продвижение обоза с продовольствием, который татары пытались отрезать от русских войск. Князь блестяще справился с делом, но это поручение помешало ему принять участие в знаменитом Кагульском сражении [6].

Угроза вражьего правителя (шведского короля, турецкого султана и др.) – общее место в солдатских песнях XVIII

в. Там естественна реакция Императрицы, которая «призадумалась», «запечалилась», «расплакалась». Её обычно утешают Румянцев, Потёмкин или Суворов [7]. В Пермской губернии был записан текст, в котором Екатерина Алексеевна собирается к заутрене: «По праву по рученьку сидит граф Суворов-енерал, / По леву по рученьку сидит Потемкин-енерал. / Что же ты, наша государыня запечалилась?» [8].

В Русско-турецкой войне 1787–1791 гг. Светлейший князь уже играет главную роль. Солдатские песни отмечают его командование операциями, умелую координацию действий родов: артиллерии, флота, егерей, казачества. Донская песня зафиксировала руководство Г.А. Потёмкиным рейдами казачьих отрядов под Бендерами: «Пишет, пишет Потёмкин-князь в Исаеву, / Чтобы был готов Исаев в легкую партию. / Позамедливши немножко, он ещё прислал / К любимому есаулу Филиппу Ивановичу Араканцеву, / Чтоб взял казаков из семи полков, что ни лучших, / Шёл-прошёл Ара[ка]нце под Бендер-город. / Не дошедши до Бендер, Араканцев становился. / Потревожил он всю армеюшку турецкую» [9]. В другом случае Светлейший отдаёт приказ драгунам: «Князь Потёмкин на пригорке / Войску речь говорил: / «Ах солдаты, вы драгуны, / Вы майоры, офицеры! Турков бейте, не робейте, / Свинец-порох не жалейте» [10]. В песне, записанной в Мало-Единском уезде, говорится: «Уж как возговорит наш Потёмкин-князь: / «Ой же вы царские солдатушки, / Ведь пора пришла град Очаков взять, / Приблизился к нам час луну сорвать!. / Как восклинули все солдатушки: / «Ох ты батюшко наш Потёмкин-князь! / Лишь рукой махнёшь, и Очаков – наш; / Слово вымолвешь – мы Стамбул возьмём» / Как засверкали штыки русские, / Загремела вся артиллерия, / Полилась рекой кровь турецкая» [11].

По мнению дореволюционного военного историка Д.Ф. Масловского, Г.А. Потёмкин в этой войне впервые в истории военного искусства осуществлял общее руководство армиями, действующими на нескольких фронтах. Светлейший князь оставил образцы стратегического управления этими армиями и флотом [12]. Победы одерживали генералы и адмиралы, среди которых выделялись два любимца Г.А. По-

тёмкина – А.В. Суворов и Ф.Ф. Ушаков, но общее руководство войной, планирование компаний и военных действий осуществлял Светлейший князь Потёмкин-Таврический. Подчинённые ему флотоводцы и полководцы выигрывали сражения, Потёмкин выиграл войну.

Центральное место в солдатских песнях Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. занимает осада и взятие под руководством Светлейшего князя крепости Очаков. Для русского общества сидение под Очаковым казалось очень долгим. П.А. Румянцев даже прозвал крепость «потёмкинской Троей», намекая на то, что Светлейший князь собрался, по примеру героя Гомера, осаждать её лет десять [13]. В действительности Очаков осаждали шесть месяцев, но говорить о взятии крепости стали с начала войны. Под его стены ездили за славой, а потом возвращались в тесный семейный круг рассказывать о великих деяниях «российских Ахиллесов» [14]. В 1854 г. в г. Ростове-на-Дону от столетнего потёмкинского солдата Парамона Веселова была записана песня о взятии Очакова. В песне была отражена подготовка Г.А. Потёмкиным к штурму крепости, взятие десантом острова Березань напротив устья одноименной реки вблизи Очакова, фортификационные работы, бомбардировка города с моря и с суши: «Не покрытый льдом лиман, / Флотом взята Березань, / С флота в город вобрались, / С нами турки не дрались. / Мы на том лишь утвердились, / На Очаков устремились, / День и ночь мы в шанцах были, Осторожно всегда жили, / И палаток не снимали, / Зimu в лето поверстали» [15].

Практически вся очаковская операция напоминала собой громадные полевые маневры, проведенные в реальной боевой обстановке. Правильная осада Очакова, по словам О.И. Елисеевой, «напоминала собой идеальные условия для обучения солдат: они участвовали в обширных фортификационных работах, минировании турецких укреплений, бомбардировке города с моря и «с сухого пути», сменяющими друг друга отрядами отражали вылазки неприятеля, отрабатывали приемы ближнего рукопашного боя и привыкали ходить в штыковую атаку. Именно в результате очаковской операции неуверенные в себе рекруты <...> превратились в

солдат, способных «за пять четвертей часа» взять штурмом главную черноморскую твердыню Турции» [16]. Солдатская песня рассказывала: «Нас в колонны становили, / Смело в шанцы заводили; / Кирки мы, лопаты подбирали, / Свои шанцы прорывали, / Мелкие пушки там выправляли / И лестницы подымали, / фашинник зажигали, / Страшны мины обходили, / Палисадники рубили. / Закричали мы: «Ура!» / А турки кричат: «Алла!» / Мы на крик их не смотрели – / Всех без милости их били, / И кололи, и рубили, / И в полон многих склонили; / А ещё свет не открылся, / Весь град кровью облился. / Страшны мины мы взрывали, / Прах на воздух поднимали. / Ярославцы в крепость тут вскочили / И пашу там захватили, / К светлейшему князю приводили. / С Божьего благословенья / И княжьего повеленья / Тroe суток мы гуляли, / Всё Очаков поздравляли. / Предводитель, наш отец, / Так сказал нам, наконец: / Поздравляю вас с победой, / Победили вы турок, неприятелей своих, / И достойны вы хвалы монархии своей» [17].

Враг в солдатских песнях тоже отдаёт должное Потёмкину-военачальнику, молит о пощаде. В Екатеринбургском уезде В. Простосердовым в 1848 г. была записана песня, в которой говорилось: «Там упал Чераскирь пред Потёмкиным, / Преклоняючи свою голову: / «Покоряюсь свои городом, / Умоляя жизнь янычарам». / Тут восклекнули победители: / «Гой ты, если, гой ты наш неверный царь. / Взгляни на пашей своих – / Покорились нашей монархине. / Не тебе, царь, воевать: / Уж луна твоя затмилась, / Крутые рога притупились» [18].

Встречаются в солдатских песнях и критические оценки образа Г.А. Потёмкина. В текстах об осаде Очакова солдаты, страдающие от холода и болезней, выражают недовольство медлительностью командующего [19]. Некоторые советские фольклористы, стремившиеся противопоставить «царского фаворита» «облеченным доверием народа и армии» военачальникам [20], нередко указывают на песню [21], в которой смертельно раненый любимый солдатский генерал Лопухин разоблачает «всесильного временщика»: «Лопухин лежит убит, / Таки речи говорит: / «Ох вы гой если робята, / Мои верные слуги! / Вы подайте лист бумаги / Да чернльницу с

пером! Напишу я тако слово / К сударыне самой, / Что Потёмкин-генерал / В своём полку не бывал, / В своём полку не бывал. / Всю силу растерял, / Коё пропил, промотал. / Коё в карты проиграл; / Которая на горе, / Стоит по груди в крови; / А которая под горой, / Заметало всю землёй» [22]. Речь в песне идёт о Семилетней войне, в которой Г.А. Потёмкин не участвовал: на службу в конную гвардию он прибыл только в 1761 г. и был в это время не «всесильным временщиком», а всего лишь вахмистром. Составитель академического издания песен XVIII в. Л.И. Емельянов отмечал: «Характерной чертой песен о смерти Лопухина следует признать шаткость исторической основы. <...> Значительное ослабление исторического впечатления происходит также и оттого, что нередко в песнях фигурируют имена, связанные с гораздо более поздней эпохой – Потёмкин, Суворов, французы» [23]. В современном издании русских исторических песен глубокий знаток русского исторического фольклора С.Н. Азбелев авторитетно пояснял: «Ошибочное упоминание Потёмкина попало из более поздних песен, по-видимому, вместо фельдмаршала С.Ф. Апраксина, как это видно по некоторым другим вариантам песни» [24].

Военно-административная деятельность Г.А. Потёмкина в качестве Президента Военной коллегии и императорского наместника на Юге России, его преобразования также находили отклик в солдатской среде. В стремлении сделать русскую армию армией полевой, а не плац-парадной он далеко опередил свое время и замахнулся, можно сказать, на «святая святых» – западноевропейский мундир того времени. В записке «Об одежде и вооружении сил» Г.А. Потёмкин писал: «Завивать, пудриться, плесть косы – солдатское ли сие дело? У них камердиниров нет. На что ж пукли? Всяк должен согласиться, что полезнее голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрою, салом, мукою, шпильками, косами. Туалет солдатский должен быть таков, что встал, то и готов!» [25]. Потёмкин ввёл в русской армии практичную, удобную форму: шаровары, суконную куртку, мягкие сапоги с портняками, холщовое нижнее бельё. Среди противников реформы был, в частности, генерал-фельдмаршал П.А. Румянцев. Во

время трудной осады Очакова зимой 1788 г. в светских салонах гуляла брошенная им шутка, будто бы куртки, введённые Потемкиным вместо кафтанов, «чтобы солдатам не было жарко, более не греют». Но в армии эта форма, которая не только облегчила солдатскую жизнь, но и позволяла казне сэкономить значительные суммы, была встречена с восторгом. А.Н. Самойлов отмечал: «Солдаты благословляли имя того, кто их освободил сею переменою от излишних забот» [26]. Нижние чины сочинили песню, в которой были такие слова: «Солдат очень доволен, что волосы остригли. / Виват, виват, что волосы остригли! / Дай Бог тому здоровье, кто выдумал сие. / Виват, виват, кто выдумал сие! / Избавились от пудры, булавок, шпилек, сала. / Виват, виват, избавились всего!» [27]. Л.Н. Энгельгардт рассказывает в своих записках, что один grenadier говорил ему по случаю кончины Г.А. Потемкина: «Покойный его светлость был нам отец, облегчил нашу службу: довольствовал нас всеми потребностями; словом сказать, мы были избалованные его дети; не будем мы уже иметь подобного командира; дай Бог ему вечную память!» [28].

В эпопее об осаде Очакова народная память отметила участие егерей [29]. Именно Г.А. Потёмкин создал егерские корпуса. До него этот прообраз войск специального назначения внедряли как эксперимент Фридрих II и П.А. Румянцев. Но это были эксперименты, а Г.А. Потёмкин создал отборную, прекрасно подготовленную пехоту. В 1788 году была издана «Инструкция», в которой Светлейший князь описывал разные «хитрости егерей». Их учили «прикидываться убитыми, сбивать противника с толку, ставя свою каску в стороне от себя. Егера должны были уметь передвигаться ползком, стрелять и заряжать ружья лежа. От солдат требовали «цельный приклад» (прицельную стрельбу) и «скорый заряд», а не быструю неточную пальбу. Для тренировок использовались движущиеся на веревке мишени, по которым егера стреляли, стоя, лежа и на бегу» [30].

В песне о взятии Очакова, записанной в Тверской губернии, Г.А. Потёмкин обращается к егерям и grenadiers: «Ой вы егари-стрельцы, гарнадеры-молодцы, / Вы стреляйте, ох

да не робейте, / Свинцу-пороху, ох да не жалейте» [31]. Г.А. Потёмкин действительно в качестве ударной силы армии отдавал предпочтение гренадёрам – наиболее здоровым и сноровистым солдатам. При Светлейшем в гренадёрские роты каждого полка отбирались наиболее храбрые, отличившиеся в боях воины. Только гренадёрам для рукопашных схваток было оставлено холодное клинковое оружие. В своей инструкции 1790 г. для гренадёр Г.А. Потёмкин рекомендовал: «Производить удар на штыках дружно и стремительно; в то же время отборными и проворными людьми, облегча их от оружия и прочей тяжести, атаковать на саблях <...> с отменной скоростью; к сему, выбрав способных, обучить наперед. Турки называют такую атаку юринь, а я везде буду называть вихрем» [32]. В солдатских песнях потёмкинские чудо-богатыри вихрем врывались в расположение неприятеля, «и кололи, и рубили, и в полон многих склонили» [33].

Своеобразным памятником масштабному Греческому проекту служат греческие наименования Светлейшим князьем основанных им городов: Григориополь, Мариуполь, Никополь, Херсон, Овидиополь, Одесса, Симферополь, Севастополь, Херсон. Сразу после присоединение Крыма к России Г.А. Потёмкин вернул греческие названия Феодосия, Евпатория и весь Таврический полуостров. Одна из казачьих станиц, оказавшаяся сегодня в составе Ставропольского края, и поныне носит имя Григориопольская (город Григория). Однако народная топонимия по-своему, в рамках своей картины мира, организовывала местное пространство. Поэтому все названия имеют не только официальное, но и местное устно-легендарное обоснование. В топонимических рассказах великие замыслы Светлейшего могли приземляться, сводиться к обычной бытовой драме. В станице Григориопольской сегодня так рассказывают о происхождении её названия: «У нас стоял генерал – Григорий Польский. У него получилось недоразумение с женой и, с этим, адъютантом. И он (Григорий Польский. – О.М.) застрелил жену и застрелился сам» [34].

Однако по сравнению с современным обывательским мнением, до сих пор доверяющим фальшивке о так называемых

«потёмкинских деревнях», народная память в топонимических легендах и преданиях, в песнях по достоинству оценивает вклад Г.А. Потёмкина в освоение новых территорий. В отличие от сочинившего этот миф саксонского посланника, и носа не совавшего в Новороссию, для живых свидетелей и участников героического освоения края белый город и крепость Севастополь, многие другие города Тавриды и Новороссии, крепости и слободы Приазовья не были декорациями. Не являлись ряжеными и победоносные потёмкинские войска, воспетые в солдатских песнях. Были настоящими и построенные под руководством Г.А. Потёмкина Азовский и Черноморский флоты: «Расцветало сине море кораблями, / Белыми полотняными парусами, / Разными российскими флагами».

Большие надежды в своих преобразованиях, в освоении и защите новых территорий Г.А. Потёмкин возлагал на казачество. Образ Потёмкина в народной памяти казаков предстаёт неоднозначным. Светлейшему долго не могли простить разгон Запорожской Сечи в 1775 г., в которой он числился под именем казака Кущёвского куреня Грыцька Нечёсы. В песне о разрушении Сечи говорилось: «Ой, провидали запорожцы, / Що Нечоса Текелю послав, / Щоб нас и кошевого / И всю славну Сичь атакував; / Був же той день / Велики «зелени свята», / О бодай же твоя, Нечосо, / С того дня душа проклята!» [35]. В предании, записанном Я.П. Новицким в 1887 г. на острове Хортица от Трофима Штепы, говорится: «Когда разрушил Потёмка Сечь, запорожцы давай смолить байдаки и давай удирать в Туреччину. Узнал Потёмка и говорит: «Ну, скурви сыны, если вы так, тогда же я вас вот как»... Велел он выше Никополя натянуть от берега к берегу и прицепить к ним колокольчики, а на Днепр пушки нацелить» [36]. При звоне колокольчиков предполагалось расстрелять запорожские суда из артиллерии. Но запорожцы в предании перехитрили Потёмкина: пустили по течению с полсотни дубовых стволов. Услышав сигнал, русские впустую расстреляли все заряды. Тогда «затянули запорожцы весёлую песню, покрыли Днепр байдаками. Немало их, говорят, пошло под турка» [37].

Народные тексты «зруйнованья» Сечи положены сегодня в основу националистической мифологии о чуть ли ни «биологической ненависти» русского правительства к украинцам. На самом деле у эпической поэзии иная реальность – она проникнута символикой и преувеличениями. Если в песне говорится о рвущихся в Сечи снарядах, это вовсе не значит, что оплот украинского казачества подвергся бомбардировке. Н.И. Костомаров, глубокий знаток и подвижник историзма украинских дум писал: «Объявление верховной воли об уничтожении запорожского коша выражена в песнях символическими образами стреляния из ружей и пушек и падения бомбы посреди Сечи» [38].

Г.А. Потёмкин, как человек империи, не мог допустить существования буйной и непредсказуемой вольницы, которая по окончании войны не желала жить мирным трудом. Он сделал всё возможное, чтобы процесс интеграции казачества в российскую государственность прошёл как можно менее болезненно. Старшину приравняли к российскому дворянству, наделили армейскими чинами и землёй. На обустройство же простых запорожцев в южных губерниях только в 1776 г. было потрачено 12 тыс. рублей. Вскоре украинское казачество было воссоздано в виде служилых казачьих подразделений, которые, благодаря Г.А. Потёмкину были обеспечены правовой базой (жаловаными грамотами) ивойской территорией. Народная история не преминула откликнуться на такое отношение к казакам. По словам Ореста Литецкого, черноморские казаки «от полноты сердечных чувств» вспоминали «добрыйм словом и своего бывшего гетмана, велико-душно простив ему все его прежния великия против них же прегрешения: «Слава Богу и царыци и покий гетьману: / Залечили в сердцах наших велыкую рану!» [39].

Ещё в годы войны с турками по рукам ходил написанный одним из полковых старшин «Дифирамб», в котором запорожец восклицал: «Воскресши, южных стран возрадуйтесь вои, / Что на свете чести вы сподобились такои, / Что на неверного идущим басурмана / Дав Бог вам знатного великого гетмана, / Который будет вас за храбрость награждати. / Старайтесь только вы под ним так воювати, / Как воевали

преславни предки ваши / На Чёрном море и на утреннем Си-
ваше» [40]. Солдатская песня о взятии Потемкиным Очакова
недаром отмечает, что «запорожцы к нам склонились» [41],
а предания о взятии черноморцами по приказу Светлейше-
го князя острова Березань и походах под Хаджибей (Одессу)
играли важную роль в военно-патриотическом воспитании
казачьей молодёжи [42]. 22 апреля 1910 г. император Нико-
лай II «в вечное сохранение и напоминание славного имени
деятеля по образованию и устройству Екатеринославского и
Черноморского казачьих войск, потомки которых составля-
ют Кубанское казачье войско», приказал 1-му Кавказскому
полку именоваться 1-й Кавказский наместника Екатеринос-
лавского генерал-фельдмаршала князя Потёмкина-Таври-
ческого полк Кубанского казачьего войска [43]. Войсковой
старшина А.Д. Ламанов, работавший над историей Кавказ-
ского полка в 1912–1919 гг., начал свой труд с биографии
Г.А. Потёмкина. Каждый кавказец, считал казачий историк,
должен знать биографию Вечного шефа «в подробном описа-
нии заслуг его перед Родиной и особенно выделить те места,
которые отличали его на право сохранения и напоминания
имени его» [44].

Неоднократно упоминается Г.А. Потёмкин в песнях дон-
ских казаков. Это неудивительно, поскольку, по словам А.И.
Самойлова, Донское казачье войско было выведено Г.А. Потे-
мкиным «из прежнего состояния уничтожительного и по-
ставлено на череду быть славным» [45]. В 1774–1776 гг. была
перенесена по ходатайству донской старшины на другое ме-
сто станица Зимовейская, родина Степана Разина и Емелья-
на Пугачёва. «При перенесении станицы, – писал полковник
П.С. Балуев, – дом и двор Пугачёва были сожжены, а место
под ними находившееся, наказано кнутом». По просьбе ка-
заков перенесенная в другое место станица была переимено-
вана в Потёмкинскую «по имени князя Потёмкина, под на-
чальством которого тогда состояло войско Донское» [46].

Одна из солдатских песен представляет собой плач по Поте-
мкину на его похоронах: «Как мы бились, да вот мы ру-
бились целай день до ве ... мы до вечеру. / Как со вечеру бы
до белой зари всю ночь пропали ... пропалилися. / Эй сваво

батюшку, графа да Потёмкина, мы его лиши... да лишилися. / Эй да ты жа наш, ты батюшка граф ... Поте ... граф Потемкин князь, / Эй да мы поделали тебе да гробницу с лесу купари ... купарису. / Эй да положили да вашаю светлость во гробни ... во гробницу. / Эй понясли жа да вашаю светлость, ее, поргбе ... погребати. / Эй напереди идуть вашей светлости всё идуть попы ... все попы-дьяки. / Как да по правой идуть по сторонушке графы генера ... генералушки. / Как по левой идуть по сторонушке штабы-офицеры, штабы-офицеры. / Ой как позади идуть твоей светлости батюшки да солда ... да солдатушки» [47].

Исторические реалии песни вымышлены: в этом тексте, записанном А. Листопадовым у донских казаков, Потёмкин гибнет на войне на глазах у Императора Павла I. Известно, что последний напротив пытался вытравить всякую память о Потёмкине. Вероятно, плач по Светлейшему князю, который впоследствии наложился на эпоху Императора Павла I, отражал реакцию казаков и солдат на известие о смерти фельдмаршала в 1791 г. Об отпевании тела Григория Александровича в Ясском монастыре Голий очевидец писал: «Храбрые воины почтили начальника своего плачем» [48]. Гроб выносили генералы М.И. Кутузов, П.С. Потёмкин, А.Н. Самойлов, С.Ф. Голицын, О.М. де Рибас, казачьи атаманы М.И. Платов, В.П. Орлов, И.И. Исаев, З.А. Чепега... В песне черноморцев, авторство которой приписывают А.А. Головатому, казаки жалуются, что со смертью их заступника некому теперь будет защитить от произвола помещиков: «Да и дав гэтыман от Дniestра до Бугу, / Граныцею по Бэндэрську дорогу. / Дniestровський, Дніпровський, обыдва лыманы. / В них добувалы й справлялы жупаны. / Прэжнюю взялы та й сю отбырают, / А нам даты Тамань обищают. / Мы й туды б пишли, абы б нам сказалы, / Щоб ны згубыть дэ ко-зацкой славы. / Встанеъ, батьку вэлыкый гэтыманэ, / Милостивый наш, вэльиожный панэ, / Встань, Грыцьку, промовь за нас слово, / Просы царыци – всэ будэ готовэ» [49].

Согласно преданию, записанному в ст. Старолеушковской, Императрица долго не хотела принимать депутатию черноморцев. Казаки затянули песню «Ой, встань Грыцько,

ой, встань батьку». Императрица Екатерина II «услышала эту песню, и ей стало жаль казаков. Тогда она велела вернуть их обратно и подписала грамоту» [50]. Народные плачи о Потёмкине уходят своими корнями в славянские тризыны по своим героям [51]. Обычай поэтического оплакивания умерших, сохранившийся в российской глубинке до сих пор, в прошлом охватывал все сословия империи. Когда оплакивали исторического деятеля, то посвящённые ему песни напоминали о связанных с ним исторических событиях [52]. Даже недруги усопшего в таких случаях славили героя. Когда недоброжелатель Потёмкина, престарелый фельдмаршал граф П.А. Румянцев-Задунайский, проживавший в своём имении Вишенки под Черниговом, получил известие о смерти Светлейшего, то «встал на колени перед образом и громко произнёс: «Вечная тебе память, князь Григорий Александрович!». Затем, обратясь к Дашкову и Апраксину и заметя их изумление, сказал: «Чему вы удивляетесь? Князь был мне соперником, может быть даже неприятелем; но Россия лишилась великого человека, Отечество потеряло сына бессмертного по заслугам своим» [53]. А.В. Суворов, которого долго настраивали против Г.А. Потёмкина, в 1796 г. писал своему родственнику: «Среди гонений князя Платона в Херсоне я ходил на гроб князя Григория Александровича Потёмкина, помня одни его благодеяния» [54].

Историческая память народа оценивает любого исторического деятеля не только с точки зрения того, что последнему удалось или не удалось. Обязательно учитывалось, удержался ли он на определенной нравственной высоте или нет [55]. Из личной переписки князя, воспоминаний современников и официальных документов, что Г.А. Потемкин был очень набожным человеком. Русские солдаты, казаки и крестьяне знали и ценили это качество в своём военачальнике. День штурма Очакова, 6 декабря 1788 г., был выбран Г.А. Потёмкиным неспроста – это был церковный праздник Св. Николая, покровителя моряков, и князь надеялся на помощь небесных сил. Длившаяся почти полгода осада крепости завершилась столь стремительным штурмом и взятием ее, что князь Потемкин уверовал в помощь Св. Николая. С этого мо-

мента имя святого становится для него программным. Новому городу-порту, возводившемуся в Новороссии, Светлейший князь дал имя Николаев – в память о взятии русскими войсками турецкой крепости Очаков в день христианского праздника Святителя Николая Мирликийского.

Чувствуя дыхание смерти, Г.А. Потёмкин составил «Канон Спасителю», который впоследствии был найден в его бумагах и опубликован П.И. Бартеневым. Это очень красивое песнопение, выражающее личные страдания и покаяние Григория Александровича: «Верую, Господи, что уготовано от Тебя праведному и грешному, но от первого пути далече совратихся, а последнему всегда предшествую; яко человек хощу взойти на истинный путь, но житейское попечение онъй заграждает. Кий суд будет мне, зачатому во грехах, и кто пощадит душу мою, аще не Ты, спаситель мой?» [56]. Русские солдаты, казаки и крестьяне знали о религиозности Г.А. Потёмкина, поэтому в народных представлениях он представлял выразителем воли Божьей [57].

Когда при Императоре Павле I стали очернять всё сделанное Г.А. Потёмкиным, бывший правитель канцелярии Светлейшего и его друг В.С. Попов не выдержал издевательств над памятью фельдмаршала. На раздражённый вопрос императора – «Как поправить все зло, которое Потемкин причинил России?!», Василий Степанович дерзко сказал правду: «Отдайте туркам южный берег!» [58]. Свидетельством народного признания является сооружение на народные средства памятника Светлейшему в Херсоне. Ещё в 1801 г. Император Александр I подписал манифест о возведении монумента. Но дело не двинулось с места, потому что наследники баснословного состояния Г.А. Потёмкина тридцать лет всё никак не могли выделить нужную сумму. Тогда была объявлена народная подписка на сооружение памятника, эскиз которого был выполнен знаменитым И.П. Мартосом. 24 ноября 1837 г. памятник был торжественно открыт в Херсоне. «Если бы Потёмкин действительно был ненавистен большинству россиян и любим одной государыней, как часто утверждали его противники, то по подписке со всей России не удалось бы собрать средства ему на памятник», – отмечала О.И. Елисе-

ева [59]. После революции фигура Потёмкина была снята с пьедестала и перенесена во двор историко-археологического музея. Останки Светлейшего князя были вынуты и выставлены как экспонат антирелигиозного музея, в который превратили Екатеринский собор. Но помимо воли глумящихся, Г.А. Потёмкину этим была оказана своеобразная честь. Прах полководца и администратора разделил судьбу мощей святых угодников и заступников земли Русской, выброшенных из храмов и выставленных на всеобщее обозрение [60].

Во время Великой Отечественной войны немцы увезли памятник Г.А. Потёмкину на переплавку. И лишь 19 сентября 2003 г., когда Херсон отмечал 225-летие со дня основания, памятник был восстановлен скульптором Ю.Г. Степаняном по сохранившимся эскизам Мартоса. «Он вернулся, основатель нашего города!», – так встречали херсонцы возрождение памятника [61].

Таким образом, реальный Григорий Потёмкин вполне соответствовал народным воззрениям о национальном герое, посвятившем себя служению своей стране. Его отвага, человеколюбие, набожность, гений военачальника и администратора, кипучая деятельность по освоению огромного края нашли достойное отражение в народной памяти русских и украинцев, молдаван Бессарабии и болгар Крыма, в песнях и преданиях донских и кубанских казаков. Подобный русскому былинному богатырю, Григорий Потёмкин возвращается в наше историческое сознание в условиях новых geopolитических вызовов, которые стоят перед Россией.

Примечания

1. *Буганов А.В. Личности и события истории в массовом сознании русских крестьян XIX – начала XX в.: Историко-этнографическое исследование.* М., 2013. С. 277.
2. *Белинский В.Г. Русская литература в 1841 году // Белинский В.Г. Собр. соч. в трёх томах / Под общ. ред. Ф.М. Головенченко.* М., 1948. Т. II. Статьи и рецензии. С. 135–136.
3. <http://smolensklib.ru/node/446>. (Дата обращения 18.08.2016).
4. *Исторические песни XVIII века / Сост. О.Б. Алексеева, Л.И. Емельянов.* Л., 1971. № 443. С. 243.

5. Елисеева О.И. Григорий Потёмкин. М., 2005. С. 99.
6. Там же. С. 100.
7. Смолицкий В.Г. Образ атамана Платова в народном творчестве // Атман Платов в песнях и преданиях / Сост. В.Г. Смолицкий, В.Е. Добровольская, И.Е. Посоха, А.Н. Иванов. М., 2001. С. 17.
8. Исторические песни XVIII века. № 468. С. 254.
9. Там же. № 462. С. 252.
10. Там же. № 487. С. 262.
11. Там же. № 484. С. 261.
12. Сборник военно-исторических материалов Д. Масловского. СПб., 1894. С. 4–7.
13. Елисеева О.И. Указ. соч. С. 476.
14. Там же.
15. Исторические песни / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и comment. С.Н. Азбелева. М., 2001 (Б-ка русского фольклора; Т. 7). № 156. С. 252.
16. Елисеева О.И. Указ. соч. С. 487–488.
17. Исторические песни. № 156. С. 252–253.
18. Исторические песни XVIII века. № 486. С. 262.
19. Исторические песни. № 155. С. 250, 468.
20. См., например: Литвин Э.С. Образ полководца Суворова в русском народном творчестве // Русский фольклор. Материалы и исследования. Т.IV. М.-Л., 1959. С. 48.
21. http://ale07.ru/music/notes/song/npr/nlp/rip_h11.htm (Дата обращения 25.08. 2016).
22. Исторические песни XVIII века. № 370. С. 211.
23. Там же. С. 321.
24. Исторические песни. С. 464.
25. Цит. по: Лопатин В.С. Суворов. М., 2015. С. 116.
26. Самойлов А.И. Жизнь и деяния князя Г.А. Потёмкина. Сочинение гр. А.И. Самойлова // Русский архив. 1867. № 10. С. 1226.
27. <http://www.imha.ru/1144529956-pesnya-o-peremene-soldatskoj-pricheski.html#.V-ZHP4iLSM8>. (Дата обращения 18.09.2016).
28. Энгельгардт Л.Н. Записки Льва Николаевич Энгельгардта. 1766–1836. М., 1867. С. 130.

29. Исторические песни XVIII века. № 481. С. 260.
30. Елисеева О.И. Указ. соч. С. 373.
31. Исторические песни XVIII века. № 475. С. 258.
32. Елисеева О.И. Указ. соч. С. 373.
33. Исторические песни. № 156. С. 252.
34. Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции 1999 г. Станица Григориполисская Шпаковского района Ставропольского края. Аудиокассета № 1874. Информатор Косилов Пётр Михайлович, 1910 г.р.
35. Фелицын Е.Д., Щербина Ф.А. Кубанское казачье воинско. Репинтн. Изд. Краснодар, 1996. С. 37.
36. Народная память о казачестве. Запорожье, 1991. № 60. С. 98.
37. Там же.
38. Костомаров Н.И. История козачества в памятниках южнорусского песенного творчества // Костомаров Н.И. Славянская мифология. Исторические монографии и исследования. М., 1994. С. 632.
39. Л-й Ор. Потёмкин и черноморцы // Киевская старина. 1887. Т. XIX. № 9. С. 189–190.
40. Там же. С. 187.
41. Исторические песни XVIII века. № 481. С. 260.
42. Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту // Черноморские казаки. М., 2009. С. 139.
43. Казин В.Х. Казачьи войска. Хроника. Репринтн. воспр. изд. 1912 г. М., 1992. С. 131.
44. Ламанов А.Д. История Первого Кавказского полка. Кропоткин, 2011. С. 13.
45. Самойлов А.И. Указ. соч. С. 1230.
46. Балуев П.С. Исторические и статистические описания станиц и городов, посещенных г. военным министром при объезде Его Превосходительством Области Войска Донского в 1900 году. Сост. Ген. Штаба полк. П.С. Балуевым. Новочеркасск, 1900. С. 101.
47. Исторические песни XVIII века. № 500. С. 270.
48. Цит. по: Елисеева О.И. Указ. соч. С. 599.
49. Бигдай А.Д. Песни кубанских казаков / Ред. В.Г. Захарченко. Краснодар, 1992. Т. I. Песни черноморских казаков. № 264. С. 346.

50. Народная проза Кубани / Авт.-сост. Л.Б. Мартыненко, И.В. Уварова. Краснодар, 2003. С. 49.
51. Азбелев А.Н. История России в народной памяти // Тысяча лет русской истории в преданиях, легендах, песнях / Сост., вступ. ст., коммент. С.Н. Азбелева. М., 1999. С. 8.
52. Там же.
53. Екатерина II и Григорий Потёмкин: Исторические анекдоты / Сост., вступ. ст. и прим. Ю.Н. Лубченкова и В.И. Романова. М., 1990. № 47. С. 102.
54. Цит. по: Елисеева О.И. Указ. соч. С. 606.
55. Буганов А.В. Указ. соч. С. 278.
56. Цит. по: Елисеева О.И. Указ. соч. С. 592.
57. Буганов А.В. Указ. соч. С. 198–199.
58. Елисеева О.И. Указ. соч. С. 357.
59. Там же. С. 615.
60. Там же.
61. http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/vacheslav_lopatin_knaz_potemkin_oklevetannyj_ispolin_307.htm. (дата обращения 12.08.2016).

*И.Ю. Мартиanova
(г. Краснодар, Российская Федерация)*

Жизненный мир Г.А. Потёмкина глазами его современников

Григорий Александрович Потёмкин – исторический деятель такого масштаба, что, сколько бы о нём не писали, всегда будет повод прибавить нечто новое к уже сказанному. В этой работе исследуется жизненный мир фаворита Императрицы Екатерины II в воспоминаниях современников.

Обращаясь к проблеме жизненного мира человека прошлого, мы использовали мемуары, авторы которых сами стремились раскрыть свои жизненные миры [1]. Потёмкин мемуаров писать не стал. О нём высказывались многие современники, даже не знавшие его лично. Возникает вопрос,

насколько жизненный мир человека может быть проницаем для людей, имеющих разную степень знакомства с ним?

Понятие жизненного мира используется в исследовани-ях, чтобы снять противопоставление внутреннего и внешне-го, тесно связанных между собой (порой до неразличимости) и образующих некую третью реальность, т.е. сам жизненный мир [2]. Что может служить пропуском для наблюдателя и историка в эту третью реальность? Возникает и проблема восприятия Другого и его жизненного мира. Если этот Другой был значимым для данного общества человеком, то мемуарист обязательно высказывал свои замечания, даже если не был знаком с ним. Эти замечания позволяют составить представления о том, каким казался жизненный мир Г.А. Потёмкина большинству современников, лично не знавших его. Изучение жизненного мира Г.А. Потёмкина актуально для понимания его самого, его деятельности, изучения истории эпохи.

К работе привлечены в качестве источников воспоминания Г.С. Винского, М.А. Вейкарта, С.Р. Воронцова, М.А. Гарновского, Г.Р. Державина, А.Н. Самойлова, А.В. Храповицкого и анонимного автора, который был домочадцем князя. Все они в разной степени знали Г.А. Потемкина. В их воспоминаниях можно найти сведения от беглых замечаний до развёрнутых характеристик и бытовых подробностей жизни этого человека.

Придворный врач М.А. Вейкарт в мемуарах называет Г.А. Потёмкина «всемогущим» [3], и упоминает только о том, что князь представлял Императрице Екатерине II своего адъютанта А.Д. Ланского, как потенциального любовника. Врач не раз видел Григория Александровича, но не счёл нужным представляться ему. Жизненный мир Потёмкина не произвёл на него впечатления, поэтому сразу за упоминанием о князе следует: «Впоследствии я вообще ... не заискивал ни у кого из сильных при дворе. Порядочный и занятой человек не может заниматься любезничаньем даже с прекрасным полом; а если он начнет этим заниматься, то вскоре перестанет быть порядочным и деловым человеком» [4]. Знакомство с князем, весь жизненный мир которого для врача сводится

к утешению Императрицы и представлению ей любовников, не достойно «порядочного и делового человека». Мемуарист мог бы вообще не упоминать о Потёмкине, но был велик соблазн представить свою значимость через отрицание влиятельной в крупнейшем государстве особы. М.А. Вейкарт, выходец из беднейших слоёв немецкого простонародья, горбатый, живущий на одно жалованье, воспринимал Григория Александровича не просто как Другого, а как свой полный антипод – знатный, богатый, красивый, хоть и одноглазый, вершащий судьбы миллионов.

Не был лично знаком с князем и дворянин из Малороссии Григорий Степанович Винский. В 1777 г. он был арестован Тайной экспедицией, которую возглавлял князь А.А. Вяземский, по делу о хищении казённых средств армейскими офицерами. «Адская комиссия», по выражению мемуариста, «обхватывая все состояния, цепляла и Преображенский полк, состоящий под непосредственными повелениями Потёмкина» [5]. Тот был недоволен ведением следствия и безосновательными арестами. Он добился передачи дела графу Ф.М. Толстому, премьер-майору Преображенского полка. «Что г. Толстой был честен, это известно; как и предан князю Потёмкину, также справедливо. Комиссия с сего времени занялась весьма деятельно следствием ...» [6], дело продвинулось и автора осудили на год и 3 месяца тюрьмы с последующим лишением чинов, дворянства и на вечную ссылку.

В записках Винский аккумулировал слухи о Потёмкине, ходившие среди петербуржцев, составив себе представление о нём. Винский называл его «всемогущим», «своевольным» [7], и «могучим сатрапом» [8]. Он отмечал, что Григорий Александрович «натурально не любил своих соревнователей» [9] и «по сущей справедливости, князя Потёмкина нельзя порицать жестокосердым и гонителем своих недоброхотов (напротив, много было примеров, что он бывал нередко к ним великодушен, по большей же части мстил своим злодеям одним презрением)» [10]. Винский умалчивал, видел ли он сам князя, но отмечал впечатление от его свиты, которая стала заметна в столице. Мемуарист писал, что «князь окружился разными языками и племенами, как-то козаками, греками, албанцами,

татарами, горцами и всякою иною чудью, никогда до того в столице невиданною; все с чинами, с большим жалованьем, с почестями, в блестящих, странных одеждах» [11]. Отмечал Винский и то, что Потёмкин, «хотя временщичал недолго, но Екатерине столько умел угодить и сделался ей необходимым, что остался навсегда всемогущим» [12]. Из государственных дел князя он упоминал, что «многия по армии учинены перемены и введены новости, из которых немаловажно можно поставлять преобразование иррегулярных войск в регулярные полки и причисление их в состав армейский» [13].

По представлениям столичного дворянства, через призму восприятия Винского можно охарактеризовать «третью реальность» Г.А. Потёмкина. В жизненном мире этого человека доминирующей является подсистема внеповседневной реальности, складывающаяся из постоянного труда по управлению государством и армией. Власть, данная Г.А. Потёмкину Императрицей Екатериной II, применялась им во имя благоустройства страны, не размениваясь на преследование конкурентов (у Винского «соревнователей») и месть «недоброхотам». Это было заметно людям, не з纳вшим лично фаворита; знала и понимала это Императрица, делая его «навсегда всемогущим». Рассказ о свите даёт представления о том, что границы его жизненного мира были достаточно широки, чтобы вмещать общение и взаимодействие в повседневности с людьми разных культурных традиций, наций, различного уровня образованности. Безграничная общительность и расположность к людям для рядового современника Потёмкина была явлением неординарным, присуща людям незаурядным и вызывала изумление, что и отразилось в записках. У Винского были все основания быть недовольным Потёмкиным, но система нравственных убеждений (ключевыми составляющими которой были «великодушие» и отказ от мести) жизненного мира князя явно импонирует мемуаристу.

Опыт общения с Г.А. Потёмкиным был у поэта Гаврилы Романовича Державина. Состоя на военной службе, он добровольно попросился в войска, участвовавшие в подавлении восстания Пугачёва, и был обойдён наградой. Об этом Гаврила Романович ходатайствовал у Потёмкина, который его

обнадёжил. Прошло два года, но никто не спешил вручить обещанное, поэтому он написал письмо Императрице. Екатерина поручила Потёмкину удовлетворить просителя. Григорий Александрович принял Державина в декабре 1776 г.: «Допущен будучи в кабинет, нашёл его сидящего в креслах и кусающего по привычке ногти» [14]. Князь спросил, что хочет получить в награду Державин. Поэт попросил деревни и чин полковника. Потёмкин обещал, но исполнение возложил на премьер-майора Ф.М. Толстого, который счёл повышение несправедливым, доказал это князю и рекомендовал Державину уйти из армии в статскую службу [15]. В момент сообщения известия о взятии Измаила, поэт пообещал прилюдно написать оду и сделал это. Ода всем понравилась, а «князь Потёмкин... стал к автору необыкновенно ласкаться» [16].

Мемуаристу писал о неприятной истории между Г.А. Потёмкиным и П.А. Зубовым, в которой он оказался против воли. Отставной майор Бехтеев подал жалобу Григорию Александровичу на отца П.А. Зубова, который «отнял у Бехтеева наглым образом деревню» [17]. Потёмкин начал разбирательство и дело шло к совестному суду. Бехтеев просил Г.Р. Державина быть посредником. Выполнить это мемуаристу было неудобно, т.к. Платон Александрович неоднократно помогал ему. Идти против воли князя Державин тоже не мог. Ему удалось кончить дело миром, вернуть деревню Бехтееву, не задев при этом самолюбие князя и графа. Мемуарист вспоминал, что «Потёмкин в сие время за Державиным, так сказать, волочился: желая от него похвальных себе стихов, спрашивал через г. Попова, чего он желает» [18]. Поэт упоминал, что Зубов передал ему просьбу Императрицы писать для князя всё, что он пожелает, «но отнюдь бы от него ничего не принимал и не просил, что он (Державин – И.М.) и без него всё иметь будет» [19]. Поэт полагал, что «в сие время крылось какое-то тайное в сердце Императрицы подозрение против сего фельдмаршала, по истинным ... политическим каким ... причинам, или по недоброжелательству Зубова, как носился слух тогда, что князь, поехав из армии, сказал своим ближённым, что он не здоров и едет в Петербург зубы держать. Сие дошло до молодого вельможи и подкреплено было

... разными внушениями истинного сокрушителя Измаила ... Великий Суворов ... шёл тайно против неискусного своего фельдмаршала, которому, со всем своим искусством, должен был единственно по воле самодержавной власти повиноваться» [20].

Державину трудно понять жизненный мир Другого, т.к. он постоянно смотрел на него, исходя из собственных нужд и произвольных суждений. Он истолковывал проявления различных систем жизненного мира Потёмкина так, как будто он, Державин, являлся его центром. Однажды Императрица поручила ему сделать надпись для бюста Чичагова, но не приняла её. Гаврила Романович считал, что это было сделано, чтобы представить свету ещё раз поэта, и якобы предлагала ему место докладчика. Было это как «подраживание или толчок Потёмкину, что Императрица против его воли, хотела сделать своим докладчиком по военным делам Державина... Князь, узнав сие, не вышел в собрание и, по обыкновению его, сказавшись больным ... и лёг в постелью» [21]. Было бы странным, если бы Императрица Екатерина дала эту должность человеку, которому, по его же воспоминаниям, официально была рекомендована статская служба. Не менее странно представить, что информация такого рода могла бы настолько расстроить Г.А. Потёмкина, что он сказался больным и не явился туда, где намеревался быть.

Державин считал, что Потёмкин мог расстроиться, если не видел в его стихах восхвалений в свой адрес. Однажды он принёс князю тетрадь со стихами и был приглашён к обеду. Пока Григорий Александрович читал, поэт ожидал его в канцелярии В.С. Попова. По словам автора, «князь, когда прочёл... и увидел, что... отдана равная с ним честь Румянцеву и Орлову, его соперникам, то с фуриею выскочил из своей спальни, приказал подать коляску и, несмотря на шедшую бурю, гром и молнию, ускакал бог знает куда. Все пришли в смятение, столы разобрали – обед исчез» [22]. Но Потёмкин мог внезапно умчаться из дома в грозу, отнюдь не под впечатлением от прочитанного, а по делам, которых у него всегда было в избытке, и о которых поэт ничего не знал. Внезапный отъезд из дома это свидетельство о пренебрежении князя к

сопутствующим обстоятельствам, если нужно было что-то лично сделать. Державин государственными делами занят не был, поэтому пропавший обед для него – чувствительная потеря, запомнившаяся на годы.

Мемуарист сообщал, что часто ездил к князю, который предлагал помочь, зная о его бедственном положении. От помощи Державин отказывался по повелению якобы Императрицы, переданному через П.А. Зубова, о чём и сожалел, когда князь уехал в Новороссию, а он остался ни с чем [23]. Автор писал о фаворите: «Должно справедливость отдать князю Потёмкину, что он имел весьма сердце доброе и был человек отлично великодушный. В оде «Фелице» на счёт вельмож, а более на него вмешённые ... его нимало не тронули или, по крайней мере, не обнаружили его гневных душевных расположений, не так, как прочих господ, которые за то сочинителя возненавидели и злобно гнали» [24].

Из всех перечисленных Державиным эпизодов с участием Потёмкина складывается набор представлений о жизненном мире князя. Военная и административная деятельность Григория Александровича скорее подразумевается, но почти не освещается в тексте. Мемуарист считает Потёмкина «неискусным фельдмаршалом», но его положением готов пользоваться для решения своих проблем. Для поэта на первом месте – система нравственных и моральных качеств жизненного мира Потёмкина, его система взаимоотношений с людьми. Он отмечает постоянную готовность Потёмкина помогать нуждающимся. Правда, объясняет он это либо боязнью скандала (случай с Бехтеевым), либо заискиванием перед нужным человеком (случай с самим Державиным). Противореча себе, мемуарист пишет о доброте князя, о его умении адекватно воспринимать шутки, не преследуя поэта, в отличие от остальных.

Отношение графа С.Р. Воронцова к Потёмкину определялось неприятием захвата власти Императрицей Екатериной II в 1762 г. С.Р. Воронцов до убийства Петра III не признавал Екатерину Императрицей, а всех, кто её поддерживал, считал предателями, нарушителями присяги. Судьба свела Г.А. Потёмкина и С.Р. Воронцова в бою под Силистрией. Ворон-

цов «выслан был для прикрытия корпуса князя Потёмкина, половина которого была разбита турками» [25]. Сражаясь за интересы своей страны, эти два в высшей степени независимых человека поддерживали друг друга, но в мирной жизни они не могли стать даже добрыми знакомыми. Жизненный мир Потёмкина открывался для Воронцова через восприятие вклада фаворита в историю Русско-турецких войн [26]. Говоря о служебных взаимоотношениях, Семён Романович отмечал, что князь, став свидетелем мужества Воронцова в бою, «стал оказывать ... дружеское расположение, хотя не любил» [27]. Влиянию Потёмкина мемуарист приписывал свои неудачи: его дважды обошли в повышении и орденах. Доброжелательное отношение со стороны князя, мемуарист считал следствием того, что Григорий Александрович «устыдился сделанного ... вреда, ... и стал оказывать ... особенную ласку, обещая множество выгод в будущем», приглашал поступить в Преображенский полк премьер-майором, где сам был подполковником [28]. Воронцов ответил отказом, считая, что Потёмкин ждёт «угодливости». Мемуарист полагал, что «он принял отсутствие низости в ... характере за высокомерие и надменность» и фаворит отметил его «в своём уме как человека, ни на что ему не пригодного и, сохраняя ... наружные приёмы вежливости..., поставил себе за правило при всяком удобном случае унижать» Воронцова [29]. В доказательство Семён Романович приводит случай, когда Потёмкин обещал не трогать его полк в Москве после длительного перехода, но через десять дней предупредил, что приедет смотреть с Императрицей. Князь потом извинялся, объясняя инспекцию прихотью Императрицы, но Воронцов не поверил: «Он ... старался успокоить меня сильнейшими уверениями в своём желании быть мне полезным. Мы расстались, оба убеждённые: он, что обманул меня своими заверениями, а я, в его недоброжелательстве. С тех пор я бывал у него только ... по делам моей бригады» [30].

Со слов мемуариста заметно, что свою систему повседневных взаимоотношений с соратниками по оружию Г.А. Потёмкин выстраивал неизменно доброжелательно. Будучи сам мужественным человеком, князь умел ценить это каче-

ство в других. Семён Романович писал искренне о своих взаимоотношениях со Светлейшим. Порядочность Воронцова не позволяла ему изменять факты в свою пользу. Он их описывал так, как действительно видел, поэтому получалось, что взаимные тёплые отношения или удачный рабочий tandem этих незаурядных личностей не возникли из-за повышенной подозрительности самого Воронцова. Мешала им и тень переворота 1762 года. В двух эпизодах нанесения «вреда» Потёмкиным мемуаристу нет никаких доказательств, кроме глубокого убеждения, что это князь виноват в его неприятностях.

Свообразные свидетельства о жизненном мире Потёмкина остались в дневниках статс-секретарь Императрицы Екатерины II А.В. Храповицкий [31] и управляющий делами князя М.А. Гарновский [32]. Им обоим очень доверяла Императрица. Их свидетельства, проливающие свет на некоторые составляющие жизненного мира Григория Александровича, уникальны.

Храповицкому и Гарновскому удаётся воссоздать в своих записях трудноуловимую ткань самой жизни, где события и явления внешние и внутренние переплетаются, требуют немедленной реакции от всех её участников. Эпицентром был кабинет Императрицы Екатерины II, где неотъемлемой частью атмосферы стали проявления жизненного мира Потёмкина через его письма, посланцев, замечания Императрицы о нём, его документы, просьбы и советы, реляции с театра боевых действий. Было неважно, присутствует или отсутствует князь – он всегда важнейшая составляющая жизни Екатерины. Храповицкий во множестве записывает её реплики о Григории Александровиче, например: «Разговаривая на прежний тон о Г.П. сказано, что «надобно держаться за корень, а не за ветви: доказательство – Князь Потёмкин, который много имел неприятелей» [33]. И далее: « ... Князь может надеяться; оставлен не будет; он не знает другого Государя: я сделала его из сержантов Фельдмаршалом; не такие злодеи его ныне, каковы были Князь Орлов и Граф Никита Иванович Панин; тех качества я уважала. К. Орлов всегда говорил, что Потёмкин у меня как чорт» [34]. Из этих замечаний видно, что Григорий Александрович умел видеть глав-

ное и без него было крайне сложно обойтись в делах, даже если он ненадолго самоустранился. Императрице Екатерине и Храповицкому о незаменимости Потёмкина вторит Гарновский: «Все господа любопытствуют, где его св-сть? долго-ли в Кременчуге пробыть ... и когда сюда быть изволит? ... заподлинно известно, что здесь никто намерения его св-сти не знает, разве Ея И. В-во» [35].

Храповицкий не упускает случая заметить и нравственные качества князя: «Много умом и советом помог князь Г.А. Потёмкин. Он до бесконечности верен. ... Ум князя Потёмкина превосходной, да ещё был очень умён князь Орлов, который, подущаем братьями шёл против князя Потёмкина, но когда призван был для уличения князя Потёмкина в худом правлении частью войска, то убеждён был его резонами и отдал ему всю справедливость; ... Князь Потёмкин глядит волком, и за то не очень любим, но имеет хорошую душу; хотя даёт щелчка, однако же сам первой станет просить за своего недруга» [36].

Александр Васильевич описал и переживания Императрицы Екатерины II о болезни и смерти Потёмкина. На четвёртый день после получения сообщения о смерти Григория Александровича: «Продолжение слёз; – мне сказано (Императрицею – И.М.): «Как можно мне Потёмкина заменить: он был настоящий дворянин, умный человек, его нельзя было купить. – Всё будет не то» [37]. Эти строки не только показывают, как Императрица переживала смерть князя, но и доставляют сообщение о такой нравственной составляющей жизненного мира князя, как неподкупность.

Дневники секретаря и управляющего дают основания считать, что участие в войнах, международной политике, принятие государственных решений, которые большинством современников относятся к их экстраординарному состоянию как активных участников истории или её свидетелей, для Потёмкина были скорее его повседневной реальностью. Он создавал историю своего времени и жил ею непрерывно.

Н.Ю. Болотина, изучая деятельность князя по архивным документам, отмечала невероятный объём бумаг, помеченных одним числом с подписью и замечаниями князя [38]. Имея в виду распространителей анекдотов о лени и вздорно-

сти князя, исследовательница иронически отмечала: «Читать и анализировать скучные делопроизводственные бумаги, рисующие каждодневные заботы чиновников разного уровня по управлению и развитию государства, конечно же, менее интересно, чем собирать исторические анекдоты и легенды» [39].

О повседневных привычках, домашней жизни князя, об его обращении с домочадцами вспоминал анонимный автор, видимо, постоянно проживавший в доме Потёмкина в Яссах. Аноним характеризует жизненный мир Григория Александровича по домашним наблюдениям, которые сводятся к изумлению роскошью, удовлетворению самых причудливых прихотей и эстетических запросов. По свидетельству автора, он очень не любил напоминаний: «князь Потёмкин раздражался напоминанием ему чего-либо, сколько бы искусно то представлено ни было» [40]. Мемуарист оставил интересное свидетельство о том, как у Григория Александровича шёл процесс осмысливания проблемы: после окончания приёма просителей и чиновников «... комнату княжескую затворяли, и он оставался более часа наедине. В сей комнате всегда находился стол, на котором лежали бумаги и карандаш, пруток серебра, при нём маленькая пила, коробочка с драгоценными каменьями разного рода и цвета. Когда князь Потёмкин о чём-либо размышлял или делал какое-либо распоряжение: в таком случае, чтоб мысли его не разсеялись, но удержаны были бы при избранном предмете, брал он между перстов два дорогих камня, и тёр один об другой; или обтикал пилочкою серебро, или раскладывал разными фигурами драгоценные камни, и увеселялся игрою их блеска. Что он между тем изобретал в своих мыслях, сам записывал на приготовленной бумаге, и отдавал после того, когда приказывал растворить двери, входящему П. для исполнения» [41]. В данных воспоминаниях предстаёт жизненный мир непредсказуемого барина, скорого на справку по справедливости, не знающего предела своим прихотям и богатствам, но человека доброго, умного и деятельного.

В воспоминаниях племянника князя графа Самойлова сделана попытка широко представить государственную и частную жизнь Потёмкина, чтобы опровергнуть измышлений

как современников, так и авторов, посмертно порочивших Григория Александровича: « ... не могу читать без душевного негодования, — писал Александр Николаевич, — напечатанных в разных книгах недостойных лжей, злословий и клевет ... и вместо признательности за заслуги Отечеству, за добро со-деянное, за благотворение, явленные всем вообще и каждому, имевшему в защите и покровительстве его нужду, с прискорбием вижу в разных изданиях, что сколько злоба, зависть и невежество могли в хулу ему излить яда, ничего не было оставлено» [42]. Для характеристики жизненного мира интересен следующий эпизод из текста: «При сём первом появлении его ... на сцене придворной, будучи 22-х лет, имел он случай показать смелость свою, присутствие духа и остроту ума. Однажды, по должности дежурного камер-юнкера... Ее Величеству угодно было отозваться к нему на французском языке, на что он ответствовал на русском. Тогда некто знатнейший чиновник ... в порицание ему, сказал, что на каком языке государь предлагает речь подданному, на том самом он должен ответствовать; но Григорий Александрович, нимало не смущаясь, ответствовал...: «А я напротив того думаю, что подданный должен ответствовать своему Государю на том языке, на котором может вернее мысли свои объяснить; русский же язык учу я слишком 22 года» [43]. В данном эпизоде раскрывается культурное своеобразие жизненного мира Потёмкина. В то время, как его современники-дворяне стараются как можно менее походить на русских людей и одеждой, и говором, двадцатидвухлетний камер-юнкер является принципиально иной тип поведения и мышления, давая понять, что готов отстаивать эту модель. Знание иностранных языков являлось для князя полезным инструментом в его многообразной деятельности, но не средством повседневного общения русского человека.

Жизненный мир человека прошлого может быть достаточно описан множеством высказываний современников, т.е. эта третья реальность обладает некой проницаемостью почти во всех её подсистемах. Однако отдельно взятое мемуарное произведение или собрание писем одного человека могут пролить свет лишь на некие элементы наблюдаемого жизненного мира. Полнота и достоверность описаний будут

зависеть от степени сближения мемуариста с носителем жизненного мира, от общей оценки автором личности, которую он стремится охарактеризовать.

Своеобразным пропуском в жизненный мир Другого являются родственные взаимоотношения (А.Н. Самойлов), любовь (Императрица Екатерина II), общее жизненное поприще (А.В. Храповицкий), совместная деятельность (М.А. Гарновский), совместное проживание (анонимный автор), общие темы для разговоров (Г.Р. Державин) и переписки (Императрица Екатерина II, Гарновский, Храповицкий), совместно пережитый риск и острые конкуренции (С.Р. Воронцов), случайная встреча (М.А. Вейкарт), жизненная катастрофа (Г.С. Винский).

Даже при самом общем анализе мемуаров современников Г.А. Потёмкина реконструируются основные аспекты жизненного мира человека, который порой мог казаться волшебником: «Какое же его волшебство? Гений, гений и гений! Брожденный ум, прекрасная память, высокость духа, тонкости без всякого коварства, щастливая примесь какого-то единственного своеуравния, которое в хорошия минуты привлекает к нему сердца, неограниченное великодушие; искусство награждать приятно и по мере заслуги, верное чувство, дар угадывать то, чего он не знает, и наконец глубокое знание человеческого сердца» [44].

Примечания

1. *Мартиanova И.Ю.* Отражение жизненного мира молодого придворного времён царствования Екатерины II в воспоминаниях А.Е. Чарторыйского // «Добротель и честь должны быть оному правилами ... »: дворянство Северного Кавказа на службе Российской империи: Материалы VI Международных Дворянских чтений, 23-24 октября 2010 г., Краснодар / под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2010. С. 165–174.
2. *Салихова Н.Р.* Понятийные оппозиции описания жизненного мира человека // Учёные записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. Кн. 5. Ч. 1. С. 212.
3. *Вейкарт М.А.* Из записок доктора Вей карта // Русский архив. 1886. Кн. 1. Вып. 3. С. 237.
4. Там же. С. 238.

5. Винский Г.С. Моё время. Записки. СПб., 1914. С. 89.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же. С. 99.
9. Там же. С. 89.
10. Там же. С. 91.
11. Там же. С. 91-92.
12. Там же. С. 99.
13. Там же. С. 91.
14. Державин Г.Р. Записки из известных всем происшествием и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина // Державин Г.Р. Сочинения. М., 1985. С. С. 386.
15. Там же.
16. Там же. С.419.
17. Там же. С.420.
18. Там же. С.421.
19. Там же. С.423.
20. Там же. С.422.
21. Там же.
22. Там же. С.423.
23. Там же. С.425.
24. Там же. С.425-426.
25. Воронцов С.Р. Автобиография графа Семёна Романовича Воронцова // Русский архив. 1876. Кн. 1. Вып. 1. С. 41.
26. Там же.
27. Там же.
28. Там же. С.42.
29. Там же. С.43.
30. Там же. С.44.
31. Храповицкий А.В. Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря Императрицы Екатерины Второй. М., 1990.
32. Гарновский М.А. Записки Михаила Гарновского. 1786 – 1790 // Русская старина. 1876. Т. 15. № 1. С. 9 – 38.
33. Храповицкий А.В. Указ. соч. С.12.
34. Там же. С. 62.
35. Гарновский М.А. Указ. соч. С. 32.

36. Храповицкий А.В. Указ. соч. С. 9.
37. Там же. С.252.
38. Болотина Н.Ю. Потёмкин. М., 2014. С. 186.
39. Там же. С. 186–187.
40. О приватной жизни князя Потёмкина. Потёмкинский праздник. М., 1991. С. 13.
41. Там же.
42. Самойлов А.Н. Жизнь и деяния генерала-фельдмаршала князя Григория Александровича Потемкина-Таврического // Г.А. Потемкин. От вахмистра до фельдмаршала. Воспоминания. Дневники. Письма. Кн. 1. СПб., 2002. С.136.
43. Там же. С. 137.
44. Де Линь Ш. Письмо к Сегюру из лагеря под Очаковым. Август 1788 г. // Вестник Европы. 1809. № 21 / http://az.lib.ru/l/linx_s_d/text_1788_2_pisma_printza_de_linya-oldorfo.shtml.

В.В. Бондарь
(г. Краснодар, Российская Федерация)

Первый храм Черноморского войска – Свято-Троицкая походная церковь

Во многих современных научно-популярных текстах и обобщающих работах, касающихся истории переселения черноморцев на Кубань и первых лет жизни в основанном ими Екатеринодаре, упоминается храм-предшественник войскового Воскресенского собора – Свято-Троицкая походная церковь, подаренная войску князем Потемкиным-Таврическим и привезенная казаками из Забужья в Карасунский кут.

Основным источником скудных сведений о походной церкви, имевшей до освящения (в 1802 году) войскового собора значение главного храма черноморских казаков, до сих пор служили публикации П.П. Короленко. В 1867 году в небольшой заметке в «Кубанских войковых ведомостях» он сообщал: «По распоряжению гетмана Потемкина-Таврического, собранному

им в Турецкую войну 1787 года войску Черноморскому дана была походная церковь, с которой казаки пришли и на Кубанский край»... «На первое время в Екатеринодарской крепости была расположена походная церковь войска, в которой казаки собирались на общую молитву за царя и отчество» [1]. Спустя неделю «Кубанские областные ведомости» опубликовали большую статью Короленко «Войсковой собор в г. Екатеринодаре», в которой он привел более подробные сведения о походном храме: «Собранное князем Потемкиным Таврическим в Турецкую войну 1787 – 1791 г. Черноморское войско за отлично-усердную службу удостоилось получить от Светлейшего князя Тавриды походную Свято-Троицкую церковь. С благовением приняли Черноморцы св. храм и войсковую святыню поставили в резиденцию кошевого своего управления, в местечке Слободзее. На церковь сию, старанием войскового полковника Ивана Курляндского, сооружена на войсковой счет новая палатка, сделанная по заказу из прочной парусины в Москве. С этой-то святыней черноморцы переселились из-за Буга на Кубань, где долго еще походный храм служил прибежищем общей казацкой молитвы. ...походная Свято-Троицкая церковь была поставлена в Екатеринодарской крепости. В этом храме богослужение совершалось содержавшимся за счет войска церковным причтом, главой которого был войсковой протоиерей Порохня» [2]. Спустя более трех десятилетий в большой статье «Екатеринодарский войсковой собор времен Екатерины Великой», опубликованной в «Известиях Общества любителей изучения Кубанской области» тот же Прокофий Петрович написал о Свято-Троицкой церкви следующее: «Эта войсковая святыня составляла дар Светлейшего князя Потемкина-Таврического черноморцам в Турецкую войну 1787-1791 г., когда они жили еще между Бугом и Днепром у берегов Черного моря» [3].

О причастности Светлейшего князя к истории первого храма черноморских казаков сообщается и в краткой истории храмостроительства на Кубани в книге «Семипрестольный храм Св. Екатерины в г. Екатеринодаре»: «...в 1789 году, когда войско находилось за Бугом, князь Потемкин подарил ему походную церковь, к которой архиепископ Екатеринославский Амвросий посвятил иеромонаха Антония». В этом небольшом очерке при-

ведено небезосновательное предположение о том, что первый храм черноморцев был освящен во имя Св. Троицы в память о запорожском Самарском (Новомосковском) Троицком соборе [4].

Между тем, как следует из документов войскового архива, походная церковь не принадлежала Светлейшему. Вне поля зрения П.П. Короленко и составителей книги о Екатерининском соборе осталось хранящееся ныне в Государственном архиве Краснодарского края письмо командования Харьковского конно-егерского полка Черноморскому войсковому судье А. А. Головатому, датированное 18-м октября 1791 года. В письме говорится, что «хотя по повелению князя Г.А. Потемкина-Таврического от полку сего и отправлена была к войску черноморских казаков походная церковь (курсив мой – В.Б.), но по смерти его Светлости опять возвращена, по причине, что намет церковный в сем полку состоит только один, другой же отобран еще в 788 г. в Главное дежурство для раненых». Далее говорится, что и намет, и церковная утварь не казенные, а все «сделано коштом служивших в полку сем» [5]. Письмо это привез в Войско старшина Черный, направленный в Харьков за походной церковью и за священнослужителем к ней; он же передал Головатому, что полк церковь отдавать не намерен, а также что «священник... по неприбытию его к преосвященству также не доставлен» [6].

Трудно сказать, каким образом походный храм все-таки остался у черноморцев на момент их переселения на Кубань, но 5 мая 1793 г., когда казаки уже находились на пожалованных землях, войсковым писарем Тимофеем Котляревским была составлена «Опись вещам, приобретенным в войсковую походную Свято-Троицкую церковь с 1790 года», где упоминались «намет с алтарем белой парусины, подбитой полосатою парусиною, с медным желтым крестом с четырьмя таковой же меди булавками», серебряное позолоченное блюдо и такая же солонка, подаренные Екатериной Великой, и еще около сотни различных предметов церковной утвари, богослужебных книг и т.п. [7].

Нет сомнения, что речь идет о той церкви, которая была у казаков еще в Забужье и была перевезена на Кубань. По-видимому, в церкви во время переселения уже был подвижный антиминс

– такое предположение основывается на том факте, что в переписке Черноморского войскового правительства с Феодосийской духовной консисторией, к которой была причислена Черномория, по вопросу о разрешении поставить походные храмы в Копыле, в устье Еи, на Бейсуге и на Челбасах (февраль-октябрь 1794 г.) [8] войсковая походная церковь не упоминается – ее существование (в то время она уже была поставлена в центре площади будущей крепости в Екатеринодаре) разумелось само собой.

Изображений Свято-Троицкого походного храма не сохранилось, есть лишь два словесных описания, которые дал П.П. Короленко. В статье «Первоначальное заселение черноморскими казаками Кубанской земли» он писал, что «...на крепостной площади... поставлена привезенная из-за Буга войсковая походная Свято-Троицкая церковь из парусины; на нее на столбах сделали чехол, прочно укрыли его камышом и установили готовый иконостас, находившийся прежде в той же церкви» [9]; в работе, посвященной истории Воскресенского собора, о котором речь пойдет ниже, сказано: «...кошевой атаман... посреди площади поставил созданную войсковую Свято-Троицкую церковь из белой парусины с иконостасом, писанным на холсте. Чехол на этом храме был деревянный и прочно покрыт камышом» [10]. Примечательно, что в обеих статьях (напечатанных в одном сборнике) при описании церкви автор дает подстрочные ссылки на одни и те же четыре дела войскового архива, датированные 1794 годом.

Приведенные П.П. Короленко описания храма, а также известные изображения церковных наметов (например, устанавливавшихся в Екатеринодаре для совершения молебнов по случаю посещения города Императором Александром III в 1888 г. и во время празднования 200-летия Кубанского казачьего войска в 1896 г. [11]), послужили для нас основанием для реконструкции облика Свято-Троицкой походной церкви в Екатеринодаре.

Изображения храма без деревянного чехла и камышовой крыши и вместе с таковыми приведены в нашей статье «К истории войсковых храмов Черномории» [12]. Мы полагаем, что намет был растянут на пяти столбах, четырех из которых, завершившихся медными «булавками» (булавами), растягивали его по углам, а пятый, центральный столб, увенчанный

крестом, приподнимал середину намета, образуя подобие шатра; с восточной и частично с северной и южной сторон намет опускался до уровня земли, образуя алтарь, остальная его часть была открыта; после сооружения камышовой крыши булавы и крест проходили сквозь толщу камыша.

Получив деревянные стены и камышовую крышу, церковь стала, по сути, стационарной (хоть и называлась походной). В описании земель Черноморского войска, датированном 1796 годом, она упоминается как деревянная: «...12-е. В Екатеринодаре живоначальная и неразделная Троицы. 13-е. На Ея Преображение Господне на первой раз деревянные» [13, 14]. Известно, что при Свято-Троицкой церкви была сооружена колокольня (звонница), на которую в июле 1796 г. были подняты два из девяти отлитых в Херсоне для храмов Черномории колокола, весом 440 и 120 пудов (7,2 тонны и 1,96 тонны соответственно) [15, 16].

С завершением строительства Воскресенского воинского собора и открытием в нем богослужений Свято-Троицкая церковь была, «по низкому строению и камышовой крыше, в рассуждение случающих[ся] пожаров» поставлена в притворе собора «без особого причта до нужного походного случая». До сооружения в соборе иконостаса использовался написанный на холсте иконостас Троицкой церкви [17]. Дальнейшая история воинского походного храма неизвестна.

Автор благодарит Б.Е. Фролова за предоставленные копии отдельных архивных материалов.

Примечания

1. Короленко П.П. Заметка о постройке воинского собора в крепости г. Екатеринодара // КВВ. 1867. № 8. 24 февраля. С. 52.

2. Короленко П.П. // Войсковой собор в г. Екатеринодаре. КВВ. 1867. № 9. 4 марта. С. 55.

3. Короленко П.П. Екатеринодарский воинской собор времен Екатерины Великой // Известия ОЛИКО. Вып. 1. Екатеринодар, 1899. С. 69.

4. Семипрестольный храм Св. Екатерины в г. Екатеринодаре (Екатеринодар, 1913. С. 5, 9.

5. Госархив Краснодарского края (ГАКК). Фонд 249. Опись 1. Дело 136. Лист 4.

6. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 136. Л. 5.
7. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 229. Л. 14-17 об.
8. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 253. Л. 60-60 об.
9. Короленко П.П. Первоначальное заселение черноморскими казаками Кубанской земли // Известия ОЛИКО. Вып. 1. Екатеринодар, 1899. С. 54.
10. Короленко П.П. Екатеринодарский войсковой собор времен Екатерины Великой // Известия ОЛИКО. Вып. 1. Екатеринодар, 1899. С. 69.
11. Православная церковь на Кубани в конце XVIII – начале XX в. Сборник документов. Краснодар, 2001. С. 275, 311.
12. Бондарь В.В. К истории войсковых храмов Черномории // Освоение Кубани казачеством. Сб. науч. тр. Краснодар, 2002. С. 156 – 176.
13. Дмитренко И.И. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. Т. IV. СПб., 1898. С. 111.
14. ГАКК Ф. 249. Оп. 1. Д. 338. Л. 17 об.
15. См.: Дмитренко И.И. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. Т. IV. СПб., 1898. С. 109;
16. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 338. Л. 16 об.
17. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 58. Л. 157-158.

В.И. Шкуро
(г. Краснодар, Российская Федерация)

Военачальники – соратники Г.А. Потемкина-Таврического периода Русско-турецкой войны 1787–1791 гг.

Прежде, чем назвать имена некоторых подчиненных Светлейшего князя, своими воинскими трудами принёсших славу и Григорию Александровичу Потёмкину-Таврическому и Российской империи, следует сказать о самом полководце. Г.А. Потемкин участвовал в двух первых Русско-турецких войнах. В энциклопедическом справочнике «Военная

элита Российской империи 1700–1917» о нём сообщается: «Отличался высоким ростом (210 см), великолепным телосложением, богатырской силой... Он, по мнению современников, был человеком, обладавшим гибким умом, феноменальной памятью, энергичный, честолюбивый и властный, грубый и нежный...» [1].

В сентябрьском номере журнала «Родина» за 2016 год опубликован материал «Пять сражений генерала Раевского», в котором идёт речь о прославленном герое Отечественной войны 1812 года Николае Николаевиче Раевском, который был племянником Г.А. Потёмкина. По прибытии в действующую армию, «любимый из племянников князя Потёмкина, по утверждению Пушкина, подросток был введен Светлейшим попечению казачьего полковника Василия Петровича Орлова (будущего войскового атамана Войска Донского и генерала от кавалерии) с приказом употребить в службу как простого казака, а потом уже по чину поручика гвардии». У князя Потёмкина было своеобразное понимание родственного долга, которое людям нашей эпохи покажется противоестественным. Но в «безумном и мудром» XVIII веке благородное сословие рассуждало именно так.

Служба в казачьих войсках стала для Николая Николаевича подлинной полевой академией. Поручик Раевский, получивший лишь домашнее образование, на практике изучает военную науку, кочует в степях с казаками, стережёт армию на аванпостах, участвует в разведках и перестрелках, ведёт осадные работы в траншеях крепости Бендера «и везде приобретает уважение подчинённых и одобрение начальников».

Возвращение и офицерские должности заканчиваются для Н.Н. Раевского тем, что за отличия в сражениях 2-й Русско-турецкой войны Георгиевская Дума удостаивает его, а Императрица Екатерина II 28 июня 1792 года подписывает приказ о награждении орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия I-го класса – высшим офицерским военным орденом Российской империи.

Далее в журнале «Родина» идёт разъяснение: «Но почему юношу (Раевского) определили именно в казачий отряд? Ларчик просто открывался. Светлейший принадлежал сам к казачьему сословию. Ещё в 1772 году под именем Грицко Не-

чёса Потёмкин записался в запорожский Кущовский курень, а в 1790-м был возведен Императрицей в сан Великого Гетмана Екатеринославских и Черноморских войск» [2].

Во время 1-й Русско-турецкой войны Григорий Александрович Потёмкин 27 июля 1770 года удостоился Военного ордена Св. Георгия III-го класса «За оказанную 7-го июля 1770 года во время сражения с неприятелем при реке Ларге неустрешимую храбрость при овладении неприятельскими батареями и лагерем».

В 1783 году Григорий Александрович успешно реализовал проект присоединения к России Крымского полуострова, за что позднее получил прибавку к своей фамилии – «Таврический».

Во время 2-й Русско-турецкой войны, 26 декабря 1788 года Г.А. Потёмкин-Таврический был награжден военным орденом Св. Георгия I-го класса «В воздаяние усердия к Отечеству, искусства и отличного мужества, с которыми предводительствуя армию Екатеринославскою и флотом на Чёрном море и одержав важные над неприятелем России и всего христианства, преуспел покорить оружию город и крепость Очаков».

«Скорее Дунай потечет вспять и небо упадёт на землю, чем сдастся Измаил!», – это ответ начальника гарнизона турецкой крепости Измаил сераксира Мехмет-паши на предложение А. В. Суворова о сдаче.

Интересы России и Турции (Оttоманской Порты) в конце XVIII века пришли в стадию непримиримых противоречий, приведших к ряду военных конфликтов. Обе державы были на пике своего могущества. Турция, потерпевшая поражение в первом из них в 1768–1774 гг., жаждала реванша и готовилась к новой. В этом направлении её подталкивали наши вечные «заклятые друзья» – англичане и другие европейские государства, в частности Франция и Австрия, для которых истребление оставшихся верными учению Иисуса Христа православных народов, было важнее защиты христианства.

В августе 1787 года Турция предъявила России ультиматум с требованием вернуть Крым, отказаться от покрови-

тельства православной Грузии и дать согласие на досмотр всех российских судов, проходящих через Черноморские проливы и уже 21 августа турецкий флот напал на российский у Кинбурнской косы.

После трёх лет войны русские войска одержали ряд блестящих побед на море и на суше вдоль реки Дуная, где оставалась в осаде русских войск крепость Измаил.

В № 30 еженедельника «Тайны XX века» за 2016 год в статье «Гром победы раздавайся!» так пишется об Измаиле того времени: «Инженеры из Германии и Франции, готовые поддержать любых противников России, сделали всё от них зависящее, чтобы превратить эту крепость в твердыню, которую бесмысленно было даже пытаться штурмовать. С севера, запада и востока её защищал вал шириной шесть метров и высотой восемь метров, укреплённый 11 бастионами. Перед крепостным валом был вырыт ров, ширина которого составляла 12 метров, а глубина – почти одиннадцать. Кроме того, с юга укрепление надёжно защищал Дунай, на который были направлены крепостные батареи, делавшие невозможной атаку с реки. Вообще, крепость была буквально напичкана орудиями: всего их насчитывалось 260, уникальное количество для фортификационного сооружения. Целые склады боезапаса и провианта позволяли Измаилу выдерживать сколь угодно долгую осаду. А гарнизон не только был велик (35 тысяч человек), но и состоял больше чем наполовину из лучших частей османской армии – янычар. Чтобы придать войскам отваги, раздражённый предыдущими поражениями султан прислал в Измаил свой фирманс (указ), где объявлялось, что в случае сдачи крепости казнят каждого из её защитников, где бы он ни был пойман».

В ноябре русские войска подошли к стенам крепости Измаил.. Надвигалась зима. Попытки штурма оказались неудачными. Встал вопрос – уводить армию на зимние квартиры, или что-то предпринимать. Григорий Александрович Потёмкин-Таврический понимал, что уход на зиму от стен крепости будет расценён как поражение, и отправил повеление к тому времени уже прославленному военачальнику А.В. Суворову срочно прибыть к Измаилу и назначил его командующим штурмовыми войсками. В простом мундире,

на невзрачной лошади, генерал-аншеф Александр Васильевич Суворов обхехал вокруг крепости и не обнаружил никаких изъянов, которые можно было использовать. Предстояло штурмовать все препятствия. Для подготовки к штурму вдали от чужих глаз был выстроен участок стены с рвом и валом, подобный стенам крепости. В течение недели круглогодично здесь солдаты учились штурмовать стены крепости.

Штурм крепости был назначен на 11 декабря 1790 года. Планом предусматривалось формирование трёх отрядов, в каждом из которых было по три колонны. Первый отряд под командованием генерал-поручика Александра Петровича Самойлова, численностью 12 тысяч человек, должен был наступать с восточной стороны, второй отряд под командованием генерал-поручика Павла Сергеевича Потёмкина с западной стороны и третий отряд под командованием генерал-майора Иосифа Михайловича де Рибаса – со стороны реки и дунайского острова Чатал. В отряде П. С. Потёмкина насчитывалось 7500 солдат, в отряде И. М. де Рибаса – 9000 десантников, размещенных на лодках, на введенных в Дунай Днепровской военной и Черноморской казачьей флотилиях [3].

Современный историк А.Б. Широкорад называет фамилии командиров колонн: первой командовал Львов, второй – Ласси, третьей – Мекноб, четвертой – Орлов, пятой – Платов, шестой – Голенищев-Кутузов, седьмой – Морков, восьмой – Чепега и девятой – Арсеньев.

А.Б. Широкорад сообщает и некоторые интересные детали штурма. Накануне приступа (штурма), с утра 10 декабря, началась бомбардировка крепости. К вечеру крепостная артиллерия перестала отвечать на наши выстрелы, т. е. фактически была подавлена. Все колонны начали штурм одновременно, в половине шестого утра 11 декабря. Уже в начале наступления третья колонна Мекноба задержалась, так как у солдат штурмовые лестницы оказались короткими и их пришлось связывать по две.

«Больших успехов добились 7-я, 8-я, и 9-я колонны Моркова, Чепиги, Арсеньева. Между семью и восемью часами вечера (10 декабря), они высадились у измаильских укреплений на Дунае. 7-я и 8-я колонны быстро захватили действу-

ющие против них батареи на укреплениях». А утром «после упорного боя 7-я и 8-я колонны соединились с 1-й и 2-й колоннами и ворвались в город».

В уже упоминавшейся статье об этих событиях сказано так: «Самым неожиданным для турок оказался мощный удар со стороны Дуная, где морская пехота де Рибаса форсировала реку и быстро преодолела стену крепости. К рассвету защитников Измаила уже оттеснили от стен крепости и на улицах закипели новые бои». Я здесь проявляю «местечковую» заинтересованность потому, что 8-й колонной командовал кошевой атаман Черноморского казачьего войска бригадир Захарий Алексеевич Чепега, а в числе десантников были все пешие казаки-черноморцы под командованием войскового судьи, полковника армии Антона Андреевича Головатого.

Приводятся и другие интересные факты. Например: «Русским солдатам приходилось сражаться за каждый дом и только к полудню сопротивление турецкого войска начало ослабевать. Но ещё несколько часов на некоторых участках османы пытались переломить сражения в свою пользу. Завязнув в таком противоборстве с врагом командующий 6-й колонной Михаил Кутузов послал гонца за помощью из резерва. Вместо подмоги он получил короткую записку от Суворова: «Назначаю тебя комендантом Измаила». Цитата приводится из той части статьи, которая называется «На штурм подобной крепости можно решиться лишь раз в жизни». Скорее всего, это цитата из бумаг Суворова.

Потери турок составили 26 тысяч убитыми и 9 тысяч ранеными, которые были взяты в плен. Ходила легенда, что один турок на бревне переплыл Дунай и добрался до турецких войск, не побоявшись угрозы казни со стороны султана. Потери войск Екатеринославской армии составили 2136 человек ранеными [4].

Кто же эти генералы и офицеры, упоминаемые в настоящем сообщении? Имя Александра Васильевича Суворова всем известно. Ко времени прибытия под Измаил он закрыл возможность получения «ордена героя» или «стутного ордена», как в просторечье часто называли Военный орден Св. Георгия. Высшую степень этого ордена – полководческий ор-

ден Св. Великомученника и Победоносца Георгия I-го класса он получил уже в начале 2-й Русско-турецкой войны, 18 октября 1789 года: «Во Всемилостивейшем уважении на особенное усердие, которым долговременная его служба была сопровождаема, радение и точность в исполнении предложений главного начальства, неутомимость в трудах, предприимчивость, превосходное искусство и отличное мужество во всяком случае, наипаче же при атаке многочисленных турецких сил верховым визирем предводительствуемых в 11 день сентября на реке Рымник, оказанное, где он с войсками Российскими и корпусом союзника России, Его Величества принца Сакен-Кобурского находящимися, совершенную над неприятелем одержал победу».

Первый Военный орден Св. Георгия III-го класса он получил 19 августа 1771 года «За храбрость и мужественные подвиги, оказанные в 1770 и 1771 годы с вверенным ему десантным противу польских возмутителей, когда он благоразумными распоряжениями и случившихся сражениях, поражая везде их партии, одержал над ними победы.

Орден Св. Георгия II-го класса он заслужил во время 1-й Русско-турецкой войны, 30 июля 1773 года, «За произведённое храбре и мужественное дело с вверенным его руководству десантным при атаке на Туртукай».

Генерал-поручик Павел Сергеевич Потёмкин награждён Военным орденом Св. Георгия II-го класса 25 марта 1791 года «Во уважение к службе, ревностные труды и отличную храбрость, оказанную при взятии приступом города и крепости Измаила с истреблением бывшей там турецкой армии, командуя правым крылом».

Первый же орден Св Георгия IV-го класса капитан Павел Сергеевич Потёмкин получил 22 сентября 1770 года, а орден Св. Георгия III-го класса – 26 ноября 1775 года. В наградном представлении было записано: «В 1773 году по открытию на город Силистрию нашей батареи, когда турки переехали из того города на 150 лодках от острова Кегайя, другие несколько ниже на 6-ти больших судах, с великим стремлением ударили на нашу батарею, тогда он с находящимися у прикрытия двумя батальонами встретил их на штыках и все

вышедшие здесь турки были переколоты, а выстрелами пушечными потоплен один канчебас».

Генерал-майор Голенищев-Кутузов, командир 6-й колонны, удостоился Военного ордена Св. Георгия III-го класса 25 марта 1791 года: «Во уважение на усердную службу и отличную храбрость, оказанную при взятии приступом города и крепости Измаил с истреблением бывшей там турецкой армии».

Полковник Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов первый Военный орден Св. Георгия IV-го класса получил 26 ноября 1775 года, орден Св. Георгия II-го класса – 18 марта 1792 года. «Во уважение на усердную службу, храбрые и мужественные подвиги, коими он отличился в сражении при Мачине и разбитии войсками российскими под командою генерала князя Н. В. Репина многочисленной турецкой армии верховным визирем Юсеф-пашею предводимой, где, начальствуя над войсками левого фланга при стремительных неприятельских нападениях, преодолел все трудные переходы, в движениях своих соблюдал отличное искусство и порядок, а в поражении неприятеля мужество и храбрость».

12 декабря 1812 года М.И. Голенищев-Кутузов, князь Смоленский, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий всеми армиями и ополчением, действующими против французов за поражение и изгнание неприятеля из пределов России в 1812 году был удостоен Военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия I-го класса и стал первым полным кавалером этого ордена.

По популярности в России, безусловно, после М. И. Кутузова среди участников штурма был донской казак Матвей Иванович Платов, на тот момент имевший чин бригадира. 25 марта 1791 года он был награждён Военным орденом Св. Георгия III-го класса «Во уважение на усердную службу и отличную храбрость, оказанную при взятии приступом города и крепости Измаил с истреблением турецкой армии, командуя (5) колонною. Орденом Св. Георгия II-го М.И. Платов был награждён 22 ноября 1807 года. «За неоднократное участие в боях в должности начальника передовых постов в войну с французами 1807 года».

Командовавший 3-м (десантным) отрядом полковник Днепровского гренадерского полка Еммануэль де-Рибас 25

марта 1791 года был награждён орденом Св. Георгия III-го класса «Во уважение на усердную службу и отличную храбрость, оказанную при взятии приступом города и крепости Измаила с истреблением бывшей там турецкой армии».

Командующий Первым отрядом генерал-поручик Александр Николаевич Самойлов прибыл под Измаил, уже будучи Георгиевским кавалером. Военный орден Св. Георгия II-го класса он получил в самом начале 2-й Русско-турецкой войны, 16 декабря 1788 года: «В воздаяние усердия к службе и отличного мужества, с которым он, предводительствуя вверенной ему колонною для атаки города и крепости Очакова, был из первых в взятии онаго приступом от войск Российских подвизавшихся». Первый орден Св. Георгия IV-го класса он получил во время 1-й Русско-турецкой войны – 26 ноября 1773 года.

Командир 1-й колонны генерал-майор Сергей Лаврентьевич Львов прибыл к Измаилу тоже Георгиевским кавалером. Орден Св. Георгия III-го класса он получил 14 апреля 1789 года «Во уважение на усердную службу и отличную храбрость, оказанную им при взятии приступом города и крепости Очакова». Орден же Св. Георгия IV-го класса он получил 15 сентября 1790 года.

Командир 2-й колонны генерал-майор де Ласси Мориц Петрович награждён орденом Св. Георгия III-го класса 25 марта 1791 года «Во уважение на усердную службу и отличную храбрость, оказанную при взятии приступом города и крепости Измаила с истреблением там бывшей турецкой армии, командуя колонною».

Командир 3-й колонны Фёдор Иванович Мекноб, будучи секунд-майором Московского пехотного полка, 4 декабря 1770 года был награждён орденом Св. Георгия III-го класса, который «Со вверенною ему егерскою командою переправился за Дунай, атаковал 10-го ноября 1770 года местечко Тульчу, рассыпав неприятеля и овладел тамошнею крепостью».

4-й колонной командовал донской казак в чине бригадира Василий Петрович Орлов, который прибыл под Измаил также Георгиевским кавалером. Орден Св. Георгия IV-го класса он получил 26 сентября 1789 года. «Во Всемилостивейшем уважении усердной службы и отличной храбрости,

оказанной им в деле 7-го сентября, когда он атаковал многочисленный неприятельский передовой корпус под командою сераксира Гассан-паши и оный опрокинул». Орденом Св. Георгия IV-го класса он был награждён 18 октября 1787 года.

Командир 7-й колонны в чине бригадира Лейб-Гвардии Преображенского полка Ираклий Иванович Морков орденом Св. Георгия III-го класса был награждён 25 марта 1791 года: «Во уважение на усердную службу и отличную храбрость, оказанную при взятии приступом города и крепости Измаила с истреблением бывшей там турецкой армии», орденом Св. Георгия IV-го класса полковник Ираклий Иванович Морков был награждён 18 января 1789 года, а такого же ордена II-го класса Генерал-майор Ираклий Иванович был удостоен 28 июня 1792 года «Во уважение усердной службы, храбрых и мужественных подвигов, отличивших его при поражении противной Польше фракции 7 июня 1792 года при деревне Городище, где он командовал авангардом и благоразумными распоряжениями, искусством, храбростью и беспредельным усердием одержал полную победу».

8-й колонной командовал кошевой атаман Черноморского казачьего войска Захарий Алексеевич Чепега. В его колонне были все пешие казаки полковника А. А. Головатого. Награждение произошло тоже 25 марта 1791 года с обобщенным наградным представлением: «Во уважение на усердную службу и отличную храбрость, оказанную при взятии приступом города и крепости Измаила с истреблением бывшей там турецкой армии, командуя колонною». Предыдущий орден Св. Георгия IV-го класса он получил 12 декабря 1788 года за отличие под крепостью Хаджибей (сейчас город Одесса).

Командир 9-й колонны генерал-майор Николай Дмитриевич Арсеньев был награждён 25 марта 1791 года орденом Св. Георгия III-го класса тоже «Во уважение на усердную службу и отличную храбрость, оказанную при взятии приступом города и крепости Измаила с истреблением бывшей там турецкой армии, командуя колонною».

В начале нашего века в Москве вышли два многотиражных справочника: «Кавалеры ордена Святого Георгия», 416 страниц большого формата без учёта иллюстраций и «Орден Святого Георгия «За службу и храбрость», 720 страниц

обыкновенного формата. В обоих есть глава, вынесенная в заголовок раздела о взятии фельдмаршалом И. В. Гудовичем турецкой крепости Анапа в 1791 году. Здесь у удобной бухты торговый город существовал с древнейших времён. После захвата Анапы турками в 1479 году Анапа стала конкурентом крымской Кафы (Феодосии) по размаху работорговли в бассейне Чёрного моря. В 1780–1781 гг. под руководством французских инженеров здесь была построена военная крепость по последнему слову техники того времени и как Измаил считалась неприступной.

С начала 2-й Русско-турецкой войны русские войска дважды осаждали крепость Анапу и оба раза неудачно. В сентябре 1787 года сюда прибыл генерал-аншеф Пётр Абрамович Теккели, но взять крепость штурмом его малочисленный отряд не мог, а вскоре закончился провиант, плюс наступление зимы, и осаду пришлось снять. В марте 1790 года сюда прибыл отряд генерал-поручика Гавриила Ильича Бибикова. Но в том году на юге март оказался по-зимнему холодным. Надеялись на подножный корм, но трава не росла, а от холода солдаты массово болели. Пришлось снова вернуться. Турки действительно уверовали в неприступность крепости.

Весной 1791 года генерал-аншеф Иван Васильевич Гудович назначается начальником Кавказской пограничной линии, которую охраняли Кавказский и Кубанский корпуса, а Светлейший князь Г. А. Потёмкин-Таврический ставит задачу – взять крепость Анапу. На этот раз готовились серьёзно (два месяца). На нижнюю Кубань прибыли четыре полка регулярной армии и два полка донских казаков, под командою генерал-майора Загржского из Кубанского корпуса. Из Кавказского корпуса прибыли тоже два полка донских казаков – Хопёрский и Волгский, а также две сотни гребенских и полторы терских казаков. Из Таврического корпуса прибыл отряд генерал-майора Шица со штурмовыми лестницами. Уже вблизи Анапы турки попытались остановить наши войска, но авангардный отряд бригадира Поликарпова после короткого боя заставил турок бежать в Анапу.

Во главе 25-тысячного гарнизона крепости стоял трёхбунчужный Мустафа-паша. С рассветом 18 июня 1791 года началась

бомбардировка крепости, которая закончилась вечером. Затем И.В. Гудович отправил Мустафа-паше письмо с предложением почётных условий для сдачи. Паша согласился, но в дело вмешался «пророк шейх Мансур, который уже тогда проповедовал священную войну против неверных. Он убедил окружение Мустафа-паши не сдаваться. Кстати, И.В. Гудович просил войска взять Мансура живым, что и было исполнено. Мансур был отправлен в Санкт-Петербург, был судим и сослан на Соловки, где и умер в преклонном возрасте. Учитывая опыт Измаила, было составлено пять колонн, которыми командовали полковники Чемоданов, Самарин, Муханов и Келлер. Пятый отряд наносил отвлекающий удар. Поскольку было известно, что в окрестных лесах находится много горцев, был создан особый отряд для их нейтрализации из 4144 человек под командою Загряжского. Штурм прошёл удачно. В плен сдалась часть гарнизона с Мустафа-пашой. Наиболее фанатичных турок в ходе боя загнали в море, и уже стоя в воде им пришлось кричать слово «Аман». Некоторым удалось доплыть до стоящих в бухте кораблей, но моряки, опасаясь, что артиллерия русских переориентируется на них, ушли в море. В плен было взято 13552 человека, остальные погибли. Наши потери составили 18 офицеров убитыми и 64 ранеными, погибло 912 нижних чинов и 1924 ранены.

Уже 15 июля 1791 года была обнародована первая группа фамилий офицеров, удостоенных ордена Святого Великомуученика и Победоносца Георгия. Генерал-аншеф Иван Васильевич Гудович «Во уважение усердной службы, радения и точности его в исполнении предположений главного начальства, искусства и отличного мужества, оказанного им в походе с вверенным ему корпусом, отражая неприятеля при взятии штурмом города Анапы». Впервые он стал Георгиевским кавалером 27 июля 1770 года, получив орден Св. Георгия III-го класса «За оказанную им 7-го июля 1770 года, в сражении с неприятелем при реке Ларге, неустршимую храбрость при овладении батареями и неприятельским лагерем».

В тот же день орденом Св. Георгия III-го класса был награждён Командир Кубанского корпуса генерал-майор Иван Александрович Загряжский «Во уважение на усердную службу, мужественные поступки и отличную храбрость, ока-

занные во время взятия штурмом корпусом под начальством генерала Гудовича города Анапы с истреблением находившегося там неприятеля».

И в тот же день такой же награды удостоился бригадир Александр Васильевич Поликарпов «во уважение на усердную службу и мужественные его поступки, во время взятия штурмом корпуса под начальством генерала Ивана Васильевича Гудовича Анапы с истреблением находящегося там неприятеля, где он, командуя большим резервом, оказал троекратную храбрость, привёл из того резерва три раза подкрепления в самый сильный огонь, подавал пример неустрашимости и, наконец, последним подкреплением решил победу».

19 февраля 1792 года последовало награждение орденом того же класса генерал-майоров Сергея Александровича Булгакова и Антона Осиповича Шица, с одинаковым наградным представлением: «Во уважение на усердную службу, мужественные поступки и отличную храбрость, оказанные во время взятия штурмом корпуса под начальством генерала Гудовича города Анапы с истреблением находящегося там неприятеля» [5].

А командиры штурмовых колонн полковники Алексей Ильич Муханов и Пётр Алексеевич Чемоданов были отмечены орденами Св. Георгия IV-го класса 26 марта 1791 года. Из справочника «Кавалеры ордена Святого Георгия» известно, что спешенными драгунами Владимира и Нижегородского драгунских полков, которые составляли колонну полковника А.И. Муханова была захвачена неприятельская батарея, а левофланговая колонна полковника П. А. Чемоданова первой взобралась на вал.

19 февраля 1792 года было объявлено о награждении орденом Св. Георгия IV-го класса полковников Александра Ивановича Самарина и графа Фёдора Александровича Апраксина, премьер-майора Михаила Михайловича Верёвкина и капитана Григория Бачурина и Ивана Семёновича Пишевича.

В том же справочнике приводится такой факт: «Когда колонна под командованием полковника Апраксина пошла на штурм вала, её с первых же шагов встретил сильный пулеметный огонь. Под картечью колонна отступила в расстро-

енном виде. Но Апраксин и генерал-майор Шиц быстро привели её в порядок и повторили приступ». О капитане Иване Семёновиче Пищевиче в том же справочнике есть такие строки: «Эскадрон владимирцев капитана Гладкого и эскадрон астраханцев офицера Пищевича пронеслись по всей Анапе до самого залива, сметая всё и вся на своём пути». С большой долей вероятности можно считать, что награжденный 19 февраля капитан Александр Иванович Михайлов также отличился под Анапою, так как он входит в единый список.

Эта наводка даётся на тот случай, если когда-нибудь пытливые анапчане захотят узнать имена всех героев, которые отличились в борьбе за город в 1791 году; а также в 1807, 1809 и 1828 году, а может и увековечить их имена.

Примечания

1. *Португальский Р.М., Рунов В.* Военная элита Российской Империи 1700–1917. Москва, 2009, С. 463-464.
2. «Гром победы, раздавайся!» // Родина. 2016. № 9, С. 44-45.
3. Тайны XX века. 2016. Июль. № 30. С. 10-11.
4. *Широкорад А.Б.* Русско-турецкие войны 1676-1918 гг., Минск-Москва, 2000, С. 304-312.
5. *Шабанов В.М.* Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. М., 2004. С. 114–198.
6. *Шишов А.В.* Кавалеры ордена Святого Георгия, М., 2004. С. 109–114; Его же. Орден Святого Георгия «За службу и храбрость». М., 2013: С. 176–185.

Раздел II.

Русская Императорская армия и Военно-морской флот: люди и судьбы, духовное наследие

*E.K. Геращенко
(г. Краснодар, Российская Федерация)*

Русский флот и его герои в эпоху Императрицы Екатерины II

После кончины Императора Петра I русский флот пришел в упадок. Но с приходом к власти Государыни Екатерины II началось возрождение отечественного флота. «Подобно тому, как всё царствование Петра I прошло в политической и военной борьбе на Балтийском море – царствование Екатерины составляет 30-летнюю эпоху борьбы за достижение обладания Черным. России был нужен сильный флот для сохранения своих позиций на Балтийском море и для утверждения на Черном» [1].

Императрица занялась реформированием флота. Последовав примеру Петра Великого, она послала молодых офицеров за границу, а именно в Англию, флот которой в то время считался лучшим. Следующим шагом Императрицы Екатерины стала реорганизация Морского корпуса, т.к. она придавала большое значение подготовке молодых кадров моряков. Во главе управления флотом и морским ведомством Государыня поставила надежных и проверенных людей: вице-адмирала С.И. Мордвинова, моряка, сохранившего в себе дух петровской школы, талантливого дипломата графа И.Г. Чернышова и контр-адмирала Г.А. Спиридова.

Главным врагом на юге России была Турция. Ей принадлежало почти все побережье Черного и Азовского морей за

исключением незначительного отрезка побережья Азовского моря между Таганрогом и Азовом. Турция объявила России войну. При таких обстоятельствах России просто необходим был сильный флот. «Едва война была объявлена, Императрица приказала немедленно начать создание на Дону и его притоках, на старых петровских верфях, флотилии, получившей название Донской, или Азовской» [2].

Создание Азовской флотилии, порученное контр-адмиралу Алексею Наумовичу Сенявину, стало первым шагом к выходу в Черное море и укреплению на Крымском полуострове. При поддержке флотилии русские войска на суше одержали ряд побед над турецко-татарскими войсками. Русские заняли Перекоп, Евпаторию, Кафу, Керчь, Еникале и другие населенные пункты. Однако Азовская флотилия по ряду причин не подходила для ведения боевых действий в открытом море. Началась работа над постройкой судов морского типа. К весне 1773 года усилиями А.Н. Сенявина и его сподвижников первая эскадра Черного моря была доведена до такого состояния, что могла нести охрану Крымского побережья. Русские моряки летом 1773 года при крейсерстве побережья несколько раз предотвращали высадку турецкого десанта, атаковав турецкие корабли. При этом особенно отличился недавно принятый на русскую службу голландец Кинсберген, вступивший в бой с более сильным противником и обратившим его в бегство.

Борьба за обладание Черным морем продолжалась. Большим достижением русской армии и флота стало заключение 10 июля 1774 года Кючук-Кайнарджийского мирного трактата, согласно которому «Турция отказывалась от своих прав на Крым и Кубань, уступая России Азов, Керчь и Еникале, т.е. все Азовское море, отдавала Кинбурн и все пространство между Днепром и Буком, признала право свободного плавания наших торговых судов по Черному морю и обязывалась давать свободный пропуск их через Босфор и Дарданеллы в Архипелаг и обратно» [3].

Турецкая крепость Еникале сохранилась до сих пор, она была реставрирована и в настоящее время является памятником архитектуры. Раньше крепость «имела важное стратегическое значение, поскольку находилась в самом узком ме-

сте пролива и отсюда велся контроль за проходом кораблей между Азовским и Черным морями. Здесь находилась резиденция турецкого паши» [4].

Крепость Еникале

Заключению договора предшествовал поход русской флотилии под руководством графа Алексея Орлова в Архипелаг и уничтожение турецкого флота в Чесменской бухте. Экспедиция в Архипелаг, в состав которой входили две эскадры Балтийского флота, была предпринята в 1768 году для того, чтобы оттянуть часть сил противника от главного театра военных действий на Дунае. Эскадра адмирала Спиридова должна была оказать поддержку грекам в их борьбе против турок; эскадра контр-адмирала Эльфинстона должна была действовать на морских коммуникациях с целью прекращения подвоза продовольствия и снабжения из Египта, Леванта и Сирии в Константинополь.

Показателем значения, которое Императрица Екатерина придавала действиям на Средиземном море, является общая численность русских сил, направленных туда за годы войны. Всего было отправлено пять эскадр – 20 линейных кораблей, 6 фрегатов, 1 бомбардирский корабль, 26 вспомогательных судов, свыше 8 тысяч человек десанта; личный состав всей экспедиции составлял свыше 17 тысяч человек [5].

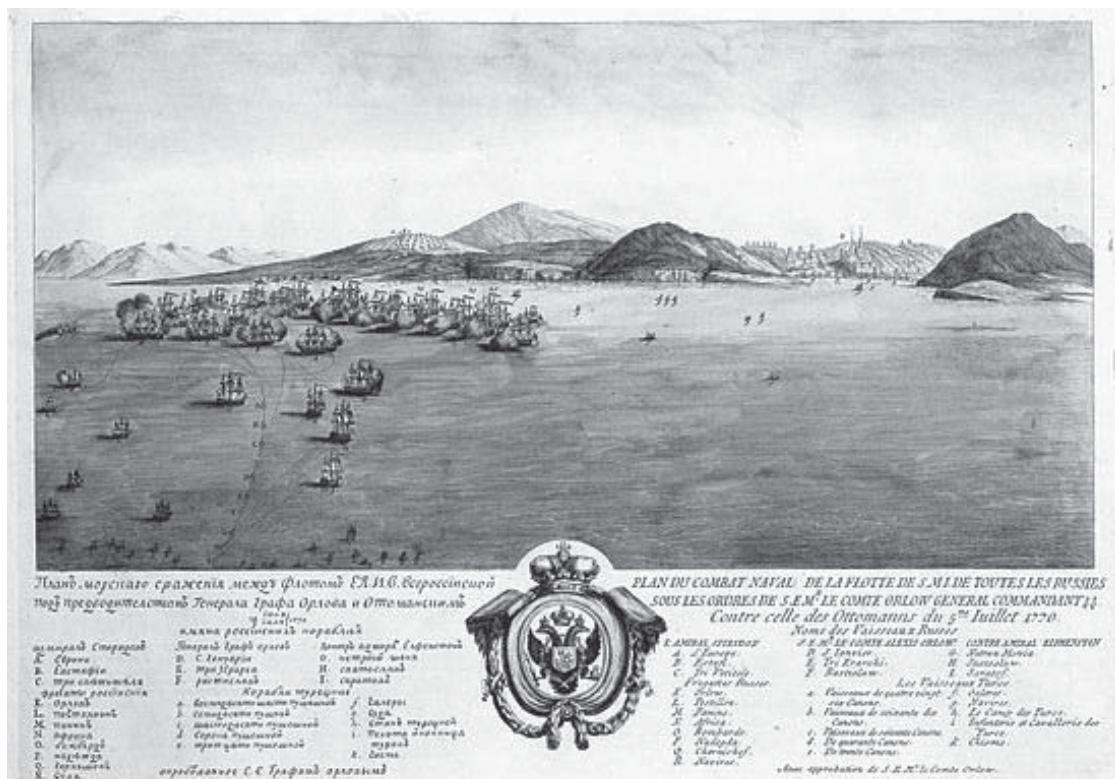
Чесма и вся экспедиция в Архипелаг стали следствием блестящих боевых качеств русского флота и оперативности русской

дипломатии. Первоначально флоту в Архипелагской экспедиции предназначалась второстепенная транспортная роль по перевозке сухопутных войск и необходимого снаряжения. Поскольку действия сухопутных войск на полуострове Морея (старое название полуострова Пелопоннес) не принесли успеха, на русский флот легла задача найти турецкий флот и разбить его.

На помощь эскадре адмирала Спиридова подошло подкрепление в виде отряда контр-адмирала Эльфинстона, англичанина, только что принятого на русскую службу. В свою очередь граф Орлов, подорвав крепость Наварин, покинул ее на корабле «Три Иерарха» и соединился с остальными судами. После подхода второй русской эскадры под командованием Д. Эльфинстона и ссоры, которая произошла между двумя адмиралами, А.Г. Орлов принял командование объединенной эскадрой на себя. Он поднял на «Трех Иерархах» кайзер-флаг, означавший, что все приказания, идущие с этого корабля, отдаются именем Императрицы.

В это время турецкий флот сконцентрировался в Хиосском заливе, где 24 июня 1770 года состоялся жаркий бой. Под натиском русских неприятельский флот ушел в Чесменскую бухту, где в ночь с 25 на 26 июня был сожжен с помощью брандеров. План разгрома турок был предложен Г.А. Спиридовым и И.А. Ганнибалом. Его идея была проста: использовать в качестве брандеров транспортные суда, сопровождавшие эскадру и не представлявшие значительной ценности.

В операции с брандерами отличился лейтенант Ильин. Он вплотную подошел к головному турецкому кораблю, сцепился с ним, на глазах турок зажег свой брандер и благополучно вернулся на катере на «Три Иерарха». «К утру большая часть турецкого флота взлетела на воздух. Неприятельский флот был истреблен, и этим закончилось Чесменское сражение... Турки потеряли весь флот: 15 кораблей, 6 фрегатов и до 50 мелких судов» [6]. Причем, в Хиосском сражении русская эскадра уступала врагам почти вдвое. Самой большой потерей нашего флота тогда стал флагманский линейный корабль «Евстафий», который взорвался во время схватки вместе с турецким кораблем «Реал-Мустафа». Удалось спастись только адмиралу Спиридову, графу Федору Орлову и нескольким офицерам.

Рисованный план Хиосского сражения

Рисованный план истребления турецкого флота в Чесменской бухте в ночь с 25 на 26 июня (с 6 на 7 июля) 1770 года

В июле 1776 года состоялся Императорский смотр кораблей, участвовавших в Архипелагской экспедиции. Линейный корабль «Ростислав» удостоился наибольшей чести: на его борт прибыла Императрица Екатерина II со свитой. Спущененный на воду в мае 1769 года в Архангельске линейный корабль «Ростислав» входил в состав Архипелагской экспедиции. На вооружение корабля имелось 66 орудий, команда составляла 600 человек [7].

*Участник Чесменского сражения
линейный корабль «Ростислав»*

Блестящая победа при Чесме в 1770 году, в которую свою лепту вписали и британские морские офицеры, послужила сюжетом для серии из четырех картин-панно, исполненной английским художником Ричардом Пэтоном. Картины на сюжет Чесменского боя были задуманы и начаты по инициативе самого художника и без предварительного заказа. О работе Пэтона над картинами сообщал граф Чернышев русскому послу в Англии А.С. Мусину-Пушкину. Императрица

Екатерина II благосклонно отнеслась к инициативе живописца. «Морские картины», привезенные из Англии, после осмотра Императрицей были приобретены российской стороной и установлены в тронном зале в Петергофе [8].

По оригиналам Ричарда Пэтона Пьером Шарлем Кано были созданы гравюры, отображающие разные этапы Чесменского сражения [9].

Гравюра П.Ш.Кано. Вид эскадры Императорского Российского флота под командованием графа А.Г.Орлова, разбивающего турецкий флот в Чесменской бухте в ночь с 25 на 26 июня 1770 года

Героями Чесменского сражения стали главнокомандующий морскими и сухопутными силами граф Алексей Орлов, получивший титул Чесменского, адмирал Спиридов, руководивший эскадрой во время Архипелагской экспедиции и начальник особого отряда капитан Грейг, которому предназначалась главная роль в поджоге неприятельских судов при помощи брандеров.

Адмирал Григорий Андреевич Спиридов

Григорий Андреевич Спиридов на своем многотрудном пути к адмиральскому званию служил на всех морях, где Россия имела хоть какие-то морские формирования. Он прошел весь путь морского служения, начиная с самых низших чинов; к моменту Чесмы его служба длилась почти полвека. Чесма стала высшим достижением Г.А. Спиридова и крупнейшим успехом за время Архипелагской экспедиции [10].

В Архипелагской экспедиции Спиридов оказался в подчинении молодого графа Алексея Орлова, которого Императрица назначила командующим экспедицией в должности генерал-аншефа. Военные действия в биографии Алексея Григорьевича занимают сравнительно скромное место, 3-4 года. А славу ему, сухопутному офицеру, принесло морское сражение! Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский прожил

после завершения русско-турецкой войны еще 33 года. Он больше никогда не занимал командных должностей в армии или на флоте (хотя в 1787 г. Императрица Екатерина II предлагала ему возглавить новую экспедицию в Средиземное море), но слава героя Чесмы оставалась с ним [11].

Граф Орлов-Чесменский

Во времена Императрицы Екатерины II на русском флоте служило много иностранцев. Британский морской офицер шотландского происхождения Самуил Карлович Грейг внес большой вклад в развитие и модернизацию российского флота. В 1760-е – 70-е годы Грейг разработал и усовершенствовал систему парусного вооружения кораблей, внёс ряд усовершенствований в конструкции корпусов кораблей и судовых устройств. В 1783 году под руководством Грейга впервые в практике русского флота была обшита медными листами подводная часть корабля, что значительно улучшило его ходовые качества. После Чесменской битвы капитан Грейг был возведён графом Орловым в звание адмирала; впоследствии это назначение было утверждено письмом от Императрицы Екатерины II [12].

Адмирал Самуил Карлович Грейг

Архипелагские острова после Чесмы приняли российское подданство, турецкий флот был нейтрализован, началась блокада Дарданелл. Для русского флота нужна была база, которая могла бы стать опорой для длительной блокады. Выбор пал на остров Лемнос. Но лемнесская операция флота закончилась неудачей. Поэтому базой русского флота стал менее удобный для этой цели порт Ауза на острове Парос. Именно отсюда отправлялись суда на крейсирование, сюда приходили подкрепления из Кронштадта, прибывали посольства с островов Архипелага. Русские победы привели к тому, что почти три десятка островов перешли в русское подданство и стали именоваться «Архипелагским великим княжеством» [13].

Турция не могла смириться с потерей Архипелагских островов и нарушила ранее заключенное перемирие. По плану турок пять эскадр с периферии, объединившись, должны были уничтожить русский флот, стоявший на якоре у остро-

ва Парос. Осуществить этот план туркам помешал капитан I ранга Михаил Тихонович Коняев со своей эскадрой, разбивший в октябре 1772 года Дульциниотскую эскадру в Патрасском заливе и этим помешавший объединению турецких эскадр.

Более четырех лет Россия властвовала над Архипелагскими островами, которые позже были возвращены Турции по условиям Кучук–Кайнарджийского мира.

Согласно Кючук-Кайнарджийскому мирному трактату, Крым остался за Россией, и здесь решено было начать создание флота. Задачу утверждения России на Черном море Императрица поручила своему любимцу и ученику Григорию Потемкину. В 1775 году Г.А. Потемкин получил звание наместника Новороссийского края и приступил к исполнению своих обязанностей. По его инициативе на Днепровском лимане была оборудована морская база, а год спустя в этом месте был заложен город Херсон. В 1783 году при окончательном присоединении Крыма к России было решено основать новую морскую базу в Ахтиарской бухте, теперешнем Севастополе.

В Санкт-Петербурге в Государственном Эрмитаже хранится портрет Г.А. Потемкина, написанный в 1792 году его современником австрийским художником И. Б. Лампи. Лампи «провел в России шесть лет (1792-98), пользуясь благоволением Императрицы Екатерины и ее преемника на престоле, портретировал всех особ Царской Фамилии и многих русских сановников и придворных» [14].

Весной 1787 года Императрица Екатерина II совершила свое знаменитое путешествие в Тавриду, посетив Севастополь, где был собран молодой Черноморский флот. Ознакомившись с положением дел на юге России, Императрица окончательно убедилась в необходимости довести до конца начатое дело по утверждению России на побережье Черного моря. Однако Императрица и Г.А. Потемкин на тот момент не желали войны, считая ее преждевременной, поскольку молодой российский флот тогда еще не был готов к военным действиям. Особенно опасался Г.А. Потемкин за Крым и Севастополь.

*И.Г. Лампи. Портрет Светлейшего князя,
генерал-фельдмаршала Григория Александровича
Потемкина*

Укрепление России на Черном море подталкивало Турцию к новой войне, которую Турция не замедлила объявить России в 1787 году. Главной целью турок стало закрытие Днепровского лимана и уничтожение Херсона, как главной снабжающей базы русских. Ключом к лиману являлась крепость Очаков, где турки сосредоточили свои основные силы. Русским необходимо было взять Очаков и это стало главной задачей русских в компании 1788 года. В ту компанию руководство флотом было передано от нерешительного Мордвино-ва принцу Нассау-Зигену и его помощнику шотландцу Полю Джонсу, а командующим сухопутными войсками в южных областях Новороссии был назначен А.В. Суворов, который приложил все силы, чтобы предотвратить нападение турок на Херсон. В распоряжение А.В. Суворова поступили также и наши суда, укрепившиеся на Кинбургской косе. Попытка турок захватить крепость Кинбурн закончилась поражением.

Русские готовились к осаде Очакова. С начала навигации 1788 года турецкий флот опять появился у входа в лиман. Турками предпринимались попытки уничтожить наш флот, но они не увенчались успехом. Парусный флот противника под натиском русских бежал в море, а гребная флотилия была заблокирована под Очаковым и вскоре уничтожена адмиралом Нассау по приказу Г.А. Потемкина.

К месту боевых действий из Севастополя выдвинулась эскадра под командованием Войновича. Эскадре надлежало отвлечь флот противника от лимана. Правой рукой Войновича являлся известный всему флоту своим боевым прошлым бригадир Федор Федорович Ушаков, который имел свои взгляды на ведение морского боя. «Излюбленный прием Ушакова заключался в решительном ударе на адмиральские неприятельские корабли, что имело особую важность при боях с турками, которые держались стройно до тех пор, пока держались их адмиралы» [15].

После неудачи под Очаковым турецкий флот, получив подкрепление, вышел в море на поиски Севастопольской эскадры. Обе эскадры встретились в море у острова Фидониси. Хотя превосходство было на стороне турок, бой 3 июля 1788 года выиграла Севастопольская эскадра, во многом благодаря таланту Ушакова. Турецкий флот ушел к румелийским берегам. Теперь он не имел неоспоримого владычества над морем, а Крым не подвергался опасности высадки турецкого десанта. 6 октября 1788 года Очаков был взят штурмом, и таким образом, главная цель компании была достигнута.

Кампания 1789 года прошла без боевых столкновений на море. Начавшаяся война со Швецией помешала флоту России продолжать активные действия в Архипелаге для отвлечения турецких морских сил от Черного моря. Эту миссию в Средиземном море исполняли две сильные корсарские эскадры из греческих и славянских моряков. «Все суда носили русский военный флаг, и их экипажи состояли на русской службе, получая соответствующие чины и жалованье» [16]. «Зато на сухопутном театре военные действия шли энергично... К наступлению холодов мы успели овладеть почти всей территорией теперешней Бессарабии, немного не дойдя до Дуная и до его неприступного ключа – Измаила» [17].

Адмирал Ф.Ф. Ушаков

После взятия Очакова Г.А. Потемкин получил возможность двинуться к Дунаю, а на лиманскую флотилию возлагалась задача по охране очаковского побережья от турецких десантов. Севастопольская эскадра должна была в случае приближения неприятельского флота к лиману, угрожать ему с тыла.

В кампанию 1790 года турецкий флот предпринял попытку возвращения Крыма. К этому времени командование Севастопольской эскадрой перешло от Войновича к Ф.Ф. Ушакову. Русский флот начал готовиться к встрече с неприятелем. В июле 1790 года турецкий флот появился у Керченского пролива, но был отбит от крымских берегов. Тем временем сухопутные войска при активном содействии флота овладели турецкими крепостями Тульча и Измаил.

Европа была обеспокоена усилением России и поддерживала Турцию. Несмотря на то, что Г.А. Потемкин предлагал правительству Порты начать переговоры о мире, Турция решила продолжать борьбу в надежде на помощь Англии

и Пруссии. Одновременно с наступлением нашей армии на суше, в море вышел Ф.Ф. Ушаков. В июле 1791 года турецкий флот появился в Черном море с целью задавить флот под командованием Ф.Ф. Ушакова численностью. Последовавшая вскоре битва при мысе Калиакрия закончилась поражением турецкого флота. В эту компанию Турция потеряла также свой укрепленный пункт на кавказском побережье – Анапу, которая была взята сухопутными войсками.

Результатом кампании 1791 года стало заключение мира в Яссах, по которому Россия приобретала часть Молдавии между Днестром и Буком, восстанавливала по всем пунктам действие Кучук-Кайнарджийского трактата, и, таким образом утверждалась на Черноморском побережье между Днестром и Кубанью [18].

В результате Русско-турецких войн 1768–1774 года и 1787–1791 годов Россия овладела Крымом и утвердила на Черном море. Так закончилась двухвековая борьба России с Османской империей не только за отдельные пограничные территории, но и за сохранение православной веры и всей славянской цивилизации.

Примечания

1. История Российского флота. М., 2007. С.129
2. Там же. С. 135
3. Там же. С.139
4. <http://allcastle.info/europe/ukraine/015>
5. <http://www.zdravrussia.ru/warlords/xviiivek/?nnew=1128>
6. История Российского флота. С. 151
7. Соломонов Б.В. и др. 100 великих кораблей. М., 2012. С.106.
8. Незабываемая Россия. Русские и Россия глазами британцев XVII–XIX век. Государственная Третьяковская галерея. Британский совет. Трилистник. М., 1997, С.11, 44
9. <http://school-collection.edu.ru/catalog/rubr/8f5d7210-86a6-11da-a72b-0800200c9a66/18192/>
- 10.<http://www.zdravrussia.ru/warlords/xviiivek/?nnew=1124>
11. <http://www.zdravrussia.ru/warlords/xviiivek/?nnew=1128>
12. https://ru.wikipedia.org/wiki/Грейг,_Самуил_Карлович

13. <http://100.histrf.ru/commanders/graf-orlov-aleksey-grigorevich/>
14. https://ru.wikipedia.org/wiki/Лампи_Старший,_Иоганн_Баптист
15. История Российского флота. С. 172
16. Там же. С.175
17. Там же. С. 176
18. Там же. С. 183

А.В. Захаревич
(г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

К вопросу о представлениях донских казачьих офицеров о чести

Тема работы связана с представлениями офицеров Войска Донского о чести на фоне операции российских войск в оборонительный период Кавказской войны (1801–1816 гг.). Они занимали различное служебное и социальное положение в структурной организации находившихся в 1813 г. на Кавказской линии 6 донских казачьих полков. И, что самое главное, по-разному отнеслись к своим служебным обязанностям, каждый считая, что выполнил их в сложившихся обстоятельствах до конца. Различие в поведении у них было основано на предыдущей службе, на образцах выхода из подобных ситуаций другими представителями их социального этажа.

Говорить о донском дворянстве в это время еще преждевременно, т.к. Донское Дворянское Собрание было сформировано только в 1835 г. вместе с выходом Положения об управлении Войском Донским 1835 г. До этого же момента все измерялось указом Императора Павла I от 22 сентября 1798 г., объявлявшим, что «за ревность и службу Войска Донского... в знак признательности» казачьи чины приравнивались к штаб- и обер-офицерским чинам регулярной Российской армии: чин войскового старшины – к чину майора, есаула – ротмистра, сотника – поручика, хорунжего – корнета [1]. А

это приближало донское офицерство к российскому дворянству, явив на свет уже к 1812 г. на Дону 400 дворянских родов. За годы Отечественной войны и Заграничных походов их количество возросло до 800 [2]. Именно из этих представителей этих родов комиссия и отбирала в 1835 г. кандидатов на получение действительного дворянства. Но если юридически они еще не были действительными, то образцы поведения уже отрабатывали и норовили их применять.

После краткого обзора общественного положения формируемого донского дворянства на момент описываемых событий необходимо дать минимум сведений о главных героях нашей истории. Первый – войсковой старшина Петр Захарович Сычёв З-й. Родился в ст. Траилинской в 1775 г., по которой числился до 1820 г., а затем стал проживать в ст. Нижне-Михалевской. Получил типичное для казака образование и воспитание, которое заключалось в том, что он по-русски умел читать и писать, но в отличие от других, родился в семье полковника, а затем генерал-майора Захара Ефимовича Сычёва, в силу чего имел за собой 140 душ крепостных [3]. Помимо имущественного различия, рождение в семье генерала способствовало и его служебному продвижению.

Мы не будем сейчас останавливаться на всех перипетиях биографии и служебного пути Петра Захаровича, тем более, что это уже нами сделано в одной из более ранних статей [4]. Остановимся только на тех фактах, которые помогут ответить на вопрос: как сформировалась его личность? Он вступил в службу казаком 5 апреля 1787 г., а уже 10 мая был определен в полк своего отца, тогда еще полковника. Отец определил его и в Конвой Императрицы Екатерины II, когда та возвращалась из Крыма. Вместе с отцом в составе полка он участвует в разгроме турецкого десанта на Кинбурнской косе 1 октября 1787 г., за что был произведен в сотники, а с подачи родителя А.В. Суворов, с которым Захар Ефимович был в приятельских отношениях, производит его в 1789 г. в поручики. Тогда еще и не было указа Императора Павла I, поэтому, получив армейский офицерский чин, П.З. Сычёв теперь не сомневался в своем дворянстве. Под командованием отца он участвует и в знаменитом штурме Измаила 11 декабря 1790 г., за что был

произведен в капитаны и получил от А.В. Суворова «за отличную противу неприятеля храбрость» открытый лист.

Далее при выходе сына на новую службу З.Е. Сычёв, ставший уже генералом, выхлопотал ему службу в Лейб-казачьей конвойной команде. Пусть даже через год, по своей собственной просьбе, сын переводится служить на Оренбургскую линию, но опека отца ощущается над ним всю первую половину службы. Не исключено, что и производство сына 22 сентября 1798 г. (в день выхода упомянутого выше указа – А.З.) в войсковые старшины – тоже его рук дело. По Табели о рангах войсковой старшина – это майор, чин 8-го класса, что давало надежду на потомственное дворянство. Выпадавшие на его очередь службы с 1798 по 1805 г. ограничивались тем, что он в составе полков содержал кордоны по Днестру и Збручу. Даже когда он 13 августа 1805 г. повел свой собственный полк в поход против Наполеона, бои его обошли стороной... С 15 марта 1809 г. по 1 января 1811 г. Петр Захарович – старший заседатель Донецкого сыскного начальства.

Приняв 2 июня 1811 г. полк подполковника Апостолова 1-го, уволенного в отставку по болезни, войсковой старшина П.З. Сычев 3-й начинает свою кавказскую службу, впервые в жизни попав в этот регион. Ничем выдающимся не отличаясь, он мог в 1812 г. попасть на западную границу, т.к. для войны с Наполеоном формировалась Резервная армия, куда снимались части со всех границ России. С Кавказской линии в нее направлялись Нарвский драгунский и Донской Сычёва 3-го полк. Драгуны успели выступить в Россию, а Сычев был задержан по просьбе командующего войсками на Линии генерал-майора С.А. Портнягина [5].

В сентябре 1813 г. на Кавказской линии стало «не скучно», т.к. внезапно ногайские кочевья, располагавшиеся у горы Бештау, внезапно 6 сентября с утра срываются с места и стремительно уходят всей массой за Кубань, принимаемые там кабардинцами. Мы не будем останавливаться на причинах этого движения, блестяще рассмотренных в монографии З.Б. Кипкеевой [6]: она это сделала шире и глубже, чем предшествующие русские кавказоведы, сводящие все к агитации кабардинских владельцев. Не остановимся мы и на подроб-

ностях боев с 6 по 11 сентября 1813 г. с целью возвращения ногайцев назад, ибо и это достаточно подробно сделано в отечественной историографии [7, 8, 9, 10]. Наша задача иная: сравнить поведение начальников отдельных групп русских войск, бросившихся преследовать ногайцев и вступивших в схватки с кабардинцами, прикрывавшими движение кочевников. Нас будут интересовать только два боя, произошедшие 8 сентября, схожие по своим действиям, но различные по результатам.

Первый – это «конфуз» отряда войскового старшины П.З. Сычёва З-го. Данный отряд состоял не только из казаков, но половина его составляли пехотинцы и артиллеристы, всего было 200 чел. и 2 орудия. Поэтому, когда исследователи приписывают эту неудачу целому полку Сычёва З-го, они не правы: это отмечено даже у И.О. Дебу. Преследуя ногайцев, П.З. Сычёв со своими людьми все более уходил от Кубани. 7 сентября его казакам удалось захватить даже 2-х ногайских владельцев. Довольный успехом, он на ночь даже не выставил боевого охранения и не организовал разведки, что привело к печальным последствиям: утром 8 сентября он оказался окружён кабардинцами и ногайцами в количестве 4000 чел.

А дальше – переговоры, сдача 2-х пленных владельцев горцам и отдача в обеспечение этих условий 3-х офицеров отряда в аманаты (заложники). Причем Сычёв З-й сделал все это очень скоропалительно, т.к. С.А. Портнягин, слыша звуки боя, послал на его выручку помошь. Это был отряд подполковника Т.С. Ильина 1-го, собранный частями со всех 6 донских казачьих полков. Донцы выполнили поставленную задачу: освободили людей Сычёва З-го из окружения, но тот успел выполнить позорящие русскую честь условия горцев. Хочется, в этой связи, обратить внимание на дискуссию среди читателей, возникшую при чтении нашей статьи, посвященной позору П.З. Сычева З-го и выложенную на сайте интернета «Вольная станица». Дискуссия состоялась 29-30 июля 2011 г. [11]. Там выражались следующие мысли: «Понятие офицерской чести тогда действительно ценилось очень высоко. А известно ли как сложилась судьба тех троих аманатов – заложников? Если имел место просто обмен плен-

ными и за это отряду предоставлена возможность выйти из окружения, то по нынешним понятиям и вины-то никакой не было». В основном, все участники интересовались судьбой 3-х аманатов и мерили те события понятиями нынешних времен. Один из них даже заметил: «Вопрос о судьбе 3-х заложников остается ключевым!». Это действительно так даже для пресловутых «нынешних времен». Можно ответить на него так: из казенной переписки выясняется, что они все еще находились в аманатах на 31 января 1814 г., т.е. сидели уже у кабардинцев 6-й месяц! Причем без всякой надежды на лучшее [12]... Вопрос, на наш взгляд, исчерпан.

По нахватавшихся европейских понятий на западной границе, П.З. Сычёв попытался их применить на кавказской земле – и попал впросак! Для горцев на открывающихся переговорах всегда стояла задача обмануть «гяуров», что они очень хорошо и провернули, попав на такого командира как Петр Захарович. А он, не зная всех этих тонкостей, что называется, купился... В глазах всех войск Кавказской линии и их командира, С.А. Портнягина, он был виновен в бестолковом командовании, испугавшись большого перевеса сил противника и даже не попытавшись его уравновесить применением имевшихся у него 2-х орудий, что было главным его козырем в данной ситуации. Они бестолково у негоостояли, не выпустив ни одного заряда по врагу.

И вот здесь, как альтернатива его поведению, выходит на сцену второй участник событий, есаул Никита Иванович Козин, уроженец ст. Вешенской, служивший в полку Ильина 1-го. По многим параметрам общественного положения он не дотягивал до П.З. Сычёва: имея чин есаула, он занимал положение в звене обер-офицерских чинов, пусть и самое высокое, но еще не достиг штаб-офицерской сетки, т.е. по Табели о рангах был только личным дворянином, а не потомственным; крепостных крестьян не имел вообще; высоких покровителей и связей в верхах тоже не имел. То есть ему сам Господь Бог велел надеяться только на самого себя. И он, как мог, прорубывал своей шашкой себе путь вперед...

В его послужном списке содержатся следующие строчки: «806-го года июня с 15-го числа поныне (список сделан в 1814 г. – А.З.) находясь на Кавказской линии у содержания

от горских народов передовой кордонной стражи, где 813-го года сентября 8-го дня во время побега живших в России ногайцев за границу, будучи с командою у преследования закубанских и ногайских народов, следовавших от речки Кумы, догнал оных близ речки Гадкой (? – в других документах названа Горкой – А.З.), был в весьма тесной атаке у многочисленного неприятеля несколько часов, от которой особыенным искусством военного способа освободился без малейшей утраты и по достижении отряда, состоявшего под командою подполковника и кавалера Ильина 1-го, был в сильном сражении с оными при речке Кумских Барсуклах...» [13].

Известие об этом подвиге донского офицера должно было послужить бальзамом для С.А. Портнягина, приказавшего после освобождения отряда П.З. Сычёва арестовать его командира за проявленную им трусость. Было с чем сравнивать: обстоятельства примерно одинаковые, но есаул проявил несгибаемость и доблесть, выведя своих людей из окружения, а войсковой старшина – трусость и сдал своих подчиненных. Семен Андреевич увидел, что среди донцов еще остались герои! Нет документов, подтверждающих представление Н.И. Козина к награде за проявленное умение и «особенное искусство военного способа», но, очевидно, после снятия его с должности командующего войсками на Линии и представление к награждению было затеряно...

Вот два образца поведения командира в бою, которые являются антиподами друг другу. Что могло так повлиять на поведение П.З. Сычёва в этот день? Первое, на что стоит указать: он привык к тому, что отец, генерал Захар Ефимович, его отовсюду спасет и продвинет; даже когда тот был уже в отставке, сын продолжал верить в свою «звезду». Второе, это то, что он не имел опыта боев с горцами и, попав в незнакомую обстановку, сплоховал. В принципе, надежда на родственников, которая его никогда не подводила, вывела его из беды и на этот раз. Наказной атаман Войска Донского в 1813 г. А.К. Денисов 6-й, приходившийся П.З. Сычёву шурином, спас его от суда и вернул на службу, «подсидев» С.А. Портнягина [14].

Никита Иванович Козин на Кавказе служил давно, знал своего противника как свои пять пальцев, поэтому не позво-

лил горцам сделать над собой ничего подобного. Нет сомнения, что если бы у него были 2 орудия, то он нашел бы им применение, но все обошлось и без артиллерии, на одном умении и опыте... Он также понимал, что у него нет отца-генерала и влиятельных родственников, которые его будут вытаскивать из различных передряг. Поэтому, исходя из собственных возможностей, мог действовать только так, формируя сам свою репутацию и поддерживая честь.

При жизни войскового атамана М.И. Платова, знавшего о позорном факте в службе Сычёва З-го, продвижения в чинах у него не наблюдалось, а после смерти «вихря – атамана», когда войсковым атаманом стал А.К. Денисов, по его представлению 29 мая 1819 г. зять был произведен в подполковники [15].

Длительное время действительный подвиг есаула Н.И. Козина был России не известен. Поэтому считаем необходимым упомянуть его на Дворянских чтениях как противоположность продвижению таких людей как П.З. Сычёв. Простой есаул принадлежал к той когорте служак, которые в своей жизни и службе соблюдали слова пушкинского эпиграфа к «Капитанской дочке»: «Береги платье снову, а честь – смолоду!»

Примечания

1. *Агафонов А.И.* Донские казаки. Грудь в крестах...(Из истории пожалований, наград и знаков отличия донского казачества XVI – начала XX веков). Ростов-на-Дону. ЮФУ. 2009. С. 143

2. Дон и степное Предкавказье XVIII – первая половина XIX вв. Ч. 2. Ростов-на-Дону. 1977 . С. 87

3. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 344. Оп. 1. Д. 218. Л. 131 об.-132

4. *Захаревич А.В.* Войсковой старшина П.З. Сычёв З-й: путь к позору // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа – II. Материалы региональной научной конференции. Пятигорск, 20-22 ноября 2009. Пятигорск, ПГЛУ. 2009. С. 85-94

5. Утверждение русского владычества на Кавказе. I. / Под ред. ген. – майора В.А. Потто. Тифлис. 1902. Т. III. Ч. С. 122

6. Кипкеева З.Б. Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории. Ставрополь. СГПУ. 2008. С. 176, 193-194

7. Дебу И.О. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском Войске или общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию и о соседственных горских народах. Собранные действительным статским советником и кавалером Иосифом Дебу с 1816 по 1826 год. СПб. 1829. С. 179–183, 185-186

8. Потто В.А. Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. 1. С. 647

9. Захаревич А.В., Скиба К.В. Военно-политические события на Кубанской линии в 1811 – 1816 гг. – попытки мирного сосуществования. // Вопросы Северокавказской истории. Вып. 9. / Под ред. В.Б. Виноградова. Армавир. 2004. С. 52-53

10. Скиба К.В. Из истории «Малой Кавказской войны» на Кубанской линии. Армавир. 2005. С. 73-74

11. Re: Войсковой старшина П.З. Сычёв 3-й: путь к позору. / <http://forum.fstanitsa.ru/viewtopic.php?f=38&t=2918> от 6/7/2013 5:25:50 PM

12. Предписание ген. Ртищева ген. – м. Дельпоццо от 31 января 1814 года. // Акты Кавказской Археографической Комиссии. Тифлис. 1873. Т. V. С. 880

13. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 210. Л. 133 об., 138

14. Захаревич А.В. Войсковой старшина П.З. Сычёв 3-й: путь к позору... С. 91

15. ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 695. Л. 90 об.

Э.Г. Вартаньян
(г. Краснодар, Российская Федерация)

Валериан Григорьевич Мадатов – боевой генерал Российской Императорской армии

В своём выступлении на XI Международных Дворянских чтениях мы акцентировали внимание на блестящей плеяде

офицеров Российской империи: Лазаревых-Абамелек и Валериана Мадатова. Данная работа посвящена персонально Валериану Мадатову, яркому представителю российского воинства, своими ратными подвигами содействовавшему победам российского оружия на полях сражений. Обращение к этой личности обусловлено недостаточной изученностью его жизни и деятельности в исторической литературе. Существует немало вопросов и версий по его ранней биографии, споров по поводу того как он попал в Петербург, каким образом стал офицером Российской армии. Однако несомненен тот факт, что он был выходцем из карабахских армян и стал блестящим российским генералом.

Ростом (Валериан) Мадатов родился 18(29) мая 1782 г. в селе Аветараноц (Чанахчи), расположеннном вблизи карабахского города Шуша. Точных сведений о его социальном происхождении нет, существует мнение о том, что его отец Григор Григорян был конюхом (или погонщиком мулов) у варандийского мелика (князя) Шах-Назара (Шахназаров). В 14-летнем возрасте Ростом уехал в Астрахань, где стал учеником полкового маркитанта (мелкий торговец, сопровождающий армию в походе). Благодаря пребыванию в Астрахани и роду занятий, ему удалось изучить русский язык [1].

В 1799 г. Ростом прибыл в Санкт-Петербург в составе делегации армянских меликов во главе с Шах-Назаром (юноше удалось примкнуть к многочисленной княжеской свите в качестве переводчика, когда делегация проезжала через Астрахань). Санкт-Петербург произвел неизгладимое впечатление на молодого человека и так его увлек, что он решил остаться в северной столице. В Петербурге пылкий кавказец, увидев блестящие гвардейские полки Императора Павла I, загорелся страстным желанием служить Русскому Императору и подал прошение об определении на военную службу.

Вскоре князю Шах-Назару пришлось возвращаться в Карабах. Ростом, не дождавшись ответа об определении на военную службу, вынужден был отбыть с делегацией князя из столицы. Как удалось юноше вернуться в Петербург? Существует версия о том, что однажды, принимая военный парад, Император Павел I вспомнил о статном юном горце, мечтавшем стать гвардейцем, и распорядился срочно доставить юношу в Петербург, послав за ним фельдъегера [2].

Ростом поступил в русскую гвардию, взяв фамилию Мадатов (девичья фамилия матери). Однако специальный указ Императора Павла I запрещал производство в офицеры не дворян. Одни исследователи полагают, что Император Павел I даровал 17-летнему Ростому княжеский титул в качестве дипломатического жеста, зачисляя его в гвардейский корпус, другие считают, что князь Шах-Назар выдал юноше грамоту о дворянском происхождении и по его просьбе Ростома зачислили в военную школу [3].

Юноша вскоре стал портупей-прапорщиком лейб-гвардии Преображенского полка. Общительность, энергичность, благородство души способствовали тому, что Ростом легко влился в ряды русского офицерства.

В Санкт-Петербурге Ростому покровительствовали крупные армянские политические деятели и поборники российской ориентации – архиепископ Иосиф Аргунтинский-Долгоруков и Иван Лазаревич Лазарев. В доме Ивана Лазарева Ростом и поселился, сблизившись с представителями довольно обширной армянской колонии столицы. Вполне возможно, что принятию Ростома на российскую военную службу способствовали Иосиф Аргутинский и Иван Лазарев, они же посоветовали юноше принять новое имя и фамилию матери (кстати, Аргунтинский и Лазарев и сами жили под русифицированными именами). Некоторые исследователи полагают, что имя Валериан посоветовал молодому человеку принять И. Аргутинский в честь генерала Валериана Зубова, на которого была возложена миссия воссоединения Южного Кавказа, с которым Аргутинский был очень близок.

В 1802 г. Валериан Мадатов стал подпоручиком в Павловском grenadierском полку, в 1807 г. – штабс-капитаном в Мингрельском полку, с 1808 г. – капитаном.

Боевое крещение Валериан получил в период Русско-турецкой войны 1806–1812 гг. на полях Молдавии и Валахии. Участвовал в боевых действиях на Дунае, где в составе авангардного отряда атамана М. Платова под командованием доблестного П.И. Багратиона, не раз ходил в кавалерийские рейды, проявляя необыкновенную храбрость и мужество, всегда находясь в первых рядах.

Для молодого В. Мадатова открылся послужной список его подвигов и побед на тех самых полях сражений, которые

через 20 лет были опять свидетелями его беспримерной доблести. Первый орден князь В. Мадатов получил за отличие при штурме Браилова (орден Святой Анны III степени). Валериан храбро проявил себя в боях под Мачином, Бабадагом, Гирсово, Кюстенджи (за бой при взятии Кюстенджи был награжден орденом Святого Владимира IV степени), за сражение под Рассеватом был удостоен Золотой шпаги с надписью: «За храбрость». А в сражении между селами Калипетро и Канаклы был награжден орденом Святой Анны II степени [4].

В 1810 г. Валериан Григорьевич по собственной просьбе был переведён из пехоты ротмистром в Александрийский гусарский полк на должность командира эскадрона, где за отличия был произведен в майоры. Продолжая действовать на полях сражений против турок, заслужил чин майора. 12 июля 1810 г. в бою под деревней Чаушкиой отбил со своим эскадроном турецкое орудие. 26 августа под Батином с двумя эскадронами он наголову разбил четырехтысячный конный отряд турок, выдигавшийся из Шумлы (болгарский город Шумен). За эти подвиги его наградили Орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия IV степени и чином подполковника [5].

В.Г. Мадатов был участником Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии (1813–1814 гг.). К началу Отечественной войны В.Г. Мадатов командовал батальоном Александрийского гусарского полка, переброшенного с берегов Дуная на Волынь и вошедшего в состав 3-й Западной армии генерала А.П. Тормасова, поэтому ему не пришлось участвовать в Бородинском сражении.

В первом же сражении под Кобриным В.Г. Мадатов во главе отдельного кавалерийского отряда нанес поражение саксонской коннице, вынужденной сложить оружие. Командуя передовым отрядом, с успехом действовал под Городечном и Борисовым, а также при занятии Вильны.

В. Мадатова нередко сравнивали с лихим кавалеристом – блестательным наполеоновским маршалом Иоахимом Мюратом в контексте воинской доблести и славы [6]. Но если допустить существующую версию о карабахском происхождении Мюрата (Овакима Мурадяна), то они являлись также земляками. Однако лично друг с другом никогда не встречались, даже во время Отечественной войны 1812 г., в которой оба

принимали самое непосредственное участие – воевали друг против друга: Мадатов за Россию, Мюрат – за Францию. В частности, фельдмаршал И.И. Дибич назвал В.Г. Мадатова русским Мюратом [7].

После переправы французов через Березину В.Г. Мадатов получил приказ опережать неприятельские колонны, истреблять мосты на пути их бегства и всячески замедлять их движение. Он блестяще выполнил эту задачу, захватывая ежедневно сотни и тысячи пленных и неутомимо преследуя противника до самой Вильны. За эти бои он был произведен в полковники и награжден Золотой саблей, украшенной алмазами с надписью: «За храбрость». В числе других передовых частей русской армии полк В.Г. Мадатова перешел в конце декабря через Неман и принял участие в сражении под Калишем. Саксонские войска были разбиты, В.Г. Мадатов, захвативший в плен колонну генерала Ностица, был награжден Орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия III степени. В генерал-майоры В.Г. Мадатов был произведен после сражения под Лейпцигом 1813 г., во время которого, раненный в руку, он не покинул поле боя [8].

В 1816 г. В.Г. Мадатов по рекомендации генерала А.П. Ермолова назначается командиром Отдельного Кавказского корпуса, затем командующим войсками в Карабахском ханстве. В 1817 г. Указом Императора он был утвержден военно-окружным начальником и правителем трех закавказских ханств – Карабахского, Шекинского и Ширванского.

В 1818 г. А.П. Ермолов предпринял поход на районы, населенные чеченцами, и главным его помощником был В.Г. Мадатов. Для удержания Дагестана А.П. Ермолову нужен был опытный, предприимчивый, решительный, быстрый в передвижениях генерал. Выбор пал на генерал-майора В.Г. Мадатова, который в 1819 г. был отправлен в Дагестан для подчинения тамошних ханов русскому влиянию и справился с этой задачей [9].

После окончания кампании В.Г. Мадатов вернулся в Карабах и приступил к делам окружного начальника. В начале 1820-х гг., в пятилетний период мира, до начала второй войны Персии с Россией, он проявил себя в качестве незаурядного организатора и хозяйственника. Стремясь к «умиротворению» края, он всегда сам вел переговоры с вождями горских племен и, пренебрегая тревожными предупреждениями

ми, нередко являлся на встречу с ними один и безоружный. В ханствах, вверенных его непосредственному управлению, он присутствовал в судах, «диванах», заботился об устройстве мостов на горных дорогах, усовершенствовании породы знаменитых карабахских скакунов, распространении шелководства. Среди горцев при В. Мадатове сложилась такая поговорка: «Женщина в Карабахе может ходить спокойно с золотым блюдом на голове». В 1823 г. В.Г. Мадатов приступил к уточнению границ между Россией и Персией, участвовал в составлении книги «Описание Ширванской провинции» и т.д. [10]. Однако в 1826 г. мирная деятельность В.Г. Мадатова была прервана вторжением персов в пределы России.

Армяне всеми силами старались помочь России овладеть Закавказьем. Армянские села выставляли на помощь русской армии свои отряды. Духовный лидер армян епископ Нерсес Аштаракеци, впоследствии католикос, призывал армян всемерно содействовать русским войскам, а с весны 1827 г. принимал участие в боевых действиях Русско-персидской войны 1826–1828 гг. [11]. В.Г. Мадатов был поставлен во главе отряда в девять рот пехоты, шести орудий и отправлен навстречу персам в Казахский округ [12]. 15 сентября 1826 г. сводный отряд под командованием генерала В. Г. Мадатова (6300 солдат и конных ополченцев) при Шамхоре нанес поражение 20-тысячному персидскому войску, двигавшемуся на Тифлис. Противник потерял около 2000 человек убитыми. Потери сводного отряда В. Мадатова составили 27 человек [13]. Эта победа заставила Аббас-Мирзу снять осаду Шуши и двинуться к Елизаветполю [14]. В.Г. Мадатов готовился к новой встрече с противником под стенами этого города, когда получил от И.Ф. Паскевича, прибывшего на Кавказ на смену А.П. Ермолову, приказ ожидать его под Елизаветполем. И.Ф. Паскевич, ввиду несоразмерности сил россиян и персов, предполагал ограничиться обороной своих рубежей и уклониться от сражения, однако по настоянию В.Г. Мадатова решил принять бой. В результате персы понесли полное поражение. В.Г. Мадатов, командовавший в этом бою 1-й линией, вынес всю тяжесть боя. За эту победу, решившую исход войны, он был произведен в генерал-лейтенанты и награжден второй Золотой саблей, украшенной алмазами с надписью «За храбрость» [15].

Но дальнейшие отношения В.Г. Мадатова с главнокомандующим, не любившим «ермоловского духа», не сложились. 22 апреля 1827 генерал-адъютант И.Ф. Паскевич отстранил генерал-лейтенанта князя В.Г. Мадатова от командования и возложил на него сугубо тыловую службу – назначил его на должность провиантмейстера, что было прямым оскорблением для боевого генерала. Подозреваемый Императором Николаем I в вольнодумстве, как и генерал А.П. Ермолов, В.Г. Мадатов был отстранен от дел на Кавказе, у него были отобраны карабахские владения [16]. Не выдержав такой обиды, князь подал прошение об отпуске и в поисках правды поехал в Петербург, где, узнав о начале войны с Турцией, сделал все возможное для того, чтобы участвовать в военных действиях и получил назначение на Дунайский фронт в качестве командира пехотного корпуса.

На фронтах Русско-турецкой войны 1828–1829 г. В.Г. Мадатов блестяще проявил себя. 27 мая 1828 г. он участвовал в знаменитой переправе через Дунай под командованием Императора Николая I. Государь лично поручил В.Г. Мадатову, хорошо знавшему язык и нравы турок, вести с ними переговоры, что было им блестяще выполнено – он убедил турок сдать без боя крепость Исакчу [17].

4 июня 1828 г. князь В.Г. Мадатов блокировал крепость Гирсово, но поскольку у него было не более 2000 человек, он прибегнул к военной хитрости – велел своему отряду много-кратно менять форму и дефилировать перед осажденной крепостью. На переговорах князь лично исполнял роль переводчика. 11 июня крепость сдалась. За это князю В.Г. Мадатову было объявлено Монаршее благоволение.

Затем последовало отличие при Проводах – он разгромил 6000 турок, втрое превосходящих его отряд, потеряв всего 37 человек [18].

В.Г. Мадатов проявил себя не только с военной стороны. Когда турецкий гарнизон Варны, которому при сдаче крепости разрешено было возвратиться за Балканы, проходил через расположение его отряда, В.Г. Мадатов показал, что он так же человеколюбив, как и храбр. По его приказу туркам, массами гибнущим от холода и голода, была оказана всевозможная помощь.

10 ноября 1828 г. генерал И.И. Дибич назначил В.Г. Мадатова начальником 3-й гусарской дивизии. В.Г. Мадатов со

своей дивизией воевал искусно и отважно, одержав ряд побед, самой выдающейся из которых была битва под Шумлой. Этот бой был последним в жизни Валериана Мадатова. Там настигли боевого генерала последствия старых ранений и тягот походной жизни. Он скончался 7 сентября 1829 г. в разгар осады крепости Шумла, где засел турецкий гарнизон. Из уважения к В.Г. Мадатову, который всегда проявлял милосердие к противнику и мирному населению, турки открыли ворота крепости и разрешили похоронить его на христианском кладбище возле православной церкви Св. Георгия Победоносца. Впоследствии супруга полководца княгиня Софья Мадатова-Муханова добилась перезахоронения его останков в Александро-Невской лавре в Санкт-Петербурге рядом с могилами других выдающихся русских деятелей. Там они покоятся и сегодня.

Д. Доу. Портрет В.Г. Мадатова

написанные ордена, свободная и широкая живопись портрета – все это создает впечатляющий по своей жизненности образ одного из незаурядных военачальников первой четверти позапрошлого

Так завершилась жизнь блистательного российского военачальника. Но в памяти благодарных потомков он продолжает жить. На одной из центральных улиц болгарского города Шумен в мае 2007 г. был торжественно открыт памятник В.Г. Мадатову. Основой для скульптурного изображения послужил известный портрет Валериана Мадатова кисти английского художника Джорджа Доу. Портрет, исполненный с натуры, относится к числу лучших работ Д. Доу. Волевой характерный профиль Мадатова, рука, лежащая на эфесе сабли, блестящее на-

столетия. Памятник представляет собою бюст полководца, воздороженный на колонну из белого мрамора. Изваял памятник заслуженный художник России Георгий Франгулян [19].

Короткая, но яркая жизнь Валериана Мадатова вместила десятки побед и ни одного поражения. Враги его боялись, друзья гордились и любили, солдаты, которыми он командовал, буквально боготворили. Бесстрашный и умный стратег на поле боя, непримиримый к противнику, благородный и великодушный к побежденным – таким был этот человек, ставший одним из блестящих представителей русского воинства. Не случайно его портрет вместе с портретами других прославленных полководцев украшает Военную галерею Зимнего дворца в Санкт-Петербурге, посвященную героям Отечественной войны 1812 г. Это был генерал той суворовской школы, которая дала русской армии Багратиона, Милорадовича, Ермолова, Дениса Давыдова и других.

Примечания

2. Генерал Мадатов – герой Отечества. Исторический форум. URL: <http://forum.istorichka.ru/perma/2010/05/27/newest/1274968810> (15. 07. 2015).

4. Генерал Мадатов – герой Отечества. Исторический форум. URL: <http://forum.istorichka.ru/perma/2010/05/27/newest/1274968810> (15. 07. 2015).

5. Валериан Мадатов – генерал суворовской школы.
URL: [http://www. disput.az/index. php? 9showtopic=224993](http://www.disput.az/index.php?9showtopic=224993)
(1. 07.2015).

6. Варташян Э.Г. Взлёт и падение маршала Мюрута // Недаром помнит вся Россия ... эпоха 1812 года и Русское дворянство. Материалы VIII Международных Дворянских чтений 27-28 октября 2012 г. Краснодар, 2012. С. 115–123.

7. Валериан Мадатов – генерал суворовской школы. URL: <http://www.disput.az/index.php?showtopic=224993> (1. 07.2015).

8. Отечественная война 1812 г. и армяне России. URL: <http://russia-armenia.info/node/5414> (26. 06. 2015).

9. Мадатов, российский князь, генерал-лейтенант. URL: <http://www.people.su/68330> (18.06. 2016).

10. Там же.

11. Гуайта Джованни. 1700 лет верности. История Армении и ее Церкви. М., 2002. С. 194-195.

12. Русско-персидская война 1826–1828 гг. URL: http://www.e-reading.by/chapter.php/1002591/47/Tyurin_Aleksandr__Pravda_o_Nikolae_I._Obolgannyy_imperator.html (17.07. 2015).

13. Гололобов М.А. Ермоловцы (русско-персидская война 1826-1828 гг.). URL: <http://www.adjudant.ru/rpwar1826-28/mgol1826-ermolov.htm> (8.07. 2015).

14. Князь Валериан Григорьевич Мадатов-статьи-каталог статей-5-й Гусарский Александрийский полк. URL: <http://blackhussars.ru/publ/1-1-0-19> (17.06.2015).

15. Валериан Мадатов. URL: http://www.peoples.ru/military/hero/valerian_madatov/ (18.07.15).

16. Русско-персидская война 1826–1828. URL: <http://rushist.com/index.php/russia/2332-russko-persidskaya-vojna-1826-1828> (20.07. 2015).

17. Гуайта Джованни. Указ. соч. С. 197.

18. Валериан Мадатов – генерал суворовской школы. URL: <http://www.disput.az/index.php?showtopic=224993> (1. 07.2015).

19. Князь Валериан Григорьевич Мадатов-статьи-каталог статей-5-й Гусарский Александрийский полк. URL: <http://blackhussars.ru/publ/1-1-0-19> (17.06.2015).

В.С. Кондусов
(г. Краснодар, Российская Федерация)

Горские народы Закавказья в политике генерала Е.А. Головина

В 1837–1842 гг. Главноуправляющим на Кавказе и командиром Отдельного Кавказского корпуса являлся генерал от инfanterии Евгений Александрович Головин. В Закавказском крае Е.А. Головину пришлось проводить не только военно-административные преобразования и решать проблемы армянского, азербайджанского и грузинского населения региона, но и формировать политику российских властей по отношению к горским народам приграничных территорий Грузино-Имеретинской губернии.

Стратегическая Военно-грузинская дорога, связывавшая с севера Закавказье с метрополией, во многом зависела от состояния южносетинских обществ. В рапорте военному министру 22 июля 1838 г. Е.А. Головин сообщал: «Осетия, несмотря на близость управления здешним краем, распространилась по хребту и ущельям Кавказа, до сих пор не вся ещё нам подвластна. Часть ея, лежащая на южной покатости гор, после экспедиции в 1830 году бывшей, разделена на четыре приставства, и управление оными поручено особым чиновникам из грузинского дворянства <...>. Приставы сии впоследствии подчинены главному надзору: один – управляющему горскими народами по Военно-Грузинской дороге, а три – Горийскому окружному начальнику» [1].

Но сложившуюся систему управления южными осетинами, подчинённую Горийскому округу, Е.А. Головин считал неудачной. «Окружной начальник, – писал Главноуправляющий, – имея постоянное жительство в городе Гори и будучи занят собственною многосложною своею должностию по Полицейской и судной частям, не имеет ни времени, ни способов посещать Осетию, и потому надзор его ограничивается одними распоряжениями через Приставов к разборам дел сих горцев вне их земли по жалобам, приносимым ими друг на друга, или на своих приставов. <...> Для самих осетин весьма ощутитель-

ный недостаток настоящего образа правления над ними, по отдалённости от них главного местного начальства» [2].

Другой недостаток местного управления Е.А. Головин усматривал в том, что «нынешние пристава из Грузинских князей и дворян» не пользуются доверием осетин [3]. Разобравшись в местной обстановке, генерал рекомендовал военному министру учитывать эти предубеждения, существующие между грузинами и осетинами. Он отмечал, что отдельные южноосетинские семейства, не признавая грузинских властей, «присылали поверенных от себя к прежнему начальству, а ныне и ко мне, прося дать им главного пристава, но только из русских чиновников, а отнюдь не из Грузии, завести училище для образования детей и проложить чрез их земли удобную по Кавказскому хребту дорогу, о чём они просят неотступно [4].

Общественный порядок нарушался в Южной Осетии, по мнению Е.А. Головина, и набегами воинственных обитателей отдалённых ущелий, которые «нарушив в глубине гор безопасность мирных соплеменников своими разбоями и грабежами, вынуждают их (мирных. – В.К.) не только к защите себя, но и к кровомщенью, которое по обычаю их служит единственным удовлетворением за оскорбление обиды и считают священною обязанностию перед прахом родственника, погибшего от руки другого» [5].

Посчитав, что «одна лишь гражданственность, постепенно вводимая между <...> племенами страны сей может указать им путь к образованию и распространению христианства», Е.А. Головин назначил к южным осетинам одного главного пристава – капитана кавалерии Васильева, «оставив под ведением его и при нём вроде помощников трёх частных приставов» [6]. Со временем, считал Главноуправляющей Грузией, «можно будет надеяться не только на постепенное обложение жителей оной (Осетии. – В.К.) соразмерною с их состоянием податью, но и на открытие других источников Государственных доходов, которые могут с избытком вознаграждать производимые ими расходы, для первоначального введения у них гражданственности» [7].

Местом пребывания главного осетинского пристава Е.А. Головин назначил «в одном из осетинских селений, где найдёт выгоднейшим и удобнейшим для сообщения». Глав-

ноуправляющий снабдил пристава «небольшою воинскою командою», чтобы «предоставить ему возможность распространить постепенно своё влияние на отдалённые ущелья, не только на покорные, но ещё и не вполне известные» [8].

Разумная политика Главноуправляющего Грузией по отношению к южным осетинам полностью оправдала себя. В своём отчёте 1839 г. Е.А. Головин отмечал: «Можно надеяться, что при успешном, как показывает опыт, действии сего Управления, прочное владычество в Осетии утвердит господство наше на большом пространстве Кавказских гор, чьему есть уже многие доказательства. В прошлом году из сих же Осетин было собрано до 800 человек ополчения, и в короткое время, под начальством своего Пристава и без пособия воинскою командою наказали живущих в дальних ущельях на северной покатости соседственных им Осетин, позволявших себе делать набеги и грабежи. Несколько закоренелых разбойников в Осетии, долгое время скрывавшихся, были пойманы и получили наказание. Воровства между ими прекращаются, а каждый обиженный получает скорое удовлетворение на месте, не имея уже надобности отправиться в Горийские присутственные места и томиться там в ожидании правосудия» [9].

Особой заботы Главноуправляющего Грузией потребовали тушинские общества на границе с Дагестаном. Накануне прибытия Головина на Кавказ ряд тушинских селений подверглись разорительным набегам со стороны лезгин. «По прибытии моём в Тифлис, – писал Е.А. Головин, – вступив в управление вверенного мне края, я немедленно озабочился участию храброго и преданного нам Тушинского племени и для исследования на месте в подробности всех обстоятельств, сопровождавших разорение означенных семей, так и для обозрения страны, ими занимаемой, собрания на месте сведений о положении Тушинского племени, о характере и образе жизни, посыпал туда благонадёжных офицеров» [10].

Благодаря собранным сведениям Е.А. Головин «удостоился, что Тушины достойно пользуются славою храбрейших между здешними народами; от непослушания, несогласия и раздоров, произошедших между местными обществами, составляющими их племя, не в состоянии противустать

соседственным лезгинским племенам, и опасения их простираются до того, что некоторые из селений, и в том числе Шенако и Дикло, вопреки приказам пристава, ежегодно давали постыдную дань лезгинам. Когда же многочисленные толпы этого буйного народа вторглись в Тушетию и окружили селение Дикло, жители его, забыв свойственную Тушинам доблесть, искали спасения не в оружии и твердынях, природою и трудами предков их воздвигнутых, но в вероломной дружбе хищнических полчищ. Они дали лезгинам Аманатов, открыли им свободный путь на соседственные деревни единоплеменников своих. Деревня Шенако тоже обещала беспрепятственно пропустить хищников в Тушетию. Но лезгины, предвидя затруднение от непроходимости мест, заваленных глубокими снегами, а может и опасаясь встретить мужественный отпор в деревнях, не имевших с ними дружеских сношений, решились разорить сначала своих друзей, начать с ближайшей деревни Дикло» [11].

Только прибытие помощи во главе с местным приставом князем Челокаевым «не только спасло деревню Шенако, но даже всю Тушетию, и Лезгины, вступив с ним в перестрелку, ночью постепенно отступили» [12]. Из этого случая Е.А. Головин делал вывод о необходимости укрепления власти пристава. «Таковая слабость управления была причиною не только вкоренения непослушания и раздоров, но и нравственного упадка тушин, – писал Главноуправляющий Грузией. – Не опасаясь взыскания за свои проступки и не имея назидания в догматах веры от духовенства по назначению к ним священников некоторые из них вошли в дружественные и родственные связи с окружающими их магометанскими племенами, заняли от них многие не свойственные духу христианства обычай и оставили самые существенные обряды, предполагаемые святою нашою верою»[13].

По мнению Е.А. Головина, «еще гораздо в большем упадке находится нравственность соседственных Тушетии племён Хевсурского и Пшавского, исповедующих также христианскую веру» [14]. Главноуправляющий указал на стратегическое положение этих народов: «Тушетия, Хевсурия и Пшавия, составляя крайний левый фланг Лезгинской кордонной

линии, охраняют собою Грузию и часть Военно-Грузинской дороги от враждебных действий окружающих их с северной и восточной стороны племён Чеченских и Лезгинских. На преданность Тушин, Хевсур и Пшавов, как единоверцев наших, можно положиться, особенно если христианские правила более будут утверждены между ними. Соединение этих храбрых племен даст и им силу не только для собственной защиты, но сделает их страшным для соседственных мусульманских племен, противу которых, в случае надобности, мы с пользою можем употреблять их для наступательных действий, даже без содействия наших войск» [15]. Для этой цели Е.А. Головин признал полезным подчинить эти народы одному Тушинско-Пшаво-Хевсурскому приставу, а также «для назидания этих огрубевших христиан в правилах христианской веры определить сколько найти необходимым священников на жалование от казны, с вложением им в обязанность с семействами своими поселиться среди их» [16].

Для обороны Тушетии «на границе ея со стороны Кистинцев и Лезгин» Е.А. Головин приказал «содержать постоянные караулы из Тушин и Пшавцов. В местах главных проходов и где признается необходимость построить и возобновить прежние каменные башни, служившие Тушинам для обороны» [17].

Все эти меры Е.А. Головина были одобрены правительством. Особой заботы требовала Мегрелия (в официальном делопроизводстве XIX в. – Мингрелия). Здесь Е.А. Головин предпочёл придерживаться линии своих предшественников, прежде всего князя П.Д. Цицианова, о поддержке своеобразной автономии этого края в составе империи. Владетелю местных горцев князю Григорию Дадиани предоставлялось право полностью распоряжаться Мегрелией. Ограничения распространялись лишь на применение высших уголовных наказаний [18]. Однако Е.А. Головин считал необходимым держать под контролем правящую княжескую династию, сдерживать амбиции местных феодалов. В начале 1839 г. правивший в Мегрелии князь Леван Дадиани, имевший чин генерал-лейтенанта русской армии, ссылаясь на расстроенное здоровье, попросил царское правительство передать управле-

ние мегрелами его сыну Давыду. Е.А. Головин увидел в этой просьбе давление соперничающей феодальной группировки, поэтому советовал не спешить с передачей власти Давыду Да-диани. Военный министр А.И. Чернышев писал 22 января 1840 г.: «Генерал от инfanterии Головин имел тогда ввиду, что поручение управления Мингрелией князю Давыду, при сильном влиянии на него матери, руководствующейся советами братьев своих полковника князя Церетели и митрополита Давыда, было бы не совсем полезно для народа той страны, убедил генерал-лейтенанта князя Да-диана отложить это дело до отъезда его генерала Головина в Санкт-Петербург, так что сын его, находясь при нём, может облегчить бремя забот отца своего» [19]. Перед этим Головин предпочитал держать наследника Мегрелии при себе в понятной для кавказских горцев роли своеобразного аманата, чтобы удерживать правителя края от резких движений в сторону Турции.

Таким образом, основные направления деятельности Е.А. Головина в отношении горских народов Закавказья сводились к постепенно внедряемой «гражданственности». Последняя понималась им как пошаговое, без резких болезненных для горского традиционного сознания мер, вхождение в правовое поле империи. Главным политическим институтом при этом выступало так называемое военно-народное управление в лице пристава, представлявшего российскую власть. Большое значение имела и поддержка Е.А. Головиным (наряду с бдительным надзором) уже сложившейся и понятной местным горцам системы управления, представленной в Абхазии и Мегрелии фамильными «владетелями» из династий Да-диани и Шарвашидзе.

Кроме того, немало надежд в развитии «гражданственности» Главноуправляющий Закавказского края возлагал на участие горцев вместе с русскими войсками в защите края от набегов воинственных соседей из Дагестана и с Западного Кавказа, торговые отношения, развитие образования и поддержку остатков христианства в горской среде. Эти меры он не только аргументированно отстаивал перед русским правительством, но и во многом способствовал внедрению мирных инициатив и нравственных начал европейской цивилизации в замкнутые миры традиционных обществ Закавказья. При

этом генерал Е.А. Головин стремился свести к минимуму драматические последствия подавления форм сопротивления горских обществ, стремившихся сохранить свою закрытость и привычный уклад.

Примечания

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1268. Оп. 1. Д. 84.
Л. 1 об.
2. Там же. Л. 2.
3. Там же. Л. 2 об.
4. Там же.
5. Там же. Л. 3.
6. Там же. Л. 3 об.
7. РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 84. Л. 5.
8. Там же. Л. 6.
9. РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 39. Л. 163–163 об.
10. РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 88. Л. 18–18 об.
11. Там же. Л. 18 об.
12. Там же. Л. 19.
13. Там же. Л. 19 об.–20.
14. Там же. Л. 20.
15. Там же. Л. 20–20 об.
16. Там же. Л. 20 об.–21.
17. Там же. Л. 21.
18. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / Отв. ред. С.Г. Агаджанов, В.В. Трапавлов. М., 1998. С. 254.
19. РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 109. Л. 15–15 об.

А.П. Радионов
(г. Краснодар, Российская Федерация)

Жизнь и судьба Дмитрия Александровича Арцыбашева (1803-1831)

Почти две сотни лет отделяют нас от событий декабря 1825 года. До сих пор в исторической науке нет единого подхода к оценке восстания на Сенатской площади. В правление дома Романовых всех декабристов хоть как-то причастных к восстанию называли изменниками Родины. В советской историографии декабристы представлялись исключительно как борцы за свободу простого народа, угнетаемого «царизмом»; как патриоты, желавшие в стране перемен, которые привели бы её к процветанию и всеобщему благодеянию.

Изучение декабристского движения на фоне ярких примеров современных государственных переворотов в странах ближнего зарубежья является весьма актуальным. Актуальность приобретает также изучение биографий лиц, являвшихся членами тайных обществ. Зачастую многие биографии изучены не до конца. Многие представители дворянской оппозиции были арестованы и сосланы лишь в подозрении на цареубийство. К числу таковых относится Дмитрий Александрович Арцыбашев (1803-1831 гг.) – дворянин, член петербургской ячейки Южного общества, изучение биографии которого и явилось целью данного исследования.

Для решения поставленных в работе задач использованы ряд публикаций и научная литература по истории декабристского движения, а также архивные материалы. Среди последних ключевыми являются документы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ Ф. 1736 – фонд личного происхождения Арцыбашева Д.А.) и Государственного архива Краснодарского края (ГАКК). Степень изученности биографии Арцыбашева Д.А. на настоящий момент по-прежнему представляет поле для исследования ввиду наличия множества спорных моментов и «белых пятен» в истории жизни данной личности.

Фамилия этого старинного дворянского рода – «Артыбаш», в переводе с тюркского означает «особенный, превосходящий других» [1]. Арцыбашев Дмитрий Александрович родился 22 августа 1803 года [2] в Москве в семье отставного лейб-гвардии капитана [3] Александра Дмитриевича Арцыбашева (1764–1821). Детство будущего оппозиционера проходило в родовом имении, располагавшегося рядом с Арбатом в Староконюшенном переулке № 32 (здание не сохранилось) [4]. Арцыбашевы владели имениями в Московской, Тульской и других губерниях. Отец Дмитрия Александровича в начале XIX века начинает активно скупать земли в волостном селе Турово Серпуховского уезда (ныне Серпуховский район Московской области), с расположенной здесь усадьбой, став одним из крупнейших землевладельцев этих мест [5]. Вероятно, помимо Москвы, именно в усадьбе села Турово Дмитрий провел свои детские годы. Он получал домашнее образование, но вскоре дорога его уже лежала в Московский университетский благородный пансион. В 1814 г. в возрасте 11 лет Дмитрий поступает учиться в лучшее учебное заведение своего времени, предназначенное для обучения детей из знатных дворянских семей. Пансион был организован в 1778 году как интернат при Московском университете с целью привлечь дворянство к обучению наукам [6] и отличался высоким уровнем преподавания гуманитарных наук. Это сказалось на юном Арцыбашеве, которого больше всего интересовали литература и иностранные языки. [7]. Московский благородный пансион в период первой четверти XIX века отличала особая атмосфера, дух свободомыслия. Из пансиона в результате вышло несколько десятков будущих декабристов, впитавших ценности эпохи просвещения.

Отец Дмитрия Александровича – Александр Дмитриевич Арцыбашев (1764–1821) вышел на пенсию в чине гвардии капитана [8]. Род деятельности отца не мог не повлиять на сына, да и вообще военная служба для дворянина в то время считалась гораздо престижнее гражданской, и поэтому сразу после окончании Московского пансиона, 27 февраля 1820 года, Дмитрий был зачислен юнкером в один из элитных полков российской армии: в Лейб-Гвардии Кавалергардский полк [9].

К сожалению, отец Дмитрия умирает уже в следующем году и сердце его не успело порадоваться успехам сына. Успел он застать лишь производство сына в эстандарт-юнкера 25 декабря 1820 г. Спустя еще три года беспорочной службы 5 апреля 1823 года последовало присвоение звания корнета [10].

Потрясений в жизни Арцыбашева не предвиделось, но весной 1825 года на его полк пал взор руководителей северной ячейки Южного тайного общества, которые решили искать новых соратников именно среди кавалергардов, ибо они, неся почетный караул во дворце, часто были ближе всех к Царю. В планах по свержению монархии и убийству Государя, как предполагалось, они могли сыграть главную роль.

Одним из последних в июне 1825 года в ячейку южан был принят корнет Арцыбашев. Для него теперь начался самый авантюрный период его жизни. Однако в решающий момент кавалергарды не поддержали заговорщиков, и вышли на площадь поддержать монарха.

Зимним вечером, уже после подавления восстания, Дмитрию Александровичу стало плохо. «В ночь с 14 на 15 декабря он рапортовался больным лихорадкой и был отпущен домой». Однако долго находиться на лечении ему не пришлось. Шло тщательное расследование заговора, и фамилия Арцыбашев прозвучала из уст одного из декабристов. 19 декабря Дмитрий Александрович был арестован на своей квартире. Его повезли на допрос, но не в тюрьму, а в Царский дворец, где в качестве следователя выступил сам Император [11]. Скрывать ему было нечего, ведь известно Арцыбашеву было совсем немного. «Около года тому назад господин Свишунов известил меня о тайном обществе, существующем здесь, имеющем намерение преобразовать правление в государстве; вот все, что мне было известно из намерений общества», – пояснял на допросе Дмитрий Александрович. Именно эта малая осведомленность и сыграет затем важную роль в решении по его делу на следствии. «Те из членов общества, которым были известны все тайны, способы и надежды общества, мне о них никогда не говорили; другие же знали столько же, как и я. Следовательно, и разговоры и рассуждения наши не могли далеко простираться»[12].

Результат первичного расследования оказался печальным. В нарскую крепость Дмитрия Александровича заточили почти на два месяца – до середины февраля 1826 г. Затем, 15 февраля, последовал перевод в главную политическую тюрьму России – Петропавловскую крепость. В обеих тюрьмах проходили допросы. В марте следственная комиссия открыла мысль о цареубийстве среди заговорщиков и допросы становились более подробными и частыми. «Вашей смерти не нужно, будьте только откровенны. Если вы во всем сознаетесь и раскаетесь, то самое большое наказание – вас разжалуют в солдаты и сошлют на Кавказ. Теперь начинается Персидская война, первое дело – и вы офицер, а там можно служить или выйти в отставку, это ваше дело. Не сознаетесь – вас оставят в крепости, вы имеете теперь понятие о ней, ведь это живая могила», – уговаривал член следственной комиссии граф А.Х. Бенкендорф [13]. Протоколы допросов Арцыбашева – это гимн непреклонности и стойкости человеческого духа: «Когда общество предполагало начать открытые действия, какими средствами думало преклонить войско и произвести революцию, равно как и замыслы против священных особ Августейшей фамилии, мне неизвестны, также как и прочие тайны сего общества, существование которых я только и узнал из данных мне вопросных пунктов. В искренности всего сего клянусь всем, что есть святое» [14].

Летом 1826 года последовал «Царский приказ о наказаниях декабристов, не преданных суду», по которому «Его Императорское Величество соизволил отдать следующий приказ (о переводе): <...> корнета Арцыбашева прапорщиком в Таманский гарнизонный полк с содержанием в крепости один месяц» [15]. Так начался новый этап жизни нашего героя.

Арцыбашев прибыл в Черноморию в конце лета 1826 года. Условия, в которых он оказался, контрастно отличались от прежней жизни. Это была застава, в распоряжении которой не было никакого имущества для обеспечения хоть сколько-нибудь удобной службы [16]. Однако прапорщик Арцыбашев, благодаря помощи своей семьи, в ранний период службы смог весьма неплохо обустроить свой быт. О его жизни в Тамани можно судить по воспоминаниям одного из

самых известных мемуаристов первой трети XIX века Ф.Ф. Вигеля (1786–1856), который, исполняя должность градоначальника Керчи, проезжал Тамань и остановился на ночлег в незнакомом доме. «Хозяин, нас приютивший, был некто г. Арцыбашев, дворянин старинной фамилии, очень приятный и благовоспитанный юноша, с большим состоянием <...> он вел тут самую томительную жизнь. Он нанимал лучший дом <...> имел хороший стол, и сам начальник его, полковник Бабоедов, почти всякий день приходил к нему обедать» [17]. Очевидно, что Арцыбашев здесь не был особо отягощен военной службой, да и начальство относилось к нему более, чем лояльно. К нему имели возможность приезжать родные и близкие. Его младшая сестра Александра весьма часто посещала брата во время службы [18]. Но, разумеется, он тосковал по дому, жизни в большом городе, и в письмах к брату позднее отмечал: «Был сумрак вечера; <...> я, завернувшись в бурку, пошел на кладбище грустить и думать о тебе, милый друг. Может быть, ты в сие время, упоенный радостями, скакал по Невскому проспекту, или сидел в креслах Большого театра с наведенным лорнетом, и не думал обо мне, брошенном в сия дикия пустыни» [19]. О жизни в Тамани Арцыбашев в своем личном дневнике говорит лишь, что «в то время жизнь однообразная представляла мало предметов к приятному воспоминанию» [20].

Станица Тамань имела в то время формальный статус города, но была, по мысли М.Ю. Лермонтова, «самым скверным городишком из всех приморских городов России» [21]. Арцыбашев находился здесь вплоть до перевода в Нашебургский пехотный полк 19 июня 1828 г. [22]. За период этой томительной, по выражению Вигеля, жизни у Дмитрия Александровича было достаточно свободного времени, чтобы присмотреться к этим местам лучше. Интересуясь людьми и историей места своей ссылки, наш герой жадно читает исторические труды, делая выписки, критические замечания. Скоро в нем самом пробудился пытливый исследователь, и он намечает план своего собственного труда по истории Кавказа [23]. Также делает набросок к историческому исследованию под заголовком: «Несколько слов о Черномории» [24].

Эти записки, датированные 1827 годом, содержали важные пункты будущего исследования истории Черноморского казачества, его нравов, обычаев, современного состояния. Арцыбашев был одним из первых, кто наметил этот план, но ему не суждено было претворить его в жизнь.

Новым направлением исторической работы Дмитрия Александровича становится тема истории Причерноморья. В 1828 году вышла обстоятельная работа Арцыбашева «О Тмутаракани», помещенная в «Трудах Общества истории и древностей Российских» [25]. На увлеченность Арцыбашева историей могло повлиять его знакомство с Антоном Бальтазаровичем Ашик – российским чиновником, историком и археологом, который чуть позднее займет должность директора Керченского музея древностей. Ашик очень уважал своего нового друга и в письмах называл его «...достойнейший и добрейший Дмитрий Александрович. <...> Я всегда имел к Вам искреннюю преданность <...> бесподобнейший Дмитрий Александрович» [26]. Остается только гадать к каким результатам в исторической науке мог бы привести их tandem. Обстановка войны России с Персией, а затем и Турцией не позволили молодому дворянину реализовать многие свои начинания. С весны 1828 года идет отсчет страниц боевой биографии Арцыбашева.

Война с Турцией призовет на фронт Дмитрия Александровича. Ему предстояло участвовать в штурме крепости Анапа – главного оплота турок на Черноморском побережье. С началом очередной русско-турецкой войны захват этой крепости стал главной задачей перед разворачиванием военных действий в Закавказье. К ликвидации турецкого гарнизона Анапы, ввиду малочисленности и разбросанности войск Отдельного кавказского корпуса, был привлечен сформированный в Черномории Таманский отряд, в состав которого входил батальон Таманского гарнизонного полка с Арцыбашевым Д.А. в его составе [27]. Формирование отряда проходило в городе Екатеринодаре ещё с января 1828 года. Российское командование уже тогда предвидело развитие событий. Отряд был отправлен в крепость Фанагорию в апреле 1828 г., а с мая месяца началась осада Анапы [28]. В июне 1828 года турецкий гарнизон сло-

жил оружие. Одним из особо отличившихся при штурме крепости был Арцыбашев. Как следует из рапорта генерал-лейтенанта Панкратова, он «...не только во всех сражениях отличал себя храбростью и неустранимостью, но даже подавал пример другим офицерам строгой подчинённости начальству и исполнения всех обязанностей, сопряжённых с их званием». В июне 1828 года начальник 20-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Панкратов возбудил ходатайство перед главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом И.Ф. Паскевичем о переводе Дмитрия Арцыбашева «в какие-либо полки действующей армии, дабы он имел случай ещё более загладить свои поступки» [29]. Вследствие этого ходатайства Дмитрий Александрович был переведен в Нашебургский пехотный полк.

Отправленная на переформирование и укомплектование в крепость Фанагорию рота полка вскоре будет отправлена в Закавказье. Однако Арцыбашев не сможет присоединиться к своим боевым товарищам. Он сильно болеет и до выздоровления своего оставлен в крепости Фанагория. Об этом свидетельствует «Записка на имя Д.А. Арцыбашева от командира Фанагорийской крепости полковника Молневского», датируемая 15 октября 1828 г. [30]. Поправив здоровье, Арцыбашев едет на фронт. До конца года Дмитрий Александрович, несомненно, прибыл к месту назначения [31]. Об этом свидетельствует и его дневник, записи в котором от января 1829 года он делает из уже занятой нашими войсками турецкой крепости Баязет [32]. 10 апреля он запишет что «в конце прошлого месяца я оставил Баязет вместе с Генералом Панкратовым» [33]. Арцыбашев едет в уже взятую крепость Карс, чтобы затем летом участвовать в штурме Эрзурума. И везде он ведет дневник с описанием природы, обычаяев, экономики новых мест и их жителей.

Война закончилась победой России в сентябре 1829 года. Дмитрий Александрович Арцыбашев за русско-турецкую войну (1828–1829) был награжден серебряной медалью и вместе с полком переведен обратно в Черноморию. Здесь он продолжает служить с нашебурцами, расквартированными в станице Елизаветинской [34]. Постепенно шло продвижение по службе. В 1830 году он получает чин подпоручика Нашебургского пехотного полка, а в 1831 году – чин поручика

[35]. Мечте о возвращении домой к прежней жизни не суждено было сбыться. Осенью 1831 года Дмитрий Арцыбашев заболел злокачественной лихорадкой и 11 ноября умер. Прах этого человека ныне поконится на Всесвятском кладбище города Краснодара, где в его честь боевыми товарищами был установлен памятник. Место это сейчас, к сожалению, представляет из себя жалкое зрелище, не соответствующее памяти общества о судьбе Дмитрия Александровича. Жизнь Д.А. Арцыбашева – это пример беззаветного служения Родине, стойкости и мужества, наперекор всем трудностям и испытаниям, выпавшим на его долю.

Примечания

1. Происхождение фамилии Арцыбашев/ <http://www.ufolog.ru/names/order/Арцыбашев> (дата обращения 15.11.2015)
2. Энциклопедический словарь по истории Кубани. С древнейших времен до октября 1917 г. Краснодар, 1997. С.30
3. Интернет-ресурс: http://nataturka.ru/muzey-usadba/usadiba_turovo.html (дата обращения: 15.11.2015)
4. Сорокин В. Памятные места заповедного Арбата// Наука и жизнь, №8.– 1985.-С.90-96
5. Арсеньев В.С., Карташев И.М. Декабристы-туляки. Тула, 1927. С.6
6. Каченовский М.Т. Взгляд на Благородный Пансион при Императорском Московском Университете // http://az.lib.ru/k/kachenowskij_m_t/text_0090oldorfo.shtml (дата обращения 04.12.2015)
7. Восстание декабристов. Документы. Том XVIII / Под ред. акад. М.В. Нечкиной. М, 1984. С. 42
8. Арсеньев В.С., Карташев И.М. Указ. соч. С.6
9. Шевченко Г.Н. Декабрист Арцыбашев на Кубани // Вольная Кубань. 1992. 22 декабря. С.4
10. История кавалергардов и Кавалергардского Ее Величества полка с 1724 по 1-е июля 1851 года. СПб., 1851. С.111
11. Анненкова П.Е. Воспоминания. М., 2003. С. 32
12. Восстание декабристов. Документы. Т.VIII.– М., 1984. С. 41
13. Анненкова П.Е. Указ. соч. С. 35

14. Восстание декабристов. С.41
15. Алгасов В.А. Декабризм и декабристы 1825-1925. Харьков, 1925. С. 222
16. ГАКК. Ф.261 Оп.1 Д. 229 Л.12-12 об, 43-43-об
17. Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2000. С. 79
18. Арсеньев В.С., Карташев И.М. Указ. соч. С.7
19. Арцыбашев Д.А. Письмо из-за Кубани // Северный Меркурий, 1831. 1 мая. С. 210
20. Ф. 1736. Оп. 1. Д. 2. Л.2 об.
21. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. М., 2002. С.48
22. Шевченко Г.Н. Первый шаг к изучению черноморского казачества (о Д.А. Арцыбашеве) // Кубанское казачество: проблемы истории и возрождения. Краснодар, 1992. С.107.
23. ГАРФ. Ф.1736. Оп.1 Д.1. (Выписки Д.А. Арцыбашева из работы Броневского «История Кавказа» и план работы Арцыбашева по истории Кавказа, 1827 г.).
24. ГАРФ. Ф.1736. Оп.1. Д. 14. Л.1 – 1об
25. Арцыбашев Д.А. О Тмутаракани // Труды Общества истории и древностей Российских. М., 1828. С.76–101
26. ГАРФ. Ф.1736. Оп.1. Д.15. Л.1–1об
27. ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.. 275. Л.13
28. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.972. Л. 3.
29. Интернет ресурс: <http://www.liveinternet.ru/users/4211284/tags/> %E4%E5%EA%E0%E1%F0%E8%F1%F2%FB.
30. ГАРФ. Ф.1736. Оп.1. Д.19. Л.1
31. ГАРФ. Ф.1736. Оп.1. Д. 23. Л.1.
32. ГАРФ. Ф.1736. Оп.1. Д. 2. Л.4 об.
33. Там же. Л.16 об.
34. Симонов Л. Один из потомков Нашебургского полка. Исторический очерк 1726-1875 гг. // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1907. Т. XII. С.45-46
35. Шевченко Г.Н. Декабрист Арцыбашев на Кубани. С.4

В.В. Слободенюк
(г. Краснодар, Российская Федерация)

Из жизни и литературного наследия В.С. Толстого

190 лет прошло со дня восстания на Сенатской площади в Санкт-Петербурге, но до сих пор в обществе нет однозначной оценки этих событий. О декабристах написаны тысячи томов, статей, художественных полотен, поставлены фильмы и спектакли. Многие из тех, кто возглавлял дворянскую оппозицию, сыграли впоследствии определенную роль в развитии культурных ценностей: они были писателями, поэтами, учеными... К этой плеяде принадлежит и Владимир Толстой, внесший весомый вклад в изучение истории и культуры северных осетин. Другие его труды интересны с точки зрения военного искусства, где анализируются вопросы военной политики России на Кавказе.

Владимир Сергеевич Толстой родился 10 мая 1806 года в селе Курбатово Скопинского уезда Рязанской губернии [1], происходил из дворян Московской губернии, придерживался православного вероисповедания [2].

В.С. Толстой был сыном гвардии капитан-поручика С.В. Толстого (1771-1831) от брака его с княгиней Е.П. Долгоруковой (сестрой известных генерал-адъютантов Императора Александра I – князей Петра Петровича и Михаила Петровича Долгоруких). Воспитывался дома под руководством француза Койнт-де-Лаво и англичанина Гарвея. Его учителями были московский священник Покровский, учитель московской гимназии Кудрявцев и студент Московского университета Брезгун. Более всего он любил изучать древнюю римскую и греческую историю и иностранные языки. Особый курс слушал в Москве у французского подданного Руи о какографии¹, руководствовался в изучении математики курсом Чумакова, землеописания – французским курсом

¹ Какография – (от греч. Kakos – дурной + graphō – пишу), один из видов орфографических упражнений при обучении правописанию, в которых учащимся предлагается исправлять ошибки в неправильно написанных словах.

Мармонтеля, всенародной истории – французскими же курсами Анктила и Милло [3].

Семья принадлежала к нетитулованной ветви Толстых. В.С. Толстой являлся дальним родственником Льва Николаевича Толстого, их деды были двоюродными братьями. Благодаря матери – урожденной княжне Елизавете Петровне Долгорукой, В.С. Толстой находился в родстве с представителями многих знатных дворянских родов России.

29 августа 1823 года В.С. Толстой был зачислен в элитное формирование русской кавалерии – Екатеринославский кирасирский полк, и уже 30 октября 1823 года был переименован юнкером. 10 мая 1824 года в возрасте 18 лет он был переведен подпрапорщиком в Московский пехотный полк, а 9 марта 1825 года – произведен прапорщиком того же полка [4].

Владимир Толстой, будучи прапорщиком Московского пехотного полка, в 1824 году был принят в Северное общество декабристов [Южное общество [5]]. Он знал цель введения конституции, но на совещаниях нигде не был, и о замыслах возмущения 14 декабря 1825 года не знал [6].

Судьба благоволила Владимиру Толстому. После поражения декабрьского восстания, он не был казнен, как его собратья по движению и не был отправлен в ссылку на длительный срок. 18 декабря 1825 года последовал приказ о его аресте, в связи с причастностью к проекту организации подпольной типографии за границей, а 4 января 1826 года он был доставлен из имения своего отца в Петербург и посажен в каземат № 4 Кронверкской куртины Петропавловской крепости. А 30 января 1826 года он был переведен в камеру №5 той же куртины [7].

По приговору Верховного Уголовного Суда 10 июля 1826 года он был осужден по VII разряду на каторжную работу на 4 года, а потом на поселение за то, что «знал об умысле на цареубийство, и принадлежал к тайному обществу со знанием цели». После лишения чинов и дворянства, Толстого в числе осужденных по VII разряду, «повелено» было сослать на каторжные работы на 2 года, а потом на поселение [8]. Высочайшим указом от 22 августа 1826 года по конfirmации его «повелено» оставить на каторжной работе на один год и потом отправить на поселение в Сибирь. 10 февраля 1827 года

он был отправлен из Петропавловской крепости в Сибирь, а 9 апреля 1827 года был доставлен в Читинский острог. Но вскоре по Монаршему милосердию, 15 мая 1827 года, он из Читы был отправлен прямо на поселение в Тункинскую крепость Иркутской губернии. В Сибири он пробыл недолго [9].

Осенью 1828 года по Высочайшему повелению цепи со всех осужденных декабристов были сняты. Сроки работ определялись по разрядам, поэтому большая часть узников постепенно была отослана в разные места на поселение, исключая Владимира Толстого и Александра Корниловича, которые после прибытия в Читу были увезены на Кавказ в солдаты [10].

Благодаря стараниям влиятельных родственников, в 1829 году Толстой одним из первых по Высочайшей воле был переведен рядовым на Кавказ, где и протекала его последующая служба. 15 июня 1829 года он был определен рядовым на Кавказ и в середине августа прибыл в город Тифлис. По Высочайшему повелению 29 августа 1829 года Толстой был определен рядовым в 7-й Кавказский линейный батальон 43-го егерского полка [11]. Он принимал участие в русско-турецкой войне 1828-1829 годов [12], за что был награжден серебряной медалью [13].

1 января 1830 года он был переведен в 1-й Линейный Кавказский батальон [14]. За отличие в экспедиции против горцев Толстой был произведен в унтер-офицеры и в октябре 1832 года переведен во 2-й Линейный Кавказский батальон [15].

С 1833 по 1843 и с 1845 по 1849 годы судьба Владимира Толстого неразрывно связана с Черноморским казачьим войском, на территории которого он служил. Военными дорогами он прошел почти по всей территории Кубани: от Тамани до Ставрополя и Пятигорска, через станции Сенну, Пересыпь, Темрюк, Кургannую, Калаузскую, Копыльскую, Каракубансскую, Мылаштовскую, Копанскую, Ольгинский редут, город Екатеринодар, Усть-Лабинское укрепление, станицы Ладожскую, Тифлисскую, Казанскую, Кавказскую, Темижбекскую, Григориполисскую, Прочноокопскую, Каменнобродскую, укрепление Рождественское, город Ставрополь [16].

В 1835 году в составе 2-го Черноморского линейного батальона он участвовал в возведении Абинского и Николаевского укреплений на реке Атакуаф. За участие в этой экспедиции он был награжден орденом Святого Станислава 4-й степени.

За отличие по службе 19 июня 1835 года В.С. Толстой был произведен в прапорщики и награжден золотой медалью за спасение погибавших. 28 мая 1837 года, «за примерное усердие, расторопность и личную храбрость, послужившую личным примером для нижних чинов, проявленную храбрость при истреблении горцев» командир стрелков, прапорщик Черноморского линейного батальона № 2 Владимир Толстой был награжден орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» [17].

13 ноября 1837 В.С. Толстой был поставлен на вакансию в подпоручики. В 1838 году за участие в делах против горцев и проявленную храбрость в районе современных станицы Раевской и поселка Сукко был представлен к награждению орденом Святой Анны 3-й степени с бантом [18].

9 января 1839 года подпоручик Толстой был переведен в Навагинский пехотный полк. С полком он участвовал в экспедициях против горцев в 1838 году и во всех морских экспедициях 1839 года – по устройству Черноморской береговой линии, возведению и защите фортов Раевского, Тенгинского, Головинского, Лазаревского. 20 августа 1839 года Толстому было присвоено воинское звание поручик.

«В сентябре месяце того же года, командовавший войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-адъютант Граббе ходатайствовал о назначении поручика Толстого, как особенно отличающегося по службе и скромным поведением, в должность адъютанта к нему генерал-адъютанту Граббе; по Всеподданнейшему докладу Государю Императору о таковом ходатайстве, Его Величество не соизволил изъявить на сие соизволения» [19].

Служебному продвижению Толстого в немалой степени способствовал женатый на его двоюродной сестре Елизавете Павловне (урожденной Фонвизиной) Е.А. Головин, в то время главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом [20].

11 марта 1840 года он был переведен в Кавказский линейный казачий полк с зачислением по кавалерии. Высочайшим приказом от 9 октября 1842 года В.С. Толстой был уволен в 4-х месячный отпуск. 17 января 1843 года по ходатайству бывшего командаира Отдельного Кавказского корпуса Е.А. Головина, состоящий по кавалерии поручик Толстой «из го-

сударственных преступников», был уволен из-за болезни в отставку, без преимуществ, с дозволением жить, где пожелает, исключая обе столицы и город Одессу, и с учреждением за поведением его секретного надзора [21].

В.С. Толстой поселился в имении сестры в Сычевском уезде Смоленской губернии, но из-за отсутствия средств к существованию, в 1845 году вновь подал прошение об определении на военную службу [22].

Высочайшим приказом от 8 мая 1845 года отставной поручик Толстой был вновь определен на службу с зачислением по кавалерии и с прикомандированием к Кавказскому линейному казачьему войску [23].

Прикомандированный к Кавказскому линейному казачьему войску, Толстой отличился в делах против горцев и в декабре 1845 года получил чин штабс-ротмистра. В 1847 году он был освобожден от секретного надзора. 21 июня 1848 года был переведен в 4-ю бригаду Кавказского линейного казачьего войска с переименованием в сотники, а 10 января 1849 года был произведён в есаулы и уволен с военной службы для определения на гражданскую службу [24].

После назначения Воронцова М.С. наместником Кавказским В.С. Толстой в 1850 году определился к нему на службу, где и исполнял разные секретные поручения и вскоре добился его расположения и был назначен ассессором Тифлисской губернской строительной и дорожной комиссии с чином титулярного советника. В 1851–1855 годах он занял место чиновника по особым поручениям – сперва при Воронцове М.С., а потом до 1856 года при наместнике Кавказском Муравьеве-Карском Н.Н., причем в 1851 году он уже имел чин коллежского ассессора, а в 1854 году – надворного советника.

Амнистия, состоявшаяся 26 августа 1856 года, освободила всех декабристов от ограничений. Выйдя в отставку, Толстой жил в Москве и в своём имении в селе Бараново-Лапшинка Подольского уезда Московской губернии, полученном им по наследству от тетки (сестры отца) княгини Елены Васильевны Хованской. Владимир Толстой умер 27 февраля 1888 года холостым, пережив почти всех своих товарищей по борьбе [25].

Тело В.С. Толстого было захоронено на кладбище села Передельцы, находящегося недалеко от усадьбы при церкви в честь

святого Георгия Победоносца. Церковь была разрушена в 50-х годах XX века, но могила В.С. Толстого сохранилась. Ныне Передельцевское кладбище расположено в городе Московский (поселение Московский Новомосковского округа города Москвы).

В нашей памяти остались его труды: статьи-воспоминания, напечатанные в историко-литературном сборнике «Русский архив»: «О деле флигель-адъютанта полковника Копьева»; «Сер Джон Макниль. Из служебных воспоминаний»; «Поездка в Осетию в 1847 году»; «Из воспоминаний о Грузии. Дело генерала Шварца. 1847 г.»; «Князь М.С. Воронцов и его государственная деятельность на Кавказе»; «Кавказские молокане и скопцы. Из служебных воспоминаний. 1852 г.» [26].

Осталась также рукопись В. С. Толстого 1844 года «О Кавказе». Неопубликованный труд интересен с точки зрения военного искусства, где он анализирует вопросы военной политики России на Кавказе. С точки зрения Толстого, все эти вопросы имеют чисто практическое значение: тактика, укрепление гарнизонов и крепостей, борьба с болезнями и вылечивание раненых, обеспечение войск продовольствием, улучшение оборудования Черноморских портов для приема кораблей [27].

Составленные Владимиром Толстым в 1881 году характеристики русских генералов, служивших на Кавказе, были весьма пристрастны, но ценные тем, что выражали мнение очевидца, иногда весьма резкие и злые. Давая оценки другим, Толстой невольно характеризует и самого себя. В его воспоминаниях присутствуют высокая самооценка и завышенные требования к другим, отчетливо проступает ощущение не востребованности личных дарований и недовольство переломанной 1825 годом судьбой.

Публикация «Биографий разных лиц, при которых мне приходилось служить или близко знать» очень важна для кавказоведения. В «Биографиях...» содержится документальный материал, который поможет разобраться в сложных отношениях, существовавших между начальством Кавказской линии и Черномории и Кавказского корпуса, понять и объяснить логику отдельных событий и эпизодов Кавказской войны [28].

В 1955 г. С.В. Житомирская опубликовала «Воспоминания В. С. Толстого» и замечания на книгу А. Е. Розена «За-

писки декабриста». Материалы эти, по характеристике С.В. Житомирской, «не только дают ясное представление о роли Толстого в движении декабристов, его отношениях с другими членами общества и о его дальнейшей судьбе, но и раскрывают по-новому личность Толстого и его мировоззрение».

В 1997 году в городе Владикавказе была впервые издана рукопись В.С. Толстого «Сказание о Северной Осетии». В первой части книги «Очерк проповеди на Кавказе великороссийской православной веры» В.С. Толстой обрисовал историю развития миссионерства на Северном Кавказе, во второй части «Сказания о Северной Осетии» он дал подробное историко-этнографическое описание Северной Осетии в первой половине XIX века. В.С. Толстой охарактеризовал язык и состояние грамотности в Осетии, описал сословные различия, нравы, обычаи и жилища осетин, народные празднества и святыни, религиозные верования, семейные обряды, памятники материальной культуры, домашние промыслы [29].

Примечания

1. Архив Раевских. СПб. 1909. Т. II. С. 533; Серова М.И., Трёхбратов Б.А. «Своей судьбой гордимся мы...». Краснодар, 2008. С. 28; Толстой В.С. Сказание о Северной Осетии. Владикавказ, 1997. С. 3. 2. Восстание декабристов. Документы. Том XV. М., 1979. С. 238, 243.
3. Архив Раевских. СПб. 1909. Т. II. С. 533; Восстание декабристов. Документы. Том XV. М., 1979. С. 243; Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года. Краснодар, 1997. С. 473–474.
4. Архив Раевских. СПб. 1909. Т. II. С. 533; Восстание декабристов. Документы. Том XV. М., 1979. С. 238; Ильин П.В. Новое о декабристиах. СПб., 2004. С. 432.
5. Ильин П.В. Указ. соч. С. 432–433; Декабристы. Биографический справочник / Под ред. М.В. Нечкиной. М., 1988. С. 175–176; Трехбратов Б.А. История Кубани с древнейших времен до начала XX века. Краснодар, 2000. С. 260–261.
6. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 318. Оп. 1. Д. 268. Л. 4; Процесс декабристов. Донесение, следствие, приговор. М., 1905. С. 67, 69.
7. Восстание декабристов. Документы. Том XV. М., 1979. С. 323; Декабристы. Биографический справочник. С. 175-176.

8. Полное Собрание Законов Российской Империи (ПСЗ). Собр. 2. Т. 1 (1835-1826). СПб., 1830. Ст. 464; Архив Раевских. СПб. 1909. Т. II. С. 533; Декабристы. Тайные общества. М., 1907. С. 139-140, 144; Декабристы и тайные общества в России. М., 1906. С. 91-92, 114,
9. ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 268. Л. 4; Серова М.И., Трёхбратьев Б.А. Указ. соч. С. 28; Декабристы. Биографический справочник. С. 175-176.
10. Архив Раевских. СПб. 1909. Т. II. С. 533; Декабристы. Материалы для характеристики / Под ред. П.М. Головачева. М., 1907. С. 158-159.
11. ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 268. Л. 4; Серова М.И., Трёхбратьев Б.А. «Своей судьбой гордимся мы...». Краснодар, 2008. С. 28.
12. Архив Раевских. СПб. 1909. Т. II. С. 533.
13. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 21. Л. 52; Ф. 318. Оп. 1. Д. 268. Л. 5.
14. Трёхбратьев Б.А. Указ. соч. С. 260–261; Декабристы. Биографический справочник. С. 175–176.
15. ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 268. Л. 4.
16. Серова М.И. Влияние декабристов на развитие культуры Черномории // Культурная жизнь Юга России. 2014. № 1 (52). С. 90-91.
17. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 21. Л. 51, 51 об., 52; Ф. 318. Оп. 1. Д. 268. Л. 4; Серова М.И., Трёхбратьев Б.А. Указ. соч. С. 28–29.
18. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 21. Л. 1-90, 51, 51 об., 52; Ф. 318. Оп. 1. Д. 268. Л. 4.
19. ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 268. Л. 4-4 об.; Серова М.И., Трёхбратьев Б.А. Указ. соч. С. 28-29.
20. Архив Раевских. СПб. 1909. Т. II. С. 534.
21. ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 268. Л. 1, 4 об.
22. ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 268. Л. 1; Толстой В.С. Сказание о Северной Осетии. Владикавказ, 1997. С. 4.
23. ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 268. Л. 1 об., 2, 3, 6, 6 об., 8, 8 об., 9, 9 об.
24. Серова М.И., Трёхбратьев Б.А. Указ. соч. С. 29; Трёхбратьев Б.А. Указ. соч. С. 260-261; Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября

1917 года. Краснодар, 1997. С. 473–474; Декабристы. Биографический справочник. С. 175-176.

25. Архив Раевских. СПб. 1909. Т. II. С. 534; Серова М.И., Трёхбратьев Б.А. Указ. соч. С. 29; Толстой В.С. Сказание о Северной Осетии, Владикавказ, 1997. С. 4; Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года. С. 473-474.

26. Архив Раевских. СПб. 1909. Т. II. С. 534-535.

27. Серова М.И. Указ. соч. С. 90-91.

28. Кавказские записки декабриста В.С. Толстого // Сборник Русского исторического общества. М., 2000. № 2 (150). С. 110. Биографии разных лиц, при которых мне приходилось служить или близко знать // Сборник Русского исторического общества. М., 2000. № 2 (150). С. 111–149.

29. Толстой В.С. Сказание о Северной Осетии. Владикавказ, 1997. С. 5, 6–9, 12–125.

М.В. Карпов, Б.Е. Фролов
(г. Краснодар, Российская Федерация)

Пулеметы на вооружении Кубанского казачьего войска

История военного стрелкового оружия – это история борьбы за скорострельность. Оружейники XV – первой половины XIX вв. пытались увеличить ее, создавая различные многоствольные конструкции. Но лишь изобретение бездымного пороха и унитарных патронов создало предпосылки для появления автоматического огнестрельного оружия. Так на исторической сцене появились пулеметы – автоматическое оружие, которое перезаряжалось само по себе, независимо от стрелка – за счет работы пороховых газов, образующихся при выстреле [1].

Идею заставить трудиться пороховые газы для самовзведения затвора и автоматизации выстрела предложили англичане Бессемер и Блекли в 1850–1860 гг. Но изобретателем

пулемета стал американский инженер Хайрем Стивенс Максим [2]. Патент на новое оружие он получил в 1885 г. Первые 12 пулеметов Максима 4-х линейного калибра поступили в Россию в 1889 г. В 1895 г. было решено принять 3-х линейные пулеметы Максима на вооружение. Уже через год у фирмы «Виккерс, сыновья и Максим» закупили 174 пулемета [3].

Уже в 1902 г. Артиллерийский комитет Главного артиллерийского управления (ГАУ) признал необходимым организовать производство пулеметов Максима в России. В декабре 1904 г. на Тульском оружейном заводе был изготовлен первый опытный образец, а в мае 1905 г. началось и серийное производство [4].

Интересно отметить, что в испытаниях пулемета Максим приняли участие и кубанские казаки. В 1897–1898 гг. в войсках Оренбургского, Туркестанского и Амурского округов прошли испытания трех взводов 3-х линейных пулеметов. Конструкции и установки испытываемых пулеметов различались между собой: пулеметы с водяным охлаждением на трех типах установок – полевых запряжных лафетах, складных треногих станках (приспособленных к перевозке во вьюках), один легкий пулемет без кожуха, переносимый за спиной человека в виде ранца (т.е. с воздушным охлаждением и складной треногой).

Кавалерийский пулеметный взвод на колесных лафетах с передками парной запряжки испытывали при Таманском казачьем полку [5]. Туркестанское окружное артуправление признало «очень желательным» иметь пулеметы. Предлагалось сформировать особые пулеметные батареи из 8 пулеметов каждое. Интересно мнение казачьих офицеров: «В горской войне с малокультурными народами пулеметы принесут существенную пользу».

Первое боевое применение пулеметов кубанцами связано с Русско-японской войной 1904-1905 гг. Согласно приказа о мобилизации, отанным командующим войсками Кавказского военного округа 22 ноября 1904 г., отправке на Дальний Восток подлежали: Штаб Сводной Кавказской казачьей дивизии, 1-й Екатеринодарский, 1-й Уманский полки, шесть второочередных Кубанских пластунских батальонов (с Управле-

нием 2-й бригады), 1-я Кубанская казачья батарея (с Управлением Кубанского казачьего артиллерийского дивизиона) [6].

В конных полках были сформированы команды пулеметчиков, саперов, телеграфистов, сигнальщиков. Команды пулеметчиков создавались по приказу начальника штаба Кавказского военного округа от 3 ноября 1904 г. 21 декабря две команды в составе 2 офицеров, 12 пулеметчиков и 12 помощников пулеметчиков отправились на обучение в стрелковую школу Ораниенбаума [7].

На театр военных действий кубанские казаки прибыли в апреле 1905 г. К этому времени война для Японии на суходутном театре по существу закончилась. Вытеснив русские армии из Южной Маньчжурии японское командование перешло к оборонительным действиям. «В общем так называемый сыпингайский период войны, – пишет военный историк, – характеризовалась накапливанием сил и средств, совершенствованием позиций, охраной и разведывательной деятельностью» [8].

Вероятно, по этой причине нам не удалось найти в архивных документах каких-либо сведений о действиях казачьих пулеметчиков. Более того, мы не можем ответить на главный вопрос – с пулеметами ли прибыли на Дальний Восток казачьи пулеметные команды? Судя по всему – нет. Приведем свидетельство С.Л. Федосеева: «В ходе войны части порой приобретали пулеметы на собственные средства – как, например, Кавказская казачья бригада...» [9]. Речь идет о закупленных в Дании ручных пулеметах Мадсена.

Данное предположение подтверждается одним архивным документом 1906 г. В этом году Кубанскому войску приказали доставить сведения о «действии» в Русско-японской войне ружей-пулеметов обр. 1902 г. А это и есть ручной пулемет Мадсена. Ответы из полков поражают своей лаконичностью: «Пулеметная команда 1-го Екатеринодарского полка в боях не участвовала», «Пулеметная команда 1-го Уманского полка в боях участвовала. Задержек при стрельбе не было» [10]. Ни слова об опыте тактического использования пулеметов, о личных впечатлениях стрелков.

В литературе приводятся различные, порой диаметрально противоположные, отзывы об этом пулемете. «Вооружен-

ные Мадсенами кавалерийские части с успехом применили новое оружие против японцев; казаки и драгуны были восхищены эффективностью и надежностью пулемета и дали руководству положительные отзывы...» [11].

А вот иное мнение: «ружья-пулеметы датского образца, как не имеющие станка и холодильника, оказались малопригодными... При стрельбе они дают сильный удар в плечо, что при учащенной стрельбе заметно отражается на меткости стрельбы, утомляет стрелка...» [12].

Очевидно, Совет Государственной обороны разделял вторую точку зрения, поскольку 10 июля 1905 г. признал необходимым «принять в кавалерии пулемет, одинаковый с пулеметом в пехоте системы Максима вьючный».

В 1906 г. ружья-пулеметы Мадсен начали отпускать в кавалерийские и первоочередные казачьи части Кавказского (а затем и других округов) из расчета по шесть боевых и одно учебное ружье-пулемет на полк. В 1908 г. «ввиду осложнений на Персидской границе» ружья-пулеметы отпустили и второочередным казачьим полкам Кавказского округа [13].

Ручной пулемет системы «Мадсен» обр. 1902 г. имел следующие основные тактико-технические характеристики: длина 1169 мм, длина ствола – 483 мм, калибр – 8 мм, вес – 10 кг, темп стрельбы – 400 выстр./мин, начальная скорость пули – 823 м/сек, емкость коробчатого магазина 25-33 патрона.

С 1910 г. пулеметные команды Кубанских пластунских батальонов должны были содержаться по штату, установленному для двухбатальонного стрелкового полка, т.е. 8 мп-пулеметные. «Расчет чинов» пулеметной команды двухбатальонного стрелкового полка по штату военного времени выглядел так: «Начальник команды – 1, младших офицеров – 2, Итого офицеров – 3. Нижние чины: фельдфебель – 1, унтер-офицеров: старших – взводных – 2, пулеметных – 2, капитенармус – 1; младших – пулеметных – 6; ефрейторов: наводчиков – 8, запасных наводчик. – 8, подносчиков патрон. – 24, при патрон. двуколк. – 16, к пулеметам – 8; рядовых ездовых: к патрон. двуколк. – 8, к заводным лошад. – 3, кашеваров – 2, рабочих к кухне – 2, денщиков – 3. Итого нижних чинов – 94» [14].

В годы Первой мировой войны по этому штату содержались пулеметные команды в батальонах первых трех Кубанских пластунских бригадах. Сформированной в годы войны 4-й Кубанской пластунской бригаде выдали пулеметы по штату конно-пулеметных команд – по 4 вьючных пулемета [15]. В связи с этим Начальник 4-й Кубанской пластунской бригады предложил новый расчет чинов: «Пулеметная команда» а) Офицеры: начальник команды – 1, младших офицеров – 1; Итого офицеров: 2 б) Нижние чины: фельдфебель -1; урядников: старших – взводных – 2, каптенармус – 1, младших пулеметных – 4; дальномерщиков – 3 (из них 1 старший урядник, 1 приказный и 1 рядовой); приказных наводчиков – 4; рядовые: запасных рядовых наводчиков – 4, подносчиков патронов – 12, при патронных выюках – 4, коноводов при пулеметах – 4, коноводов при выюках – 4, ездовых при патронных двукол. – 4, ездовых к хозяйственным двуколк. – 5, кашеваров – 2, рабочих на кухне – 2, к заводным лошадям – 2, деньщиков – 2. Итого нижних чинов: 64» [16].

Однако, и д. Начальника штаба Кавказской армии генерал-майор Болховитинов предложил «возбудить ходатайство» о выдаче недостающих пулеметов [17].

Последующая информация об использовании пулеметов частями Кубанского казачьего войска относится к заключительному периоду Первой мировой и Гражданской войн. В приказах 1-го Екатеринодарского полка за 1917 г. упомянуты состоящие на вооружении пулеметы «Мадсена» и «Шоша» [18]. Французский ручной пулемет системы Шоша образца 1915 г. поставлялся в Россию с 1916 г. Свои впечатления о пулемете Шоша оставил известный русский конструктор В.Г. Федоров: «Мы пошли в первую линию окопов (речь идет о французской позиции – Авт.). К моему удивлению, окопы были пусты. Лишь редко можно было встретить часовых и наблюдателей, следивших при помощи перископов за противником. Мое внимание привлекли также несколько пулеметчиков с новейшими ручными пулеметами системы Шоша, только что введенными во французской армии. Ручной пулемет развивал скорострельность в 150-200 выстрелов в минуту и мог заменить около 15 стрелков. Вот почему в первой линии французских укреплений и находились главным образом пулемет-

чики» [19]. Пулемет Шоша В.Г. Федоров назвал типичной конструкцией военного времени, к тому же морально устаревшей.

Появление пулеметов Шоша в приказах 1917 г. не случайно, так как именно в этом году Россия приобрела первую партию в количестве 6100 шт. В приказе № 410 от 20 февраля 1917 г. по 2-му Черноморскому полку говорилось: «В виду формирования при вверенном мне полку пулеметной команды начальником ея назначаю подъесаула Криковцева» [20]. Этот приказ ставит перед нами, как минимум, два вопроса: почему в полку отсутствовала пулеметная команда и связано ли ее формирование с появлением пулеметов Шоша.

На первый вопрос мы, возможно, сумеем ответить, опираясь на данные о боевом составе частей. Так, штаб 4-й Кавказской казачьей дивизии 2-го Кавказского армейского корпуса в своем рапорте от 5 января 1917 г. в составе дивизии указывает конно-пулеметную команду из 8 пулеметов, 5 офицеров, «шашек 115, нестроевых 11» [21]. Иными словами на Кавказском театре военных действий еще в 1917 г. сохранялись 8-пулеметные дивизионные команды, несмотря на то, что еще в 1915-1916 гг. русская кавалерия перешла на 4-пулеметные полковые [22].

В приказе по 1-й Кубанской казачьей отдельной бригаде от 21 июня 1919 г. сообщается: «Принято пулеметов Люиса(так в тексте. – Авт.) 12 шт., обоймы к ним 1000 шт, шомполов к ним 12, ящики для возки Люисов, пулеметы Виксера(так в тексте – Авт.) 4 шт, треног к ним 4, лент к пулеметам Виксера – 32, пулеметов системы Кольта, к ним запасные стволы, кобуры к запасным стволам, пулеметные ящики, ленты, специальные ключи к пулеметам» [23].

О получении в 1919 г. новых пулеметов свидетельствует и рапорт командира 1-го Полтавского полка начальнику Войскового штаба, датированный 25 ноября 1919 г.: «...пулеметчики (изучившие курс пулеметного дела) крайне необходимы ввиду переформирования пулеметной команды полка и получения пулеметных систем «Виккерса» и «Льюиса» [24].

Таким образом, в первой четверти XX в. на вооружении Кубанского казачьего войска состояло не менее 6 пулеметных систем: 3 станковых пулемета – «Максим», «Виккерс», «Кольт» и три ручных пулемета – «Мадсен», «Шоша», «Льюис».

ис». Мы не исключаем применение в бою и трофейных пулеметов неприятеля.

В заключении приведем один пример боевого применения пулеметов кубанскими казаками. В воспоминаниях А.А. Брусилова рассказывается о столкновении его 8-й армии с 11-м австрийским корпусом 23 августа 1914 г. под Городком. «Наша казачья дивизия была поддержана 4 ротами пехоты, которые были ей временно преданы. Для встречи подходящего к Городку противника наша пехота заняла густою цепью окопицу села, а также поблизости находящуюся возвышенность... Пулеметы же казачьей дивизии были поставлены на этом же фланге так, что могли обстреливать всю местность впереди залегшей пехоты... Австрийская конница, подходя к Городку, развернула сомкнутый строй и без разведки очертя голову понеслась в атаку на нашу пехоту... Частью артиллерийской, а затем ружейный огонь встретил эту безумно храбрую, но бессмысленную атаку. Вскоре и пулеметы наши стали осыпать австрийцев с фланга, а кавказские казаки ударили по ним с фланга и тыла... Результат австрийской атаки оказался весьма для них плачевным...» [25].

Примечания

1. Пулемет // Советская военная энциклопедия. Т. 6. М., 1978. С.627.
2. Огнестрельное оружие / под ред. С. Кузнецова. Мир энциклопедий Аванта. М., 2012. С. 75.
3. Федосеев С.Л. Столетие легендарного «Максима» // Мастер Ружье. 2010. № 164. Ноябрь. С. 40.
4. Лещенко Ю.Н. Главное Артиллерийское управление и производство стрелкового оружия. 1892 -1904 // Военно-исторический журнал. 2007. № 11. С. 50.
5. Федосеев С.Л. Пулеметы Русской армии в бою. М., 2008. С. 45.
6. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 396. Оп. 1. Д. 8675. Л. 13.
7. Матвеев О.В., Фролов Б.Е. Боевая слава кубанского казачества: от Березани до Сарыкамыша. Краснодар, 2012. С. 396.
8. Строков А.А. История военного искусства. М., 1967. С. 139.

9. Федосеев С.Л. Указ. соч. С.63.
10. ГАКК Ф. 318. Оп. 2. Д. 3529. Л. 2.
11. <http://ru.warriors.wikia.com/wiki/ВикиВоины>
12. Федосеев С.Л. Указ. соч. С. 67.
13. Федосеев С.Л. Российская карьера ружья-пулемета «Мадсен»// Мастер Ружье. 2010. № 156. Март. С. 59.
14. ГАКК. Ф.443. Оп. 1. Д. 19. Л.119.
15. Там же. Л. 108.
16. Там же. Л. 109.
17. Там же. Л. 240 – 240 об.
18. ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 27. Л. 135.
19. Федоров В.Г. В поисках оружия // Ружье. 2000. № 3. С. 29.
20. ГАКК. Ф. 656. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.
21. ГАКК. 437. Оп. 1. Д. 57. Л. 36.
22. Федосеев С.Л. Пулеметы Русской армии в бою. С. 166.
23. ГАКК. Ф.396. Оп. 5. Д. 115. Л. 26, 80.
24. ГАКК. Ф.396. Оп. 5. Д. 225. Л. 83.
25. Цит. по: Федосеев С.Л. Указ. соч. С.177.

К.В. Рusanov
(г. Харьков, Украина)

Жизнь и научное наследие Александра Передельского – военного врача и исследователя Северного Кавказа

В последние годы историки военной медицины вспоминают имя Александра Георгиевича Передельского (1876–1940) – военного врача, уроженца Кубани, эмигрировавшего после Гражданской войны [1, 2]. В центре внимания этих историков – вклад А.Г. Передельского [3] в решение организационных проблем медицинской службы русской армии.

Менее известно, что А.Г. Передельский был автором ряда работ 1900-1910 гг. по медицинской географии Кавказа. Сегодня эти публикации врача о природе и климате мест, где он

бывал, об условиях жизни населения, наиболее распространенных заболеваниях и естественных факторах их лечения, являются ценными источниками по истории кавказских поселений. Заслуживает изучения и биография Передельского, где остался ряд пробелов.

Сам он так описал свою жизнь до 1910 г. [4]: «Александр Георгиевич Передельский, православного вероисповедания, сын педагога – коллежского советника, из казачьего сословия, родился в станице Ладожской, Кубанской области; среднее образование получил в Ставропольской, а потом в 1-й Тифлисской гимназии, по окончании которой в 1896 г. поступил в Харьковский университет на медицинский факультет.

14 октября 1901 г. признан в степени лекаря с отличием (*cum eximia laude*). 3 марта 1902 г. определен на службу младшим врачом Георгиевского местного лазарета; с августа 1902 г. по июнь 1903 г. исполнял должность старшего врача Хунзахского местного лазарета; летом 1903 г. был командирован на 4 месяца в Абастуман для лечения офицеров и их семейств. В апреле 1904 г. перемещен на должность младшего врача в Пятигорский местный лазарет, где постоянно заведовал химико-бактериологической лабораторией и разновременно – внутренним, венерическим и заразным отделениями. С 1 июня по 16 сентября 1904 г. был командирован в Гагры для научно-практических работ по применению в гагринском гарнизоне противомоскитной жидкости д-ра медицины Я.И. Малинина, как средства борьбы с малярией. В то же время работал в Гаграх безвозмездно в составе малярийной экспедиции Императорского Института экспериментальной медицины под руководством покойного д-ра Н.М. Берестнева, и в течении двух месяцев с разрешения Его Высочества Принца А.П. Ольденбургского состоял врачом амбулатории Гагринской больницы.

С декабря 1904 г. по апрель 1905 г. был прикомандирован к Военно-медицинской лаборатории Кавказского военного округа в Тифлисе для изучения медико-химических и бактериологических методов исследования. С 1 января по 1 июня 1906 г. исполнял должность старшего врача Невинномысского местного лазарета, а затем был прикомандирован к Кавказскому окружному военно-медицинскому управлению для

составления описания Кавказского военного округа по стратегическим районам в санитарно-статистическом отношении.

С 1 декабря 1906 г. по 24 мая 1907 г. находился в командировке в Приамурском военном округе, где исполнял должность старшего врача 1-й Восточно-Сибирской стрелковой парковой артиллерийской бригады. С 12 октября по 22 декабря 1907 г. был командирован в укрепление Нарын Семиреченской области на борьбу с чумой. С мая по сентябрь 1908 г. в Пятигорске состоял врачом, заведующим лечебницей и амбулаторией Российского общества Красного Креста.

В настоящее время (в 1910 г. – К.Р.) состоит в должности младшего ординатора Пятигорского местного лазарета и в прикомандировании с 1 октября 1908 г. к Военно-медицинской академии (ВМА) для усовершенствования в медицинских науках. Осенью 1909 г. несколько месяцев работал в терапевтической клинике покойного проф. С.С.Боткина. Экзамены на степень доктора медицины сдал в 1908/9 и 1909/10 уч. годах».

Важные даты начального периода биографии уточняет список студентов Харьковского университета [5]: Передельский Александр Георгиевич, сын коллежского советника, православный, казак, родился 4 мая 1876 г. в ст. Ладожской Кубанской области, а 17 августа 1896 г. поступил на 1-й курс медицинского факультета.

Чин коллежского советника имел в 1896 г. Егор (Георгий) Федорович Передельский, кубанский педагог, исследователь казачьего быта и истории, автор ряда цитируемых и сегодня публикаций, а по нашему предположению – отец Александра [6]. Е.Ф. Передельский учился в 1870-е гг. в Кубанской учительской семинарии (в станице Ладовской/Ладожской), затем в Тифлисском учительском институте, и не позже 1878 г. стал учителем в Полтавском станичном училище. В 1880 г. он был переведен в Баталпашинское городское училище. В 1883 г. Е.Ф. Передельский переехал в Ейск, где служил учителем, а позже инспектором Александровского городского училища. В 1890-е он состоял инспектором Батумского ремесленного, а затем, до 1901 г. – Ахалцихского городского училища. Выйдя в отставку, Егор (Георгий) Федорович не

оставил исторического краеведения: в статье его сына [7] (см. ниже) имеется указание: «Исторические сведения почерпнуты нами из статьи Г. Передельского «Из прошлого и настоящего Георгиевска» (газета «Кавказ», 1903, №64)».

А первую свою публикацию Передельский-сын подготовил еще студентом [8]; позднее она была перепечатана во всероссийском журнале [9]. Александр занимался научной работой у профессора И.П. Скворцова, возглавлявшего в Харькове с 1885 по 1906 гг. кафедру гигиены [10]; многие статьи ученика несли отчетливый след личности учителя.

Исследование А.Г. Передельского по Кобулетам, не постуденчески солидное, было результатом сбора данных на месте. Литература по этой теме практически отсутствовала: Батум и его окрестности лишь с 1878 г. стали частью России. Но за 20 лет сюда пришла железная дорога, и в 2 верстах от ее станции Кобулеты, рядом с бывшим турецким укрепленным местечком Чурук-Су, в начале 1880-х гг. возникло русское селение Смекаловка (в честь кутаисского военного губернатора А.М.Смекалова). Переселенцам из разных губерний были отведены в пользование дворовые места по 1 десятине, и пахотная земля – по 10 десятин на двор; земля оставалась казенной.

Выращивали здесь в основном кукурузу – на экспорт в Турцию. Часть поселенцев Смекаловки, не сумев адаптироваться, продали свои наделы состоятельным интеллигентам. Последние строили дачи на единственной улице, тянущейся вдоль морского берега, разводили сады. Позже дачные домики для сдачи в сезон приезжим стали строить и зажиточные крестьяне.

Из благ цивилизации в Смекаловке имелись лишь православная церковь и бакалейная лавка. За прочим надлежало идти в м. Чурук-Су, населенное турками, греками, аджарцами, где были большой рынок, почтово-телефрафное отделение, аптека, или ехать поездом в Батум.

По мнению А.Г. Передельского, условия для морских купаний здесь «безусловно прекрасны» – лучше, чем в других местах побережья. Смекаловка могла служить и очень удобной климатической станцией: значительное количество тепла при высоком давлении атмосферы в открытой для морских ветров

местности с песчаной почвой определяли общий характер ее климата как седативный, успокоительно действующий на сосудистую и нервную системы, а также и на дыхательные органы.

В заключение автор статей [8, 9] давал рекомендации как в отношении болезней, при которых можно было ожидать существенной пользы от местного климата (хронические пневмонии, бронхит, и ларингиты с постоянным кашлем; анемии, золотуха и неврозы возбуждения; застой в малом круге кровообращения), так и по организации курорта в Смекаловке.

Результатом недолгой службы А.Г. Передельского в Георгиевском местном лазарете стала основательная статья [7]. Говоря о Георгиевске, в прошлом губернском (1802-1824), а теперь заштатном городе с населением менее 14 тыс. чел., автор убедительно показал, что важной причиной упадка бывшей столицы Кавказа были неблагоприятные топографические, климатические и бытовые условия – болотистая малярийная местность, плюс антисанитарное состояние города и жилищ: «Георгиевск – одно из выдающихся по своей болезненности мест не только в Терской области, но и во всем Кавказе»; «Цифра заболеваемости малярией в Георгиевском гарнизоне громадна; в 1897 г. он занял 2-е место по ней среди гарнизонов Кавказа»; «Расположение Георгиевского лазарета очень нежелательное: мириады москитов не дают покоя больным, и без того истощенным разного рода болезнями». В числе последних выделялись также брюшной тиф и венерические заболевания (следствие близости к курортному Пятигорску).

Малярия бытowała и в укреплении Хунзах, «заброшенном среди необъятных гор и оторванном от культурного мира» центре Аварского округа Дагестана, где А.Г. Передельский по делам службы провел несколько месяцев [11]. Но в Хунзахе, на высоте около 2 км, ее причины были иные: здесь стоял 6-й Кубанский пластунский батальон, пополнявшийся казаками, приезжавшими из станиц уже с малярией. При адекватном лечении они выздоравливали: за 10 лет в гарнизоне числом около 1000 человек умерло 17 больных – втрое меньше, чем в среднем по Кавказской армии.

Внешне укрепление Хунзах в начале XX в. напоминало громадный каземат – серые каменные стены с воротами,

бойницами и оборонительными башнями по углам с отверстиями для пушек, закрытыми чугунными ставнями. Внутри периметра находились казармы, флигели с офицерскими квартирами и хозяйственные постройки. Снаружи стен была слободка с офицерским собранием, почтово-телеграфным отделением, лавками, частными домами, базаром и источником воды с бассейном. Другой источник с защищенным ходом к нему (каменные стены, железная крыша) и насосом имелся у самых стен укрепления. Единственной растительностью в округе был небольшой гарнизонный сад.

Большой аул Хунзах, возле которого находились управление Аварского округа с квартирами для служащих и одноклассное училище, отстоял от укрепления на 3 версты. В Аварском округе числилось около 30 тыс. жителей, на которых полагался 1 окружной врач гражданского ведомства. Фактически, однако, врача в Хунзахе не было годами: даже молодые медики отказывались здесь служить из-за скучного жалованья и отсутствия казенной квартиры. Администрация препоручала Аварский округ попечению врачей соседних округов – то Гунибского, то Андийского. Заболеваемость и смертность мусульманского населения никто не регистрировал, а они были, по мнению Передельского, огромны – при хроническом голодании и частом употреблении любимой здесь (вопреки Корану!) водки [12].

Первые публикации молодого врача, показавшие его наблюдательность, эрудицию и владение пером, дали основание окружному начальству взять А.Г. Передельского на заметку. В Кавказском военном округе действовала эффективная система подготовки научных медицинских кадров. Окружное управление прикомандировывало проявивших себя молодых лекарей к военно-медицинской лаборатории в Тифлисе, поручало им освоить новые методы, провести исследования на местах. А тех, кто успешноправлялся с заданиями, Кавказский округ командировал в ВМА для подготовки и защиты диссертации на степень доктора медицины.

Все ступени этой системы успешно преодолел и Александр Передельский. Первой стала командировка в Гагры в 1904 г. Задание было ответственным: предыдущим летом в

здесь гарнизоне случился резкий подъем заболеваемости малярией (87% списочного состава), и молодому врачу было доверено испытать средство профилактики малярии, изобретенное лично окружным военно-медицинским инспектором. С другой стороны, в Гаграх в это время строился (на средства бюджета, с привлечением крупных научно-инженерных кадров) и начинал действовать курорт, задуманный как русская альтернатива Французской Ривьере. Здесь внедрялись новейшие средства диагностики, лечения (рентген, электро- и светотерапия [13]) и благоустройства (электрическое освещение, лифты, водопровод, канализация и проч.), каких еще не было в больницах Тифлиса. А малярийная вспышка 1903 г. могла подорвать репутацию новой климатической станции – тем более, что в XIX в. Гагры считались одним из самых лихорадочных мест Черноморского побережья Кавказа.

Вернувшись из Гагр, А.Г. Передельский успешно выступил 16.03.1905 г. с докладом на заседании Кавказского медицинского общества, опубликовал короткую статью [14], а позже – более полную ее версию [15]. По мнению молодого врача, причиной недолгого пика заболеваемости малярией стали крупномасштабные земляные работы в Гаграх, к 1904 г. уже законченные. Целенаправленное оздоровление местности курорта (осушение болот и проч.) и применение противомоскитной жидкости в казармах и лазарете привели к снижению заболеваемости гарнизона до 1,4%.

Ведя амбулаторию при Гагринской больнице в июле-сентябре 1904 г., А.Г. Передельский заметил, что главную массу маляриков давали жители ближайших деревень (Пиленково и др.) и Бзыбской низменности, где оздоровление местности не производилось и население поголовно страдало малярией. Среди гагринцев же число свежих заболеваний было ничтожно.

Правильные выгоды молодой врач сделал и относительно перспектив Гагр как пункта для климатического и бальнеологического лечения. При дальнейшем оздоровлении местности и развитии благоустройства (и теперь уже одного из лучших среди курортов России) Гагры, с их прекрасными топографическими и климатическими условиями, станут идеальным

курортом для больных, нуждающихся в теплом климате и лечении морскими купаниями, солнечными и морскими ваннами, другими способами бальнеотерапии. Наиболее пригодны для лечения в Гаграх начальный период туберкулеза, малокровие, переутомление и разного рода нервные болезни.

Александр Георгиевич описал бы в следующих статьях и Абастуман с Невинномысском, и Приамурье с горным Нарыном, где ему довелось послужить позже, но штаб Кавказского военного округа направил энергию и талант молодого врача в иное русло. Передельскому было поручено составить санитарно-топографические описания Терско-Дагестанского, Эриванского, Карского, Приморского и Тылового районов Кавказского военного округа. Что он и сделал, представив рукописи в 1906 г. В следующем году его работа была опубликована [16].

Показательно, что «Обзор округа в санитарном отношении» А.Г. Передельского стал равноправной частью работы «Военно-географическое и статистическое описание Кавказского военного округа» группы офицеров Генерального Штаба – Н.А. Букретова (будущего генерала, члена Кубанского правительства), В.В. Эггерта и др.

Высокие оценки получила и диссертация А.Г. Передельского о Пятигорске [4] – одна из лучших монографий о русских курортах того времени. Богатый фактический материал по топографии города, детальные описания состояния благоустройства, интересные статистические данные – все это и сегодня представляет большой интерес для историков.

Кстати, официальными оппонентами Передельского на защите в ВМА были профессора А.П. Фавицкий (терапевт), В.А. Левашев (завкафедрой гигиены) и приват-доцент А.А. Липский (санитарный врач и статистик).

Доктор медицины А.Г. Передельский вернулся на прежнюю должность младшего врача Пятигорского военного лазарета, где состоял до 1912 г. [17]. Затем он получил назначение в Оренбург – младшим врачом Неплюевского кадетского корпуса [18], готовившего офицерские кадры для казачьих войск.

Здесь надворный советник А.Г. Передельский стал секретарем и библиотекарем Оренбургского отдела Казанского

общества ревнителей военно-санитарных знаний, объединившего офицеров и военных врачей гарнизона [2]. Он подготовил «Обзор деятельности Московского и Варшавского обществ ревнителей военно-санитарных знаний и желательную программу деятельности нашего Общества». В 1913 г. Передельский сделал доклад «К вопросу о подготовке военных врачей к современным требованиям военно-санитарной службы», где представил основанный на личном опыте и изучении литературы проект подготовки «санитарных офицеров», т. е. врачей, которые «в соответствии с другими военными специалистами должны быть офицерами», иметь военную подготовку [2].

Эти идеи получили резонанс за пределами Оренбурга. А.Г. Передельский лично представил доклад «К вопросу об организации в русской армии санитарного корпуса» главному военно-санитарному инспектору А.Я. Евдокимову [19], одобравшему его основные положения.

Получив чин коллежского советника, осенью 1913 г. А.Г. Передельский вернулся в Пятигорск и продолжил службу в 84-м пехотном Ширванском Его Величества полку. В рядах этого полка старший врач Передельский значился и в годы Первой мировой войны [20]. Но сказать точно, сколько был на фронте Александр Георгиевич, мы не можем.

Известно, что Ширванский пехотный полк, входивший в состав 21-й пехотной дивизии, уже в августе 1914 г. вместе со всем 3-м Кавказским армейским корпусом сражался на Западном фронте – сначала с австрийцами, затем, в сентябре–октябре – с германцами на Висле (Ивангородская операция). В ожесточенных боях на Козеницком плацдарме 84-й полк понес громадные потери: был тяжело ранен и взят в плен командир полка, убиты все командиры батальонов, в целом полк потерял более половины офицеров.

Так или иначе, в 1916 г. А.Г. Передельский уже значился в «Российско медицинском списке» (РМС) старшим врачом Владикавказского кадетского корпуса [21]. В годы Гражданской войны Александр Георгиевич стал на сторону Белого движения. При последнем наступлении красных Владикавказский кадетский корпус походным порядком ушел по Военно-Грузинской дороге в Тифлис, оттуда – в Батум и морем в Крым.

В ноябре 1920 г. А.Г. Передельский вместе с кадетами был эвакуирован в Турцию. В мае 1921 г. он еще состоял членом Общества русских врачей в Константинополе. А окончательное пристанище Александр Георгиевич и его жена Анастасия Митрофановна (урожд. Селитренникова – возможно, из известной кавказской семьи; 1875-1933) нашли в сербском городе Нови-Сад. Старый врач работал здесь по специальности, вспоминая оставленную навсегда Россию и такую непохожую на Дунай родную Кубань.

Умер А.Г. Передельский 14.10.1940 г. – еще до немецкой оккупации Югославии. Похоронены Передельские на «Русском участке» Успенского кладбища в Нови-Саде [22], среди сотен таких же изгнанников, как они.

Примечания

1. Шаппо В.В., Поддубный М.В. «Мысли военного врача...» и их автор А.Г. Передельский // Военно-медицинский журнал (ВМЖ). 2008. №1. С.69-73.

2. Савинова Т.Н. Оренбургский отдел Казанского общества ревнителей военно-санитарных знаний // Народы Южного Урала на страже Родины: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции.– Оренбург, 2013. С.148-151; Савинова Т.В. Новое в биографии военного врача А.Г. Передельского // ВМЖ. 2014. № 11. С.78-81.

3. См.: Передельский А.Г. Подготовка военных врачей к требованиям военно-медицинской службы // ВМЖ. 1904. № 5. С.238-240; Передельский А.Г. О подготовке военных врачей к военно-санитарной службе // Военный сборник. 1913. №1. С.91–98; Передельский А.Г. Мысли военного врача об устройстве санитарной части в будущей Российской армии // Военный сборник Общества ревнителей военных знаний и кружков высшего военного самообразования (Белград, Югославия). 1926. Кн.8. С.145-176.

4. Передельский А.Г. Город Пятигорск в медико-топографическом отношении. Диссертация на степень доктора медицины. СПб., 1910. С. 158–160.

5. Список студентов Императорского Харьковского университета на 1896/7 академический год.– Харьков: Университетская типография, 1896. С. 131.

6. Русанов К.В. Кубанский педагог и исследователь Егор (Георгий) Федорович Передельский // Материалы X Международной Кубанско-Терской научно-практической конференции «Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа» (Армавир, октябрь 2016 г.). Армавир, 2016..С.257-260.

7. Передельский А.Г. Город Георгиевск, Терской области. Медико-топографическое описание // Медицинский сборник Императорского Кавказского медицинского общества.— 1904. № 66. С.129–166.

8. Передельский А.Г. Кобулеты (Смекаловка), как курорт и дачное место // Кавказский вестник. 1900. № 12. С.46-70.

9. Кобулеты (Смекаловка), дачное место и приморский курорт, в климатическом, санитарно-бытовом и лечебном отношении: Работа, удостоенная премии Харьковским отделом Русского общества охранения народного здравия // Журнал Русского общества охранения народного здравия. 1902. № 1. С.18-55.

10. Иринарх Полихрониевич Скворцов (1847–1921), действительный статский советник (1899), занимался также вопросами эпидемиологии и курортологии. И.П. Скворцов – автор более 150 статей и книг, в том числе «Курса практической гигиены» (1884-1889), руководства «Методы и планы санитарных исследований (1889) и фундаментального труда «Основы гигиологии и гигиены» (1900), где предложена «динамическая теория сущности жизни как целостного единства человека и среды». Он изъездил Крым, Кавказ и Закавказье, Поволжье, Урал и Туркестан, Север Европейской России, Турцию, Египет и почти всю Европу. Особое внимание профессор уделял развитию отечественных курортов. И.П.Скворцов одним из первых рассмотрел перспективы Черноморского побережья Кавказа как места для климатического лечения. Им была опубликована большая (115 страниц) статья «Климатическое лечение вообще и наши климатолечебные места по берегам Черного моря» (ВМЖ, 1890, т. 169, октябрь). Вместе с тем И.П. Скворцов написал ряд руководств специально для русской армии: «Общедоступная гигиена для военных» (1881), «Военно-полевая гигиена» (1904) и др.

11. Передельский А.Г. Укрепление Хунзах и Аварский округ Дагестанской области. Санитарно-географический

очерк // Журнал Русского общества охранения народного здравия. 1903. № 5-6. С. 211-240.

12. Выдержки из статьи [11] перепечатала газета «Кавказ» в 1904 г. (№ 7) под заголовком «Укрепление Хунзах и Аварский округ глазами доктора А.Г. Передельского». В списке публикаций врача приведена и статья «Народное здравие и медицинская помощь среди сельского населения в Дагестане» (Врачебная газета, 1903, №43). Но эта ссылка ошибочна: ни в данном номере, ни в других номерах за 1903 г. такой статьи нет.

13. Так, в больнице Гагринского курорта работал переехавший из Петербурга А.В. Минин – изобретатель до сих пор применяемого «синего света».

14. *Передельский А.Г.* Гагры, как климатическая станция // Терапия. 1905. № 9. С. 296--04.

15. *Передельский А.Г.* Гагры // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 1908. Вып. 38. Отдел.1. С.152-190.

16. *Передельский А.Г.* Военно-географическое и статистическое описание Кавказского военного округа. Военно-статистический очерк. Обзор округа в санитарном отношении.– Тифлис: Электропечатня Штаба Кавказского военного округа, 1907. 235 с.

17. Сослуживцем А.Г. Передельского по Пятигорскому лазарету был будущий видный советский офтальмолог, профессор Кубанского медицинского института (с 1920) Станислав Владимирович Очаповский (1878-1945), именем которого названа Краевая клиническая больница №1 в Краснодаре.

18. Российский медицинский список (PMC), изданный управлением Главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел на 1913 год (по состоянию на 20 апреля 1913 г.). С.Пб., 1913.– Алфавитный список лиц, имеющих право врачебной практики в России.– С.334.

19. Евдокимов Александр Яковлевич, род. в 1854 г., действительный тайный советник, почетный лейб-медик, в 1906-1917 гг. – главный военно-санитарный инспектор и председатель Ученого военно-санитарного комитета в СПб.

20. PMC, изданный управлением Главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел на 1914 год (по со-

стоянию на 1 мая 1914 г.)— СПб., 1914.— Алфавитный список лиц, имеющих право врачебной практики в России. С.354; РМС <...> на 1916 год (по состоянию на 1 мая 1916 г.).— Петроград, 1916.— Алфавитный список лиц, имеющих право врачебной практики в России.— С.362.

21. Кавказский календарь на 1917 год. Тифлис: Типография канцелярии наместника Его Императорского Величества на Кавказе, 1916; Адрес-календарь. Учреждения Военного министерства. Владикавказский кадетский корпус.— С.731.

22. Арсеньев А.Б. У излучины Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999.— 256 с.

С.Ю. Сезин, Д.С. Сезин
(г. Кременчуг, Украина)

Дело дочери генерала фон Гарниера

В Архиве Службы безопасности Украины Полтавской области хранится дело № 5767 по обвинению Савицкой Нонны Павловны в преступлении, предусмотренном ст. 54, пункт 10 УК УССР (соответствовало статье 58-10 УК РСФСР) [1]. Дело представляется и обычным для тех лет, и необычным, поскольку отображает в себе все приметы своего времени.

Вначале было слово, то есть сигнал или донос, что живет в городе Полтаве дочь генерала фон Гарниера, которая поддерживает отношения с отцом, ныне пребывающим в Румынии, и еще хвалит зарубежную жизнь. Это характеризовалось как систематическая антисоветская агитация среди населения. Авторы предполагают, что для реакции на сигналы должно иметься их определенное количество, но не располагают данными, сколько именно. Вследствие чего товарищ Пинчук, оперуполномоченный отдела УГБ Полтавского УНКВД, счел, что в ее действиях содержатся признаки состава преступления, предусмотренного статьей 54 УК УССР (тождественна известной статье 58 УК РСФСР), вследствие чего начато предварительное следствие. Дата этого решения неясна из-за неудобной подшивки листов

дела, из которой отчётливо представлен только 1938 год. Начальник Пинчука с этим решением согласился. Авторами принят вариант написания ее «фон Гарниер», а иные написания ими воспроизведены без дополнительных комментариев.

2 апреля 1938 года Полтавский областной прокурор Федоров согласился с тем, что раз Савицкая подозревается в шпионаже (ранее в документах этого не имелось, упоминалась только антисоветская настроенность и агитация), а также проводит антисоветскую агитацию, то, находясь на свободе, она может скрыться от следствия и суда. Потому прокурор и санкционирует арест, руководствуясь постановлением ЦК ВКП(Б) и СНК от 8.05. 1933 года и еще одним документом, данные о котором разобрать не удалось. Правда, подпись прокурора очень непохожа на подпись человека с фамилией Федоров, а знаков того, что за Федорова подписывает кто-то другой, там нет. 9 апреля 1938 года выдан ордер №14 на обыск и арест Савицкой. Согласно протоколу обыска, у нее изъяты только паспорт и профсоюзный билет. Но в протоколе обыска же указано, что обыск проведен на основании ордера №9, а не № 14.

В анкете арестованной указано, что Савицкая Нонна Павловна 1893 года рождения, родившаяся в Симферополе (заполнивший назвал его селом), проживает по улице Войкова, 33 в городе Полтаве, работает медсестрой в Подольской амбулатории, по происхождению – служащая, до революции – служащая, медсестра, после революции – тоже. А дальше начинаются расхождения с данными следствия – отец ее, как оказывается, служащий, врач, правда, мать указана как помещица. Закончила женскую гимназию в 1914 году. По национальности русская, на воинском учете не состояла, репрессиям при Советской власти не подвергалась, замужем, мужа зовут Анисий, сына – Ваней. Данные о родителях не включают их фамилий, имен и отчеств (это свойственно делам того периода). Еще в анкете указано, что она арестована восьмого апреля 1938 года, а сама анкета заполнена 25 апреля того же года.

8 апреля уже известный нам Пинчук, рассмотрев материалы, постановил привлечь Савицкую в качестве обвиняемой по статье 54-10, то есть за антисоветскую агитацию, так как она «будучи антисоветски настроена занимается среди

местного населения деятельностью, восхваляя жизнь в капиталистических странах» (запись воспроизведена именно так, как она есть в деле). Как видим, подозрение в шпионаже уже не фигурирует, что, несомненно, куда лучше для обвиняемой.

8 июня 1938 года датирован первый протокол допроса Савицкой, имеющийся в деле. Проводил его помощник оперуполномоченного Пинчук, задавший три (фактически, возможно, и больше) вопроса и отразивший ответы и вопросы в произвольной форме (последующие протоколы допросов использовали стандартный бланк в начале, а этот написан от руки на чистом листе).

На вопрос о том, кто из родственников ее находится за границей и поддерживает ли она связь с ним, Савицкая ответила, что в Болгарии живет ее отец, фон Гарниер Павел Антонович, который служил врачом в царской армии с 1914 по 1918 годах. По окончании войны в 1918 году он вернулся в Полтаву. Далее в деле, скорее всего, пропущен лист. И текст на третьей странице начинается с того, что отец просил уточнить место нахождения его второй жены, на которой он женился после смерти матери Савицкой в 1914 году, и которая осталась в России при его отъезде за границу. Савицкая ему ответила, что данными о ней не располагает, а в Полтаве та не жила. После чего отец написал еще два письма в 1936 и 1937 годах, но в них он писал о чисто семейных делах. Савицкая ему ответила, после чего новых писем не приходило. Следующий вопрос звучал так: «Следствие располагает сведениями о том, что вы занимались шпионской и контрреволюционной деятельностью. Расскажите об этом». Она ответила коротко, что подобной деятельностью никогда не занималась.

Следующий вопрос: «Вы врете, следствие располагает материалами, что вы собирали сведения шпионского характера и передавали за границу. Настаиваем на даче правдивых показаний». Савицкая ответила, что ее показания правдивы и ничем подобным она не занималась.

Следующий протокол допроса датирован 27 августа 1938 года, оформлен аналогично. Протокол содержит два заданных вопроса и пространные ответы на них.

Вопрос (далее – В.): «Следствие располагает свидетельскими показаниями о вашей антисоветской деятельности. Намерены ли вы давать следствию правдивые показания?»

Ответ (далее – О): «Да, я признаю себя виновной в этом и хочу рассказать следствию правду. Мой отец Фон-Горниер Павел Антонович был личным дворянином. Закончил Харьковский университет и получил диплом медврача. Мать, Евдокия Николаевна, происходит из помещичьей семьи, у отца ее было несколько сот десятин земли в Донецкой области. А после смерти ее отца мать получила в наследство от проданного имущества 20 тысяч рублей. За эти деньги отец по приезде на жительство в Полтаву купил по бывшей Покровской улице дом, большой фруктовый сад и усадьбу. В 1914 году, когда отец был узят (*sic!*) на военную службу, мать купила второй дом за десять тысяч рублей, но в революцию 1917 года это имущество было от нас отобрано... Отец возвратился в 1918 году, но имущество, которое он оставил, уже не застал. И он был сильно недоволен Соввластью. По приходу деникинских войск он ушел добровольно к ним и служил до разгрома деникинских войск и восстановления Соввласти на Украине. В 1920 году вместе с остатками деникинских войск бежал в Болгарию, где проживает и в настоящее время, с которым я имела переписку по 1937 год».

В.: «Следствию известно, что вы занимались антисоветской деятельностью, восхваляя жизнь в капиталистических государствах и клевеща на жизнь в Советском Союзе. Расскажите об этом».

О.: «Октябрьскую революцию 1917 года я встретила враждебно за отобранное у нас имущество и поэтому (*sic!*) я вела антисоветские разговоры. Кроме того, я получала от отца из Болгарии письма, в которых он писал, что он живет хорошо. Поэтому я в квартире Пущенко говорила «что отец в Болгарии работает врачом и живет во много раз лучше, чем врачи в Советском Союзе, которые работают много, а получают жалкие гроши за их труд и за них не могут себе позволить прилично одеться и покушать» (форма подачи авторами соблюдена максимально). В 1934 году при встрече со своим знакомым Григорьевым Михаилом Михайловичем я ему

рассказала, что «мой отец живет в Болгарии и работает врачом и ни в чем не нуждается. А в Советском Союзе ничего нет ни промтовару, ни вдоволь продуктов питания».

Таким образом, Савицкая дала показания, подтверждающие обвинение по ст. 54-10.

Далее становится ясным, что за данные имелись у следствия.

Как оказалось, 15 июня 1938 года был допрошен свидетель Пущенко Павел Николаевич, 1886 года рождения, давший подробные показания о семье Савицкой. Оказывается, отец ее, фон Гарниер, действительно владел большими участками земли и сдавал их в аренду для устройства шахт по добыче угля. От этого доход его достигал 40 тысяч рублей в год. В 1919 году фон Горниер вместе с отступающими деникинскими войсками уехал в Крым, с ним были дочери Нонна и Муза. Далее старший фон Горниер уехал в Болгарию, а дочери остались в Крыму, а потом вернулись в Полтаву. Сама же Савицкая и ее сестра Муза служили сестрами у Деникина. На вопрос о связи Савицкой с отцом он ответил практически то же, что и сама обвиняемая.

Саму же Савицкую он характеризовал как антисоветски настроенную, проводящую контрреволюционные разговоры, восхваляющую жизнь в капиталистических странах. Далее он воспроизвел рассказ о том, что отец как врач живет в Болгарии лучше, чем советские врачи (близко к вышеизложенному варианту).

Таким образом, показания Пущенко давали базу для обвинения в антисоветской агитации и имели еще одну особенность: позволяли обвинить Савицкую в службе в белых армиях (разумеется, для этого их требовалось еще и расширить, и детализировать).

16 июня 1938 года была допрошена свидетельница Рассаднева Анастасия Васильевна, 1881 года рождения. Она сообщила, что знает Савицкую с 1920 года, когда она и Савицкая жили на Северном Кавказе. Савицкая и ее сестра Муза остались там при отступлении Деникина, а их отец Фон Гарниер уехал тогда за границу. В 1922 году обе дочери вернулись в Полтаву. Свидетельница знала, что отец Савицкой живет в Болгарии, пишет

оттуда письма, а Савицкая ведет с ним частую переписку. Свидетельница добавила, что до революции отец Савицкой имел в Полтаве два дома, но на вопрос о контрреволюционной деятельности ответила, что про нее ничего не знает.

21 июня был допрошен еще и свидетель Онищенко Кузьма Михайлович, 1878 года рождения. Савицкую он знал с 1914 года, когда жил с ее семьей по соседству. Он рассказал о владениях семьи, о сдаче земли в аренду под добычу угля. Далее он рассказал об отъезде Савицкой, ее сестры и отца с отступающими белыми и возврате в Полтаву года через два. Знал свидетель и о пребывании отца обвиняемой в Болгарии, но вот о контрреволюционной деятельности он не знал ничего. Затем появился еще один свидетель, Григорьев Михаил Михайлович, 1904 года рождения. С Савицкой он был знаком с 1934 года, взаимоотношения у них были нормальные, и ссор между ними не было. Так сказано в протоколе его допроса. Да, все вышеупомянутые свидетели проживали на улице Войкова и являлись ее соседями.

Но Григорьев также знал обвиняемую как «антисоветскую личность, которая при встрече со мной восхваляла фашистские страны и жизнь в них, что ее отец лучше живет в Болгарии, чем врачи в Советском Союзе». Далее он рассказал об истории семьи в гражданскую. В конце текста допроса явная позднейшая приписка, уже после окончания записи текста, что она говорила, что «советская власть довела до того, что ни за какие деньги не купишь промтовару, ни масла, да и хлеба скоро не будет, а население живет впроголодь».

20 июня проведена очная ставка между Савицкой и Пущенко. Пущенко повторил рассказ о прошлом Савицкой и о ее сегодняшней контрреволюционной деятельности приблизительно в том же объеме, что и раньше. Савицкую попросили сообщить, подтверждает ли она эти сведения. Она не подтвердила. Пущенко спросили, когда велись эти разговоры? Он ответил, что в 1923 и 1926 годах, когда приходили письма из Болгарии от отца. Савицкая ответила, что действительно, когда она получала письма, то рассказывала о их содержании на квартире у Пущенко, но никакой контрреволюционной агитации не было.

26 августа состоялась очная ставка между нею и М.М. Григорьевым. Григорьев рассказал про историю семьи Савицкой и отъезд ее отца, про современное поведение сообщил, что она говорила, что население СССР живет впроголодь, нет ни промтовару, ни масла. Пассаж про масло и промтовары добавлен после написания текста, более мелким почерком, с явным желанием вместить дописанное в небольшой объем пустого места. Савицкая эти сведения не подтвердила.

Следует заметить, что в те годы фон Гарниер жил в Рильском монастыре, где исполнял обязанности врача обители. «Так, в 1932 году монастырь остался без врача. В этот же год обитель посетил русский эмигрант Павел Антонович Гарньер, врач по профессии, которому наместник обители, архимандрит Кирилл предложил поселиться в монастыре и обслуживать братию. Врачу обещали бесплатное жилье с освещением и отоплением, а также денежную помощь (с. 80)» [2]. Поэтому, возможно, рассказ о жизни его был воспринят дочерью как свидетельство уровня жизни, характерной не только для этой должности. Более точно сказать пока сложно из-за отсутствия документов.

Есть информация и о том, что фон Гарниер, будучи студентом медицинского факультета, участвовал в спасении пострадавших 17 (29) октября 1888 года во время крушения Императорского поезда на 295-м километре линии Курск – Харьков – Азов, южнее Харькова, у станции Борки [2].

Между тем, дело Савицкой направлялось в Особое Совещание НКВД, но было возвращено оттуда на доследование, вследствие чего оперуполномоченный Ляшко 26 декабря 1938 года постановил принять к своему производству, о чем сообщил областному прокурору. Факт отправки дела в ОСО известен только из постановления Ляшко, документы об отправке в ОСО и возврате оттуда отсутствуют. И уже 27.12.1938 в 11.45 (ранее время допросов в деле не указывалось), состоялся допрос Савицкой.

В.: «Следствием вы полностью изобличаетесь в антисоветской агитации. Намерены ли вы правдиво давать показания?»

О.: «Да, я признаю себя в этом виновной и хочу дать откровенные показания».

В.: «Рассказывайте».

И Савицкая снова начала рассказывать историю семьи, добавила лишь, что отец ее закончил университет в 1895 году, и мать ее происходила из купеческой семьи.

Остальной рассказ не выходил за рамки ранее сообщенного.

При требовании рассказать об антисоветской деятельности, обвиняемая сообщила, что Октябрьскую революцию она встретила враждебно из-за конфискации имущества, поэтому была ВСЕ ВРЕМЯ (выделено авторами) антисоветски настроена и вела антисоветские разговоры. Когда же получала письма от отца из Болгарии, то использовала сведения из них. В 1937 году (приблизительно) она говорила, что отец, работая врачом в Болгарии, живет хорошо, а в Советском Союзе врачи работают много (далее следует приводимый ранее рассказ о том, что они себе ничего позволить не могут. Кто-то выделил эти слова длинной линией на полях). Далее она рассказывает о том, как в 1934 году сообщила Григорьеву (текст плохо различим, однако имеет такое же выделение линией на полях). Тем не менее, отвечая на последний вопрос, она сообщает, что антисоветских разговоров ни с кем не вела, рассказала все и больше ничего сообщить не может.

Таким образом, Савицкая фактически призналась в антисоветской агитации, несмотря на последние слова, что она ее не вела. Разумеется, если все формулировки ее слов на допросе в точности воспроизводят ее слова.

Оперуполномоченный Ляшко решил исследовать письма отца к дочери и решил изъять пришедшее на почту письмо из Болгарии. Письмо было изъято, но к делу не приложено и в дальнейшем в деле не фигурирует, хотя документ указывает на приложение письма к делу.

10 января 1939 года следователь постановил, что гражданина Савицкую, согласно материалов дела, изобличается в преступлении, предусмотренном ст. 54-10 (присутствуют ссылки на приведенные показания Пущенко и Григорьева, что она изобличается показаниями этих свидетелей и очными ставками с ними). Вину свою признала. Следственное дело № 127808 передается прокурору для предания суду.

С этим постановлением согласился начальник следственной группы Титов и утвердил замначальника УНКВД Поляков.

11 января 1939 года дело было передано в Полтавский областной суд, слушание дела обязательно в присутствии прокурора. Савицкая продолжала находиться в следственной тюрьме (уже почти год).

4 февраля 1939 года Полтавский областной суд в лице председательствующего Кальницкого, народных заседателей Деревянко и Гайдаренко в присутствии прокурора Руденко и защитника Циплухина рассмотрели дело Савицкой. Кстати, она признается происходящей из дворян. Заседание шло в закрытом режиме. Савицкая вину свою не признала, заявив, что никаких контрреволюционных разговоров не вела. И никогда не говорила, что за границей живут лучше. Отцу она писала про семью и проблемы с ребенком, который утратил глаз при травме.

При допросе свидетеля Григорьева тот заявил, что у него очной ставки с Савицкой вообще не было. А свидетель Пущенко сообщил, что не слышал от обвиняемой контрреволюционной агитации. На очной же ставке свидетель текста протокола не видел, его ему читал следователь. Прокурор сообщил, что дело нуждается в направлении на доследование, поскольку имеется такое вот несовпадение данных предварительного и судебного следствий.

Зашитник с этим не согласился, и предложил рассматривать дело по сути, а материалы свидетелей отправить следствию для выяснения правильности показаний. Суд удлился в совещательную комнату. Вернувшись оттуда, суд постановил направить дело Савицкой на доследование. В решении было отражено несовпадение показаний свидетелей в разное время и наличие отмеченных выше дописываний к тексту, причем дописанные строки отражали наиболее яркие проявления антисоветской агитации.

Предварительные итоги дела таковы, что Савицкая находится уже почти год в заключении, но дело на нее не выдержало рассмотрения ни в Особом Совещании, ни в областном суде.

Ляшко взялся за дело снова и 9 марта снова допросил свидетеля Пущенко. Тот подробно рассказал о семье Савиц-

кой и ее отце, но все время добавлял, что сведения о ней он слышал, но сам не всегда знает лично об этом. Отношения у них с обвиняемой были нормальными, но близких отношений не было. Нового он смог добавить, что отец ее до революции врачом не работал, а жил за счет средств от сдачи земли в аренду. О службе Савицкой медсестрой у белых он заявил, что об этом «слышал, как будто». Факт переписки отца и дочери свидетель подтвердил и даже видел какие-то снимки из Болгарии, но на этом допросе ему ни одного вопроса про антисоветские высказывания задано не было, и сам он про это промолчал.

Снова вызванный свидетель Онищенко знал обвиняемую с 1910 года, но большая часть сведений о доходах и дореволюционных обстоятельствах семьи слышана им от прислуги фон Гарниеров в те времена. С Савицкой он никогда в разговоры не вступал. Еще он добавил, что фон Гарниер был до революции довольно известен в Полтаве и все его называли «барином».

14 марта оперуполномоченный Ляшко принял решение об изменении меры пресечения и освобождении ее из тюрьмы без обязательств. И вышестоящие начальники согласились и утвердили это решение.

14 марта 1939 года Ляшко подготовил постановление о прекращении дела, где отметил, что поскольку свидетели, давшие показания о контрреволюционной деятельности Савицкой, впоследствии от них отказались, заявив о том, что им ничего про это неизвестно, а два других свидетеля контрреволюционную деятельность еще и ранее не подтвердили, то, коль достаточных данных для обвинения Савицкой не добыто, она подлежит освобождению, а дело сдаче на хранение. 14 марта она была освобождена, и изъятые документы ей были возвращены.

19 сентября 1939 года и. о. прокурора Полтавской области, оценив материалы дела, пришел к такому же выводу о прекращении дела, потому постановил: дело прекратить и передать в архив.

Дело Нонны Савицкой велось в основном на русском языке, за исключением материалов заседания Полтавского област-

ного суда, делопроизводство в котором велось на украинском языке. Большая часть бумаг заполнена от руки, от чего они не всегда читаемы, есть несколько машинописных страниц и отпечатанных в типографии бланков с заполнением их от руки (обычно это бланки ордеров или первые листы протоколов допросов, дальнейшие листы уже записывались от руки).

Вообще дело производит ощущение его неполноты, чему способствует отсутствие документов в период между арестом и первым протоколом допроса. Затем в деле зияют такие же лакуны. К сожалению, нет информации, проводились ли следственные действия с ней в этот период, или следствие было занято чем-то другим. Последнее весьма вероятно, так как следственный аппарат Полтавского УНКВД в 1938 году активно работал, вследствие чего просил в этом же году об увеличении лимитов на проведение дел по первой категории, на что получил ответ: «Лимитов нет и больше не будет». Впрочем, коль в деле нет данных об окончании дела и отправки бумаг в Особое Совещание, то вполне правомочен вывод о его неполноте.

Следствие велось Пинчуком долго и безрезультатно, поскольку дело не принято Особым Совещанием и возвращено обратно. Качество проведения можно оценить как недостаточно полное, поскольку были опрошены как свидетели только соседи, а сослуживцы – нет. Исследование писем отца из Болгарии, как ранее имевшихся, так и оставшихся на почте, пришло в голову только Ляшко. В записях имеется множество как орфографических ошибок, частично отмеченных выше, так и фактических. Отмечается множество неточностей в данных о семье обвиняемой, так же отраженных выше.

Есть основания подозревать подлог из-за наличия двух дописок к основному тексту, содержащих наиболее яркие сведения об антисоветской агитации. В других делах УНКВД по Полтавской области при последующих проверках свидетели отмечали, что формулировки следователем были вписаны более выразительные, нежели они сами бы сказали, а одна из свидетельниц даже заявила, что она в те годы и не знала таких терминов, какие были употреблены от ее имени.

С учетом слов свидетеля, что ему не проводили очную ставку с обвиняемой и изменениями ими показаний на суде

и доследовании, вывод о частичной фальсификации материалов дела может быть вполне правомерным. Правда, следует сказать, что под этими материалами очной ставки есть подпись свидетеля, не отличающаяся от его других подписей, то следует добавить, что и свидетель подписал, явно не читая подписанное им. Благополучный для тех лет исход его не является единичным. Авторы встречались с подобным исходом в нескольких делах по обвинению в антисоветской агитации, которые рассматривали областные суды в 1939 году.

На страницах дела по-разному охарактеризовано дворянское происхождение Павла Антоновича фон Гарниера и его дочери. История имела продолжение.

На территории Украины сейчас проходит процесс декоммунизации, то есть замены и уничтожения названий и памятников советского периода. И вот тут вспомнили о Павле Антоновиче фон Гарниере, в честь которого была переименована бывшая улица Менжинского. Согласно информации от инициаторов этого шага, отец Савицкой был известным полтавским меценатом, много сделавшим для города. Правда, инициаторы называют Павла Антоновича графом. Тем не менее, переименование вызвало скандал. Уже другая группа инициаторов переименований якобы выявила то, что некий Отто фон Гарниер (1857–1944) являлся генералом Третьего Рейха. Причем, они точно не уверены, что оба Гарниера тождественны, но, и даже в случае нетождественности служивший в ВСЮР Павел Антонович фон Гарниер их все равно не устраивает политически из-за курса Деникина на восстановление «единой и неделимой» [3].

По этому поводу можно сказать следующее, что бывший командир 6 кавалерийского корпуса кайзеровской армии Отто фон Гарниер явно нетождественен российскому военному врачу Павлу Антоновичу фон Гарниеру. Но следует отметить сохраняющуюся в Полтаве традицию путаницы в биографиях своих знаменитых земляков.

Тем не менее, улица имени фон Гарниера пока существует. О реальности обладания им графским титулом авторы информации не имеют. Это требует дополнительных изысканий.

Авторы намерены и далее продолжать изучение следственных дел УНКВД в Полтавской области и проводить публикацию результатов работы с ними. Авторы благодарят сотрудников архива СБУ в Полтавской области за предоставление им материалов и доброжелательное отношение к исследователям.

Примечания

1. Дело № 5767 по обвинению Савицкой Нонны Павловны (в 1938-1939 году имело иной номер), архив СБУ в Полтавской области, Украина.
2. Материалы сайта <http://www.agionoros.ru/docs/652.html>
3. Материалы сайта <https://tribuna.pl.ua/news/lyap-dekomunizatoriv-u-poltavi-odnu-z-vulits-nazvali-v-chest-rosijskogo-bilogvardijtsya/>.

Раздел III.

Сословия Российской империи в социально-политической и этнокультурной палитре Юга России и Северного Кавказа

Н.В. Горбунова
(г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Дворянские роды Войска Донского во второй половине XVIII – начале XIX века

Формирование дворянского сословия на Дону растянулось более чем на сто лет: от первого пожалования бригадирским чином Ивана Краснощекова в 1738 г. до издания в 1848 г. указа об уравнении в правах дворянства Войска Донского с дворянством Российской империи. В отличие от российского дворянства, которое формировалось «сверху» по инициативе императоров, путем консолидации в единое сословие разнородной общности служилых людей и старой аристократии, на Дону этот процесс шел «снизу», путем выделения из казачьей среды старшинской верхушки, появления войскового чиновничества (людей, получивших чины регулярной армии), постепенно присваивавшего дворянские права и привилегии. За это время отношение верховной власти к донскому чиновничеству неоднократно менялось. В XVIII в. правительство стремилось привлечь на свою сторону старшину, предоставляя ей армейские чины и привилегии, жаловало российские ордена. В первой половине XIX в. оно неоднократно пыталось ограничить влияние войсковой аристократии, обладавшей огромными земельными владениями на Дону.

К середине XVIII века происходит консолидация донской элиты – 30-40 старшинских родов, в руках которой сосредоточилась военная и гражданская власть в Земле Войска Дон-

ского. Одновременно с этим старшина накапливала у себя значительные земельные владения. Привилегией душе— и землевладения в Российской империи обладало только высшее сословие, поэтому с середины XVIII века донская старшина стремится закрепить за собой права дворянства. В соответствии с законодательством Российской империи получить права потомственного дворянства можно было выслугой обер-офицерского чина, через награждение орденом или императорским пожалованием. Но в этот период времени Войско Донское не входило в систему общероссийского чинопроизводства. Однако, в середине XVIII столетия, некоторые старшины за заслуги стали получать чины регулярной армии. Первым из донских старшин чином армейского бригадира в 1738 г. был пожалован Иван Матвеевич Краснощеков [1], а затем чины армии получили представители родов Фроловых, Себряковых, Ефремовых.

Однако эти пожалования не являлись систематическими, поэтому донская элита стремилась к тому, чтобы не отдельные представители Войска, а вся старшина была уравнена в правах с армейскими чиновниками и получила бы дворянские привилегии. Правительство не могло сразу пойти на уступки притязаниям донской верхушки. Но ситуация изменилась после подавления восстания Е. Пугачева. Большое влияние на императрицу оказал вице-президент Военной коллегии, начальник легкой кавалерии и иррегулярных войск Г.А. Потемкин. Князь видел в лице старшин и богатого казачества прочную опору преобразований управления Войском и в связи с этим считал необходимым пойти навстречу их стремлениям получить равные с великороссийским дворянством права.

В указе от 14 февраля 1775 г. отмечалось, «в правосудное воздаяние похвальной сего Войска к Отечеству службы и храбрых во всех бывших походах подвигов всех Донского войска главных старшин и полковников, которые, будучи в походах и сражениях, командовали полками своими, удостоя, объявить штаб-офицерские чины и на оные пожаловать патенты» [2]. Однако это распоряжение лишь частично удовлетворяло требования донской старшины, которая, стремясь закрепить

за собой привилегии дворянского сословия в полном объеме, выражала недовольство, полагая, что за участие в подавлении восстания Е. Пугачева армейские чины должны быть дарованы всем без исключения казачьим офицерам.

Таким образом, на Дону к концу XVIII в. в составе войскового общества сформировался значительный слой чиновников, то есть людей, получивших чины регулярной армии. К 1796 г. в Войске Донском числилось 206 служащих и отставных генералов, штаб-офицеров (полковников, подполковников, премьер- и секунд-майоров) и войсковых старшин [3].

Важнейшие последствия для формирования дворянского сословия на Дону имело появление указа от 22 сентября 1798 года «О уравнении чинов Войска Донского с регулярными войсками» [4]. В указе на прямую не говорилось о том, что чиновникам Войска Донского даровались права и привилегии высшего сословия. Войсковые чины уравнивались с регулярными «в знак признательности» и с тем, чтобы предотвратить в дальнейшем случаи непочтительного отношения со стороны армейских чиновников к казачьим офицерам. На Дону указ «Об уравнении чинов Войска Донского с регулярными войсками» был истолкован однозначно: донские чиновники посчитали себя принадлежащими к высшему сословию Российской империи обладателями всех привилегий, соответствовавшими этому состоянию. Главными из этих привилегий являлись права на потомственное владение землей и крестьянами.

Дипломы на дворянское достоинство от российских императоров, в которых привилегии высшего сословия закреплялись за главой семьи и всеми его потомками по нисходящей линии, в конце XVIII в. получила лишь небольшая часть представителей донской старшины: первый донской граф Федор Петрович Денисов, Иловайские, Орловы, Платовы, Леоновы – потомки полковника Степана Леонова, Мартыновы – потомки бригадира Дмитрия Мартынова и ряд других семей. В то же время большинство детей войсковых чиновников главным основанием для присвоения себе дворянских прав полагали тот факт, что отец или дед служили в офицерском чине, а, следовательно, на них должно распространяться действие «Табели о рангах».

На рубеже XVIII – XIX вв. на Дону шел процесс формирования сообщества войсковых чиновников, то есть людей, получивших штаб- и обер-офицерские чины регулярной армии. Этот новый социальный слой имел ряд значительных привилегий по сравнению с рядовым казачеством. Из послужных списков хорунжих начала XIX в. видно, что дети чиновников Войска Донского получали первый обер-офицерский чин гораздо быстрее, чем выходцы из казачьих семей. Сыновья генералов и офицеров поступали на службу в возрасте от 15 до 19 лет, а через 3 – 4 года приобретали чин хорунжего. При этом нередки случаи еще более удачной карьеры. Например, сын генерал-майора Иван Иванович Кумшацков 7-й был записан в казаки в 11 лет, а в 20 лет – получил первый обер-офицерский чин. Штаб-офицерский сын Алексей Афанасьевич Кутейников зачислен в полк отца в восьмилетнем возрасте, а уже в 15 лет стал хорунжим. В то же время дети казаков должны были выслужить в урядничем звании от 15 до 20 лет, прежде чем представлялись к производству в хорунжие [5]. Распространяя положения Жалованной грамоты на донских чиновников, войсковая канцелярия – орган местного управления, а не российское правительство, закрепляла за ними преимущества дворянского сословия. Таким образом, пожалование офицерам Войска Донского армейских чинов в конце XVIII в. отделило их в социальном плане от массы рядового казачества, что явилось началом процесса самоорганизации высшего сословия в казачьей среде.

Этому также способствовала и политика М.И. Платова. Начиная с 1804 года, по распоряжению Войскового атамана выборы в войсковую администрацию проводились «сословием чиновников», то есть генералами, штаб- и обер-офицерами [6]. Рядовому казачеству разрешалось избирать своих атаманов и судей только на уровне станиц. В том же году М.И. Платов внес предложение об избрании Войскового предводителя дворянства. Не имея достаточных оснований, закрепленных в государственных законах, донские чиновники начинают считать себя дворянами. Об этом свидетельствует донской историк И.И. Краснов: «станицы наполнились многочисленными штаб- и обер-офицерами, которые стали счи-

таться в дворянском достоинстве» [7]. В.Б. Броневский так описывал обстановку, сложившуюся в Войске в этот период времени: «равенство исчезло, старый быт изменился, и чиновные люди так отдалились от простых казаков, что между ними уже никакой связи, и теперь на Дону считаются чинами и родом с большей спесью, чем где-либо» [8].

Следует отметить, что в конце XVIII – начале XIX вв. на Дону появилось титулованное дворянство. Именным Высочайшим указом от 4 апреля 1799 г. генерал от кавалерии Ф.П. Денисов был возведен в графское достоинство Российской империи. 26 апреля 1801 г. его внуку, полковнику Василию Васильевичу Орлову, было разрешено принять титул родного деда по материнской линии и именоваться впредь потомственно графом Орловым-Денисовым. На основании Высочайшего указа от 29 октября 1812 г. Войсковой атаман М.И. Платов с нисходящим его потомством был возведен в графское достоинство Российской империи [9]. Получение графского титула имело следствием приобретение герба. Согласно указу от 1 января 1798 г. гербы дворянских фамилий, внесенные в «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи», являлись подтверждением принадлежности к высшему сословию, и служили доказательством для соискателей, «отыскивающих дворянство» [10]. В него были включены гербы донских дворянских титулованных и дворянских фамилий – графов Орловых-Денисовых, Платовых, дворян Орловых, Платовых, Ефремовых и Иловайских [11].

Несмотря на появление в среде войсковых чиновников лиц, получивших грамоты на дворянство и гербы, в начале XIX в. правовой статус донских дворян оставался неопределенным. Соответственно, не были точно установлены основания, по которым дети чиновников признавались в правах на потомственное дворянство. Но войсковые органы власти принимали решения о причислении сына того или иного офицера Войска Донского к высшему сословию произвольно, без предоставления всех тех доказательств, о которых говорилось в «Жалованной грамоте дворянству» 1785 г. Так, например, в 1806 г. отставному сотнику Петру Николаеву, показывавшему себя по послужным спискам из казачьих

детей, было выдано свидетельство за подписью генералов и штаб-офицеров Войска, в котором основанием для признания его в праве на потомственное дворянство принималось следующее: «поскольку мы, нижеподписавшиеся, ведаем благородное состояние отца и деда просителя, то посему мы признаем его достойным быть внесенным в родословную книгу дворянства» [12]. Подобные примеры очень характерны для войскового делопроизводства начала XIX в.

В первой четверти XIX в. в различных документах: метрических книгах, журналах войсковой канцелярии в делах о решении имущественных споров часто упоминаются «казаки из дворян». Так называли себя дети войсковых чиновников, которые родились либо до получения отцом обер-офицерского чина, либо до издания указа от 22 сентября 1798 г. Наряду со старшинами и казачьими офицерами, получившими права дворянства, они владели землями и крепостными. Однако правительство считало это нарушением монополии высшего сословия на землю и крестьян, а «казаков из дворян» – частью казачьего служилого сословия [13].

В связи со всеми изложенными фактами, представляется сложным установить численность войскового дворянства на рубеже XVIII – XIX вв. На основании данных, взятых из ежегодных отчетов атаманов, В.М. Кабузан указывал, что к началу XIX века в Войске насчитывалось 2142 потомственных дворянами [14]. Кроме этого, в делах фонда Областного дворянского собрания ГАРО есть сведения о том, что к 1812 г. на Дону насчитывалось до 400 дворянских родов [15]. Эти цифры вызывают сомнение. По всей видимости, они показывают количество людей, которые считали себя потомственными дворянами, но не были официально утверждены в этих правах.

В первый период царствования Императора Александра I вопрос о правах на дворянство донских чиновников не поднимался. Тем не менее, верховная власть приняла ряд мер по ограничению роста численности офицерского состава Войска Донского. 29 сентября 1802 г. Комитет министров утвердил Положение «О новом порядке присвоения офицерских чинов на Дону» [16]. Устанавливался комплект донских пятисо-

тенных полков, в каждом из которых полагалось по одному полковнику, есаулов – 5, сотников – 5, хорунжих – 5. Всего по Войску 80 полковников и по 400 есаулов, сотников и хорунжих. Во внутреннюю службу дозволялось употреблять отставных штаб– и обер-офицеров. 28 мая 1818 г. Император Александр I утвердил положение Комитета министров «О выдаче патентов чиновникам иррегулярных войск». Первоначально Военный совет предлагал оформлять патенты только на действительные армейские чины. Но в дальнейшем было принято решение, что патенты следует выдавать всем казачьим офицерам.

В этот период согласно отчету войскового штаба по Войску Донскому состояло 22 генерала, 38 полковников, 56 подполковников, 95 майоров и войсковых старшин, 1724 есаулов, сотников и хорунжих. Всего 1935 генералов, штаб– и обер-офицеров [17]. Таким образом, за 20 лет (с 1796 г.) численность чиновников Войска выросла почти в 10 раз.

После Отечественной войны 1812 года и заграничных походов император Александр I приступил к наведению порядка в казачьих регионах. Расширение земельных владений верхушки чиновников Дона за счет захватов войсковых земель, на которых они поселяли своих крестьян, несло опасность для боеспособности всего Войска, так как снаряжение казаков обеспечивалось за счет земельных наделов.

Наиболее остро споры по вопросам о дворянстве донских чиновников и их правах на владение землей и крепостными проявились в деятельности комиссии по выработке «Положения об управлении Войском Донским», названной впоследствии Донским комитетом. Возглавлявший комитета генерал-адъютант А.И. Чернышев вносил предложения об устройстве гражданской, хозяйственной, а также поземельной частей Войска. В этой связи затрагивался и вопрос о правах донских дворян на земельные владения. А.И. Чернышев изложил императору свое мнение по поводу распространения дворянства на Дону. Он исходил из представлений о прежнем устройстве Войска Донского с властью круга, выборностью войсковых старшин и общностью земельных владений. «Но теперь простота во нравах, образе жизни и древнее равенство

ослабели, а в продолжение последних пятидесяти лет почти исчезли. Чем более правительство употребляло казаков на службу при армиях, тем приметнее возникало между ними различие и преимущества» [18]. По его мнению, важнейшим событием, которое «породило дворянство, в стране сей дотоле неизвестное», стало издание в 1775 и в 1798 годах указов, уравнявших казачьи чины с армейскими. «Право военного дворянства получили все служащие в Войске офицеры. Многие здешние семейства успели даже исходатайствовать грамоты и гербы на дворянство потомственное». А.И. Чернышев отмечал, что многочисленные войны усугубили ситуацию: «производство в обер-офицеры из урядников и повышение в чины генеральские и штаб-офицерские, частое производство в мирное время за отличия по представлениям и произволу одного атамана послужило поводом к пристрастию и источнику размножению сего сильнейшего класса в Войске». По его мнению, количественный рост такого дворянства грозил Войску ослаблением и даже уничтожением, поскольку был несоразмерен численности самого Войска. «Зло из положения сего истекавшее было столь ощутимо, что неминуемо требовало со стороны правительства решительных мер».

Конечно, А.И. Чернышев прекрасно понимал, что отобрать у донских чиновников дворянские права невозможно, поэтому он считал необходимым «ограничиться употреблением таких только способов, кои бы на будущее время могли останавливать прилив нового и ослаблять прежнее дворянство».

Несогласие с мнением Чернышева высказывал войсковой атаман А.В. Иловайский. Так же, как и его предшественники, он проводил политику, направленную на укрепление положения местного дворянства. Одним из важнейших мероприятий в отношении представителей высшего сословия на Дону в период атаманства А.В. Иловайского стало «приведение в известность дворянских родов Войска Донского». Разбирательство по делам о дворянстве донцов, которое началось в 20-е гг. XIX в., было вызвано несколькими причинами. С конца XVIII в. в российском законодательстве не существовало четко определенных оснований для предоставления потомственного дворянства чиновникам Войска Дон-

ского. Следовательно, не существовало точных сведений о количестве донских дворян и о том, насколько правомерно дети штаб- и обер-офицеров Войска присваивают себе дворянское звание. Но обсуждение на заседаниях Донского комитета вопроса о земельных владениях донских помещиков выявило необходимость уточнения численности дворянства, а, следовательно, правомерности присвоения дворянских привилегий войсковыми офицерами.

Прежде всего, следовало определить юридические основания возведения донских чиновников в высшее сословие, опираясь на имперское, а не войсковое (обычное) право. Это позволило бы признать и закрепить за всеми чиновниками Донского края права и привилегии российского дворянства без каких-либо ограничений. А далее, основываясь на признании государством дворянских прав за донскими чиновниками и на основании имперских законов, можно было требовать закрепления крепостных крестьян и захваченных войсковых и станичных земель. Немаловажное значение имело приобретение без ограничений следующих прав и привилегий российского дворянства: вступать на службу и покидать ее по собственному желанию, свободно выбирать место жительства, распоряжаться движимым и недвижимым имуществом, крепостными и землей, создавать сословные организации, поступать без каких-либо ограничений в учебные заведения Российской империи, выезжать за границу и т.д. Но, данные проблемы могли решить только император и правительство, которые ожидали от Донского комитета под руководством А.И. Чернышева реальных предложений и создания проекта Положения об управлении Войском Донским.

Войсковой атаман распорядился возложить на войсковую канцелярию обязанность привести в известность дворянские роды следующим образом: «каждый дворянин, желающий иметь свидетельство о своем благородном происхождении, входит с прошением о том в Войсковую канцелярию, с представлением актов, доказывающих право его на дворянство и, объясняя в нем, когда и от кого родился, где крещен и записан в метрическую книгу. А войсковая канцелярия приступает к разбирательству актов и исследованию о законном происхож-

дении просителя от тех лиц, от которых производит право на дворянство, на основании узаконений Дворянской грамоты. И выдает свидетельство кому будет следовать из просителей на гербовой бумаге со взысканием печатных пошлин в казну» [19]. На основании этого сыскным начальствам были разосланы предписания, сообщить подведомственным станицам «об уточнении и подтверждении урядниками прав на дворянство» [20]. В результате этой деятельности было установлено более или менее точно, кто из детей и внуков донских чиновников пользуется дворянскими правами на законном основании.

Но только с изданием в 1835 г. «Положения об управлении Войском Донским» за донскими чиновниками были закреплены права и преимущества дворянского сословия. Четко определены основания приобретения дворянского звания. А также полномочия органов дворянского сословного управления при определении прав на принадлежность к высшему сословию детей донских чиновников. С середины 1820-х гг., дети чиновников получают от войсковых властей свидетельства о дворянском происхождении. Утверждаются эти определения правительственные органами – Департаментом военных поселений и Герольдией Сената в конце 30-х – начале 40-х гг. Таким образом, с 40-х годов XIX в. донские чиновники не только могли пользоваться правами и преимуществами российского благородного дворянства, но официально утверждались по законным заслугам в этом звании со своими детьми, внуками и правнуками.

Примечания

1. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным. Новочеркасск, 1894. Т. II, Ч. I. С. 191.
2. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 1-е. Т. XX. Ст. 14251.
3. *Мартинов В.* Донское дворянство и заселение из земель крестьянами. СПб., 1891. – С. 8.
4. ПСЗ. Собр. 1-е. Т. XXV. Ст. 18673.
5. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 341. Оп.1. Д. 374.
6. ГАРО. Ф. 341. Оп.1. Д. 365. Л. 191-192.

7. Краснов И.И. Беспоместные и мелкопоместные чиновники Войска Донского. С. 330.
8. Броневский В. История Донского Войска. Описание Донской земли и Кавказских Минеральных Вод. СПб., 1834. Ч. II. С. 156.
9. Любимов С.В. Титулованные роды Российской империи: опыт подробного перечисления всех титулованных российских дворянских фамилий, с указанием происхождения каждой фамилии, а также времени получения титула и утверждения в нем. М, 2004. С. 105, 124
10. ПСЗ. Собр. 1-е. Т. XXV. Ст. 18302.
11. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч.1–10.СПб., 1799-1836.
12. ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 936. Л. 27.
13. Агафонов А.И. Донское дворянство в конце XVIII – первой половине XIX века. // Проблемы социально-экономической истории и революционного движения на Дону. Ростов-на-Дону, 1992. С. 24
14. Кабузан В.М., Троицкий С.М. Изменение в численности, размещении и удельном весе российского дворянства в 1782 – 1855 гг. // История СССР. 1971. № 4. С. 164.
15. ГАРО. Ф. 304. Оп. 3. Д. 838. Л. 1 об.
16. ПСЗ. Собр. 1-е. Т. XXVII. Ст. 20436
17. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 3806
18. Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 8. СПб., 1896. С. 460.
19. ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 1024. Л. 675–677.
20. ГАРО. Ф. 718. Оп. 1. Д. 29. Л. 1–4.

А.Г. Бурмагин
(г. Краснодар, Российская Федерация)

Дворянский род казаков Непокупных

Казачьи дворянские роды занимают особое место в истории Кубани. Кубанские казаки более двух веков осваивали

дикие степные просторы Причерноморья, участвовали в большинстве войн, которые вела Российская империя, и золотыми буквами внесли свои имена в ратную историю нашего Отечества. Многие из них за боевые заслуги были произведены в офицерские чины, стали кавалерами российских орденов и заслужили дворянство. Громкую славу приобрели во времена Отечественной войны 1812 года черноморские офицеры – дворяне, участники знаменитых конных атак под Бородиным и Лейпцигом – Георгиевский кавалер полковник Федор Бурсак, будущие атаманы хорунжии Алексей Бескровный и Николай Завадовский. Во главе 1-го Сборного конного полка черноморских казаков торжественно вошел в побежденный Париж кавалер многих российских и иностранных орденов, подполковник Данила Плохий.

Неувядаемой славой покрыли себя под стенами Севастополя во времена Крымской войны черноморские пластуны: Георгиевские кавалеры, подполковники Беднягин и Головинский. Кубанские пластуны – есаулы Баштанник и Прус отличились при обороне Шипки. Сотня 2-го Кубанского казачьего полка есаула Барыш-Тыщенко первой вошла в освобожденную Софию во времена Русско-турецкой войны 1877–1878 годов.

В годы Русско-японской войны в кавалерийских рейдах генерала Мищенко участвовали казаки 1-го Екатеринодарского конного полка полковника Дмитрия Емельяновича Непокупного, за боевые подвиги награждённого Георгиевским золотым оружием с надписью «За храбрость». В годы Первой мировой войны его родной племянник Константин Гаврилович Непокупной, хорунжий 1-го Линейного казачьего полка за взятие в конной атаке вражеской батареи также был удостоен этой высокой награды. О древнем дворянском роде кубанских казаков Непокупных мы расскажем в этой статье.

На 1 января 1914 года в Кубанской области числилось 278 станиц, в их числе станицы Таманского отдела Петровская и Анастасиевская, среди основателей которых были казаки Непокупные.

С переселением черноморских казаков на Кубань в 1792–1793 годах сразу же обнаружилась малочисленность нового войска, как для заселения обширного края, так и для охраны его границ. Уже в первой четверти XIX века Россий-

ское правительство предпринимает ряд мер по увеличению численного состава Черноморского казачьего войска за счет переселения малороссийских казаков. Самое крупное из них осуществлялось в 1821–1825 гг. Всего за это время было переселено 48382 человека обоего пола, выходцев из Черниговской и Полтавской губерний. Переселенцы размещались как в старых черноморских куренях, так и в новых селениях. Одно из них было основано в 1822 г. (по другим сведениям в 1823 г.) у Терновского поста близ реки Черная Протока. Первоначально новое поселение было названо Терновским, позже переименовано в Петровское куренное селение, а в 1842 году в станицу Петровскую. Станица известна тем, что в ней, в семье войскового старшины Григория Науменко, 25 февраля 1883 года родился будущий атаман Кубанского казачьего войска за рубежом генерал-майор, кавалер Георгиевского оружия Вячеслав Григорьевич Науменко.

Среди первопоселенцев казачьей станицы Петровской исторические документы называют нам имя Ивана Непокупного (в ряде документов встречается и другое написание этой фамилии – Непокупный). Фамилии Непокупной нет в первой переписи черноморцев 1794 года, проведенной по указанию кошевого атамана Захария Чепеги поручиком Миргородским [1]. Из этого факта мы можем сделать вывод о том, что казаки Непокупные переселились на Кубань не в составе первопоселенцев Черноморского казачьего войска, а несколько позднее. Вероятнее всего, они прибыли в составе семей малороссийских казаков, переселенных в Черноморию по ходатайству генерала А. П. Ермолова в 20-х годах XIX века. Это подтверждается фактом упоминания фамилии Непокупной в составе основателей станицы Петровской.

К сожалению, мы не смогли разыскать сведений, относящихся к малороссийскому периоду жизни Ивана Непокупного. Из дошедших до нас документов известно о трех сыновьях Петровского казака – Тарасе, Емельяне и Андрее Ивановичах. Все были добрыми казаками, отличились в службе и заслужили офицерские звания.

Известно, что Емельян получил чин войскового старшины, Тарас был есаулом, Андрей также был офицером 2-го

Таманского полка. Емельян Иванович вышел в отставку не позднее 1871 года, так как на сентябрь 1871 он уже числился «войсковым старшиной в отставке». Тарас Иванович также вышел в отставку в 70-х годах XIX века.

Далее единый род Непокупных был разделен на две основные ветви – войсковой старшина Емельян Иванович Непокупной со своей семьей остался жить в станице Петровской, а есаул Тарас Иванович Непокупной с семьей переселился во вновь образованную станицу Анастасиевскую. Таким образом, дальнейшая история казачьего рода Непокупных делится на две линии – Анастасиевских Непокупных – Тарасовичей, и Петровских Непокупных – Емельяновичей.

Согласно спискам земель частного владения лиц войскового сословия Кубанского казачьего войска по Екатеринодарскому и Темрюкскому отделам на 1875 год отставной войсковой старшина Емельян Иванович Непокупной владел 349-ю десятинами земли, расположенной в 10,5 верстах к югу от станицы Петровской, в том числе удобной – 228 и неудобной земли – 121 десятина. 21 августа 1876 года земля была продана жене вице-губернатора Кубанской области, Действительного статского советника А.Ф. Николич. В купчей крепости на землю было указано, что «земля наследственная, стоимость 10 рублей 92 копейки за десятину, всего уплачено за землю 2490 рублей». На 1886 год на участке имелось 5 владельческих строений. Пахотная земля 228 десятин была отдана в аренду иногородним по цене 3 рубля 50 копеек за десятину, то есть за 798 рублей в год, что было выше годового жалованья младшего казачьего офицера.

Петровские Непокупные – Емельяновичи, отличились на военной службе. У войскового старшины Емельяна Ивановича Непокупного было два сына – Гавриил и Дмитрий. Определением Ставропольского дворянского депутатского собрания по Кубанской и Терской областям от 23 сентября 1871 года Емельян Иванович и оба его сына были удостоены потомственного дворянства. Указом Правительствующего Сената по департаменту герольдии от 23 сентября 1872 г. за № 6876 это определение было утверждено. Все они были занесены во вторую часть дворянской родословной книги по Ставропольской губернии Кубанской и Терской областям.

Наибольшую известность получил младший сын Емельяна Ивановича – Дмитрий Емельянович Непокупной. Он родился в станице Петровской 12 февраля 1854 года. В двадцать лет, в 1874 году, поступил на военную службу рядовым казаком в 1-й Таманский конный полк Кубанского казачьего войска. В двадцать три года, в апреле 1877 года, закончил Ставропольское казачье юнкерское училище и получил свой первый офицерский чин хорунжего. В составе 2-го Таманского полка принимал участие в Русско-турецкой войне 1877-1878 годов. С 1890 года проходил службу в Урупском конном полку. В 1893 году закончил офицерскую кавалерийскую школу.

В мае 1904 года полковник Непокупной был назначен командиром 1-го Екатеринодарского казачьего полка, дислоцированного в столице Кубани – Екатеринодаре, сменив на этом посту прославленного в будущем кавалерийского военачальника, генерала от кавалерии Хелмицкого. С Екатеринодарским полком он выступил на Дальневосточный театр военных действий. За личную отвагу и умелое командование полком в боях с японцами был последовательно награжден орденами Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом и Святого Владимира 3-й степени с мечами. Высочайшим Приказом от 14 июня 1906 г. за личное мужество, проявленное в боях с противником, ему было пожаловано Золотое Георгиевское оружие с надписью «За храбрость». Полк за боевые заслуги был награжден Георгиевским знаменем.

8 марта 1908 года Наказной атаман Кубанского казачьего войска, генерал-лейтенант М. П. Бабыч в своем приказе объявил: «Счастлив поделиться с родным мне войском объявляемым при этом в копии заключением бывшего Главнокомандующего войсками Дальнего Востока, генерал-адъютанта Линевича, данным по поводу представления 1-го Екатеринодарского Кошевого Атмана Чепеги полка к награждению Георгиевским штандартом за выдающиеся отличия всего полка в бою 7 мая 1905 года и 2-й и 3-й сотен этого же полка Георгиевскими серебряными трубами за отличие в бою 18 июня того же года. Родной наш 1-й Екатеринодарский полк прибыл, хотя и поздно, на театр военных действий, но,

тем не менее, успел своей геройской и отважной службою поддержать седую боевую славу и честь Кубанского казачьего войска, рыцарская доблесь коего трудами наших дедов и отцов и волею монархов украшена уже многими боевыми лаврами».

В 1910 году Д.Е. Непокупному был присвоен чин генерал-майора, а в 1913 году, отдав военной службе почти 40 лет, он вышел в отставку. Дмитрий Емельянович был прекрасным наездником, состоял старшим членом Кубанского скакового общества. Кроме вышеперечисленных наград, генерал Непокупной был награжден орденами Св. Анны 2-й и 3-й ст., Св. Станислава 2-й и 3-й ст., а также персидским орденом «Льва и Солнца» 4-й степени. Умер в Екатеринодаре 20 октября 1918 года [2].

Его старший брат, Гавриил Емельянович Непокупной, проходил службу в Таманском конном полку Кубанского казачьего войска. В 1894 году в чине подъесаула был отправлен на льготу и в течение пяти последующих лет числился по Кубанскому казачьему войску. В 1899 году подъесаул Г.Е. Непокупной был снова призван на действительную службу, которую проходил в 4-м Кубанском пластунском батальоне.

В Кубанском казачьем войске большую известность приобрел его сын – Константин Гавриилович Непокупной (1893–1972 гг.). Когда началась Великая война (1914-1918 гг.), он, в чине хорунжего, служил младшим офицером 2-й сотни 1-го Линейного генерала Вельяминова полка Кубанского казачьего войска. 10 августа 1914 г. в бою у деревни Джурин его сотня в конном строю атаковала австрийскую батарею. Молодой офицер с двумя казаками первым ворвался на позиции противника и обеспечил успех атаки. За этот подвиг Высочайшим Приказом от 11 октября 1914 года он был награжден Золотым Георгиевским оружием с надписью «За храбрость». В 1916 году подъесаул Непокупной отличился, командуя отрядом особого назначения 2-й Сводной казачьей кавалерийской дивизии.

В годы Гражданской войны (1918–1920 гг.) К.Г. Непокупной принял активное участие в Белом движении. В составе отряда полковника С. Г. Улагая участвовал в Ледовом

(1-м Кубанском) походе. С 1919 года в чине полковника, командовал 2-м Черноморским полком Кубанского казачьего войска. После окончания Гражданской войны ушел в эмиграцию – вначале жил на острове Лемнос, затем переехал в королевство Югославия. Скончался 9 января 1972 года в Лос-Анжелесе (США).

О подвиге, совершенном хорунжим Непокупным в ноябре 1914 года, писал популярный журнал того времени «Искры»: «Находясь в боевом разъезде с двумя казаками 10 августа в бою при г. Бучаче и увидев, что полк пошел в атаку на неприятельскую батарею, хорунжий Непокупной кинулся с двумя казаками вперед, ворвался на батарею, перебил прислугу, как у орудий, так и у зарядных ящиков, числом до 9 человек, чем много способствовал захвату батареи и уничтожению ее прислуги [3].

Награждение Золотым холодным оружием с надписью «За храбрость» и темляком из Георгиевской ленты официально приравнивалось к награждению орденом Святого Георгия Победоносца. С 1845 года кавалеры орденов Св. Владимира и Св. Георгия любых степеней получали права потомственного дворянства, в то время как для других орденов требовалось награждение высшей 1-й степенью.

Как говорилось выше, Тарас Иванович Непокупной с семьей в 1865 году переселился во вновь образованную станицу Анастасиевскую.

Первыми жителями станицы Анастасиевской были крестьяне Воронежской губернии и казаки Майкопского и Баталпашинского уездов Кубанской области, а также жители соседних станиц – Староджерелиевской и Петровской.

На 1917 год население Анастасиевской составляло 10531 душ обоего пола, в том числе 5240 мужского и 5291 женского, 1667 хозяйств, из них 1333 в самой станице, остальные – в хуторах, из которых наиболее крупными были Ханьковский, Свистульчиково, Коваленко, Шапарева, Староредутский, Цокур, Собневский и Три Кубанские [4].

Известным уроженцем Анастасиевской был последний председатель Кубанского краевого правительства и исполняющий обязанности атамана Кубанского казачьего войска в мае-ноябре 1920 года В.Н. Иванис.

Глава Анастасиевского рода Непокупных – есаул Тарас Иванович Непокупной, был женат и имел в браке семерых детей. Он умер между 1875 и 1886 годами, так как, по имеющимся сведениям, 23 июля 1875 года ему в частную собственность была выделена земля в юрте станицы Анастасиевской, а в списке лиц войскового сословия, владевших землей в Темрюкском уезде на 1886 год, значится уже его вдова Мар. Непокупная, владеющая землей вместе с детьми.

Анастасиевским Непокупным – Тарасовичам, принадлежал земельный участок площадью в 252 десятины и 300 саженей (1 сажень равнялась 2,134 метра). Участок располагался «при безымянном ерике, с левой стороны, в 12 верстах к северо-западу от станицы Анастасиевской». 180 десятин пахотных земель из своего надела Непокупные сдавали в аренду темрюкскому мещанину по цене 1 руб. 28 коп. за десятину или 140 рублей в год [5].

Определением Ставропольского дворянского депутатского собрания по Кубанской и Терской областям за № 42 от 20 августа 1875 года за старшими сыновьями есаула Т.И. Непокупного – Василием и Митрофаном, была признана принадлежность к дворянскому сословию. Указ Правительствующего Сената от 7 июня 1876 г. за № 2577 утвердил это определение. Оба они были занесены во вторую часть дворянской родословной книги по Ставропольской губернии с Кубанской и Терской областями. [6]

Согласно «Жалованной Грамоте» Императрицы Екатерины II российскому дворянству от 21 апреля 1785 года дворянские родословные книги велись во всех губерниях Российской империи и в них навечно вписывались все потомственные дворянские роды губерний. Во вторую часть заносилось военное дворянство, заслужившее это право своей службой по защите Отечества. Начиная с 1856 года, право на потомственное дворянство получали только офицеры, достигшие чина полковника и выше.

Необходимо отметить, что на 1 января 1915 года в Кубанской области насчитывалось 9330 дворян, включая членов их семей, что составляло 0,3 процента от общего количества – 2 881485 человек, проживающих в области.

У нас нет сведений о присвоении потомственного дворянства старшему Непокупному – Тарасу Ивановичу, в отличие от его родного брата Емельяна Ивановича, который с сыновьями стал потомственным дворянином еще в 1871 году, но вместе с тем известно, что Тарас Иванович имел офицерский чин есаула, а значит, имел право на дворянский титул.

Согласно законодательству Российской империи, начиная с 1722 по 1845 год, потомственное дворянство давалось за выслугу всем находящимся на военной службе, имеющим обер-офицерские чины, а также при награждении любым орденом Российской империи. В 1845–1856 годах, согласно Манифесту «О порядке приобретения дворянства службою», это право получали только имеющие чин, начиная с майора (у казаков – войскового старшины, с 1884 года – есаула). С 1856 года личное дворянство давалось с IX класса «табели о рангах» (есаул, с 1883 года – подъесаул), потомственное – с VI класса по военной службе (полковник) и с IV класса – по гражданской (действительный статский советник), а также награжденным орденами Святого Георгия, Святого Владимира любых степеней и первыми степенями других орденов.

Таким образом, можно предположить, что Тарас Иванович Непокупной получил офицерский чин после 1845 года, а звание есаула после 1856 года и, соответственно, получил не потомственное, а личное дворянство.

С 1856 года личное дворянство получалось за личные заслуги и начиналось с IX класса (в казачьих войсках до 1883 года – есаул), но оно не передавалось по наследству и поэтому не заносилось в родословные книги. Личное дворянство передавалось браком от мужа к жене, но не передавалось детям и потомству. Вероятнее всего, именно поэтому Тараса Ивановича Непокупного не было в Списке дворян, внесенных в дворянские родословные книги по Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областей. Его брат, Емельян Иванович Непокупной, имел чин войскового старшины, что равнялось VIII классу, который он получил до 1856 года и, соответственно, имел право на потомственное дворянство, которое и получил в 1871 году. Потомственное дворянство передавалось по наследству и в результате брака по мужской

линии – каждый дворянин сообщал своё дворянское достоинство жене и детям.

Что же касается старших детей Тараса Ивановича Непокупного, то они получили потомственное дворянство в 1875 году на основании того, что имели на это право при достижении совершеннолетия, если «отец и дед ходатая состояли «бесспорочно» на службе в чинах, приносивших личное дворянство, не менее 20 лет каждый».

На основании этого положения мы можем сделать вывод о том, что дед Василия и Митрофана Тарасовичей – основатель кубанского рода Непокупных – Иван Непокупной, также был офицером, хотя и не имеем этому прямых подтверждений.

К 1909 году семья Непокупных, в которой кроме старших сыновей Тараса Ивановича – Василия и Митрофана, были младшие: Андрей, Дмитрий, Алексей и дочь Домна, владели 150 десятинами земли в окрестностях станицы Анастасиевской. Очевидно, остальную часть отцовского надела к этому времени пришлось продать [7].

У старшего сына есаула Непокупного – Василия Тарасовича, было четыре сына – Иван, Трофим, Тимофей и Илья. Определением Ставропольского депутатского дворянского собрания по Кубанской и Терской областям за № 42 от 14 апреля 1903 г. дворянство было признано за старшими братьями – Иваном и Трофимом, а спустя 7 лет, 28 мая 1910 года, дворянское звание обрели и их младшие братья [8].

Сам Василий Тарасович Непокупной, отслужив срочную службу в Таманском казачьем полку, получил чин урядника, однако отказался от дальнейшей военной карьеры и занялся хозяйством. Он дал хорошее образование своим детям, все они добились успехов в служебной и хозяйственной деятельности. Известно, что его старший сын – Иван Васильевич Непокупной, на 1915 год имел чин коллежского секретаря и работал делопроизводителем Кавказского отделения крестьянского поземельного банка в г. Екатеринодаре, который находился в доме Азвестопуло на ул. Гимназической, 41 (управляющий статский советник С. Михайлов) [9]. Его невестка – Елена Павловна Непокупная, была заведующей Ханьковским смешанным 2-х классным училищем [10].

Начавшееся в 1917 году «смутное время» нарушило дальнейшее поступательное развитие казачьего рода Непокупных, как и большинства других казачьих родов Кубани и России. Гражданская война расколола казаков на «красных» и «белых», на казаков-эмигрантов и тех, кто остался на своей земле, но в скором времени подвергся «расказачиванию». В эти кровавые годы казакам был нанесен сокрушительный удар, однако еще больший удар был нанесен им в годы коллективизации, когда казаки лишились основы существования казачьей жизни – своей кровью и потом заработанной земли. Десятки тысяч кубанских казаков были «раскулачены», физически уничтожены или высланы из своих станиц.

Эта участь постигла оставшихся в живых в годы лихолетий потомков одного из основателей станицы Анастасиевской – Тараса Ивановича Непокупного. В 30-е годы, в связи с созданием колхозов и обобществлением собственности, стали уничтожать многочисленные казачьи хутора. Среди них был и родовой хутор Непокупного, который находился юго-западнее станицы Анастасиевской. Имущество было изъято, земли отданы колхозу, а хозяева хутора репрессированы. Хутор Непокупного навсегда исчез из топонимики Кубани.

После осуществления кровавого передела о казачестве забыли на долгие десятилетия, но оно, невзирая на все страдания, вновь возродилось из пепла. Уже более двадцати лет на Кубани существует возрожденное Кубанское казачье войско. По крупицам воссоздаются казачья история, обычаи и традиции. Вновь открываются забытые имена кубанских казаков – героев и тружеников, которые завоевали и освоили земли нашей благодатной Кубани.

Примечательно, что в сегодняшнем Екатеринодаре-Краснодаре живут прямые наследники известного кубанского рода Непокупных – это Владимир Иосифович Непокупной, по прямой отцовской линии внук Трофима Васильевича, правнук Василия Тарасовича и праправнук есаула Тараса Ивановича Непокупного – родоначальника Анастасиевской ветви Непокупных, а также его сын Андрей Владимирович Непокупной – генеральный директор ОАО «Кубаньпассажиртранссервис» и его дети.

Примечания

1. Первая перепись казаков-переселенцев на Кубань в конце XVIII века: истор. документы. Краснодар. 2006.
2. Казачество. Энциклопедия / Под ред. А.П. Федотова. М. 2008. С. 387.
3. Искры. Иллюстрированный художественно-литературный журнал. 1914. № 47. 30 ноября.
4. Алфавитный список дач и населенных пунктов Кубанской области по данным переписи 1917 года. С.91
5. Темрюкский уезд. Земли частного владения лиц войскового сословия Кубанского казачьего войска // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1894. Т. III. Ст. 11. С. 18.
6. Список дворян, внесенных в дворянские родословные книги по Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областей с 1795 по 1 декабря 1912 г. / Составлен Ставропольским дворянским депутатским собранием по постановлению очередного губернского собрания, состоявшегося 16 декабря 1909 г. Ставрополь, 1912. С. 55.
7. Список землевладельцев Кубанской области и Черноморской губернии по данным уездных (окружных) по раскладке поземельных сборов присутствий. За 1909 – 1911 гг. С. 307.
8. Список дворян, внесенных в дворянские родословные книги по Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областей с 1795 по 1 декабря 1912 г. С. 55.
9. Кубанский календарь на 1915 год. – Екатеринодар, 1915. С. 152.
10. Там же. С. 256.

Г.-Р.А.-К. Гусейнов
(г. Махачкала, Российская Федерация)

Кумыки и чеченцы – потомственные российские дворяне Терской области в контексте вопроса об их этнической принадлежности

Сравнительно недавно было высказано мнение о том, что «потомственных дворян чеченской национальности» перепись 1897 г. зафиксировала в количестве 118 человек. Почти половина из них (49,15 %) проживала в г. Грозном (31 человек) и Грозненском округе (27 человек), в г. Владикавказе – 23 человека и Сунженском округе – 31 человек. Однако при этом в их число включаются и князья-кумыки из с. Брагуны и из исторически кумыкских надтеречных селений нынешней Чечни, как, например, капитан Кучук Турлов из Верхнего Наура, отставной майор Арсланбека Таймазов из Брагунов, Эльмурза Арсамеков и Будайхан Мусаев из Нового (Баммат) Юрта. Создается впечатление, что данный автор относит к чеченской национальности всех этнически нерусских лиц – представителей данного сословия, проживавших на 1897 г. в пределах указанных административных единиц. Тем более, что в отношении их им указывается, что специальная комиссия по разбору сословных прав после тщательного изучения вопроса, пришла к общему выводу, что «...так называемые брагунские и надтеречные князья» должны быть, по всей справедливости, несмотря на отсутствие документальных подтверждений, причислены к одной категории с князьями кумыкскими. В связи с чем, они должны были получить те же права и преимущества, которыми пользовались кумыкские князья, в частности, им должны были оставить во владении их родовые земли. Однако к выводам этой комиссии власть не прислушалась, т.к. ей это было экономически и политически невыгодно» [1].

Действительно, согласно переписи 1897 года, дворян в Кубанской области и Ставропольской губернии насчитывалось 20264 человека, или 0,72% от общей численности. Среди

собственно кавказских народностей численно особенно выделялись три группы дворян – из черкесов, а также турецко-татарских и закавказских (армяне и грузины) народов (в среднем группы по 3%). Примерно по 1,5% от общей численности дворян приходилось на долю осетин, карачаевцев, менее чем по 1% – на чеченцев, ногайцев и пр. Среди личных дворян из представителей народов Кавказа выделялись осетины, армяне, черкесы и чеченцы. Основой северокавказского дворянства стал офицерский корпус. Однако поскольку грамотные горцы составляли небольшой процент населения, в дальнейшем это обстоятельство значительно затруднило их участие и в получении офицерских званий, и в работе административного аппарата. Кроме того, учитывая большое количество претендентов на дворянское звание (порядка 17-18 тысяч), выявленных различного рода сословными комитетами и комиссиями, предоставление им прав дворянства оказалось затруднительным. В итоге, обсуждение вопроса о предоставлении горской знати прав дворянства затянулось более чем на полстолетия. При этом на фоне острых споров в правящих кругах, в конечном счете, он так и не получил четкого разрешения [2].

Предварительно следует иметь в виду, что с 1845 года для включения в потомственное дворянство требовалось: для военных – VIII класс (чин майора) и для гражданских чиновников – V класса (статского советника) и за награждение орденами: Святого Георгия и Святого Владимира любой степени и первыми степенями орденов Святой Анны и Святого Станислава. Лица, получившие чин IV класса или полковника не на действительной службе, а при выходе в отставку, признавались личными, а не потомственными дворянами; пожалованием ордена — при пожаловании ордена Святой Анны II, III или IV степени в любое время после 22 июля 1845 года, Святого Станислава II или III степени в любое время после 28 июня 1855 года, Святого Владимира IV степени в любое время после 28 мая 1900 года. С 1856 по 1917 гг. дворянство стало даваться дослужившимся до чина армейского полковника или флотского капитана 1 ранга (VI класс) и действительного статского советника (IV класс). Тем самым с се-

редины XIX века главным путём получения дворянства стало получение ордена. Чаще всего дворянство приносил орден Святого Владимира 4-й степени, который массово жаловался гражданским чиновникам VII класса по выслуге лет, а также за благотворительные пожертвования. С 1900 года, начиная с третьей степени [3].

При этом автором не было учтено, что в списке дворянских родов, внесённых в Родословные книги Дворянского Депутатского собрания Ставропольской губернии, к лицам рассматриваемой этнической принадлежности, обладающим соответствующим статусом, могут быть отнесены к военному дворянству, приобретенному чином военной службы: Дыдымовы (1819 г.), Аджиевы (1852 г.-?) и Чермоевы (1899 г.) [4], чеченская этническая принадлежность которых не вызывает сомнений. Сюда же следует включить Пензулаева из «Списка дворян, внесенных в дворянские родословные книги Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областей с 1795 года по 1 декабря 1912 года (Ставрополь, 1912) согласно постановлению Ставропольского Губернского дворянского собрания от 16 декабря 1909 года[5].

Наиболее ранним из них является упоминание Дыдымова (Василия), который был из моздокских кабардинцев или кумыков, православным. В чине майора, дававшем ему право на потомственное дворянство, к 1823 г. командовал Кавказским полком с местом дислокации в Усть-Лабинской крепости. Надо полагать, что этот статус он получил в 1819 г. (см. выше). Цитированный источник свидетельствует, что подобные случаи были далеко не единичны, в т.ч. для рассматриваемой эпохи. Ср.: «Таймазов Исламбек Серетин, князь брагунский (кабардинский), 1824 г.р. Капитан, награжден 2 орденами, в 1-м Кубанском конном полку 3-й бригады командовал сотней». Таймазовы были и кумыкскими брагунскими князьями [6].

Сыном Василия мог быть Дыдымов Михаил Васильевич (прим. 1795 – не ранее 1864 г.), полковник (1862 г.), из крещеных кумыков, который уже к началу службы был потомственным дворянином. Владел «русской грамотой», татарско-кумыкским языком. Участник Польской кампании

1830-1831 гг. Награжден знаком отличия Военного ордена под №65052 (1831), знаком польского военного ордена «За военное достоинство» 4-й (5-й) степени (1831), серебряной медалью «За взятие Варшавы приступом» (1831). В офицерском звании хорунжего – с 05.01.1833 г. Сотник – с 04.12.1840 г. К 1840 г. в Горском казачьем полку (станица Екатериноградская) состоял в должности «центрального переводчика». Награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами, Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом (1840/1841), Св. Анны 2-й степени с мечами, Св. Станислава 3-й степени, серебряной медалью «За взятие штурмом Ахульго» (1839). С 07.09.1847-го по 1851 г. – в чине есаула, с 1852 г. – войскового старшины (на основании указа Императора Павла I от 22 сентября 1798 года этот чин соответствовал майору, а в 1885 году был приравнен к чину подполковника) исполнял дела секретаря и медитатора Кабардинского временного суда. В 1852 г. прикомандирован к Кавказскому линейному казачьему войску, исполнял дела пристава Малой Кабарды. Имел свой хутор Дыдымовский близ Моздока [7].

Тем более, что в самом Кумыкском округе Терской области только в 60-80-х гг. XIX столетия числилось из кумыков в строю или на пенсии сравнительно большое число военнослужащих – 42, в основном высших и низших чинов, капитанов и майоров [8]. Не исключено при этом, что к числу первых из вышеупомянутых Аджиевых, упоминаемых с 1852г., относился Аджи-Мустафа-Умаров (Умаров Аджи-Мустафа) (1830–?), полковник, из кумыкских узденей (с. Эндирай). Он воспитывался во II Петербургском кадетском корпусе, военную службу начал в 1847 году, командовал «эскадроном 17 Драгунского Северского Его Величества короля Датского полка». В послужном списке отмечается: «в 1854 и 1855 гг. он участвовал в Крымской кампании». Награды: кавалер орденов «Святого Владимира» 4-й степени, с мечами и бантом, «Святой Анны» 3-й степени с мечами и бантом, «Святого Станислава» 3-й степени с мечами; 15 сентября 1865 г. за отличие в делах против горцев награжден золотой шашкой с надписью «За храбрость», особым крестом «За службу на Кавказе» [9].

Сюда же следует отнести Алибека Пензулаева, который, будучи из узденей, родился в 1823 г. в кумыкском селении Аксай и умер в 1902 г., активном участнике Кавказской войны (1843–1861), командире Гребенского линейного казачьего полка, генерал-майоре кавалерии в отставке, в каковой чин был произведен за военные заслуги (1883). После чего проживал в селении Аксай, где скончался и был похоронен. Был награжден 550-ю десятинами казённой земли и Указом Правительствующего Сената, от 28 декабря 1862 года за № 240 утверждён 1841 году, сразу после окончания военного училища в Санкт-Петербурге. С 1843 года участвовал в военных действиях, после ранения в 1844 году попал в плен, бежал. В 1845 году снова в строю, во всех военных операциях против немирных горцев он проявлял мужество и героизм. За боевые отличия в 1843 г. произведён в поручики, 1844 г. – в штабс-капитаны, 1849 г. – в капитаны, 1851 г. – в майоры, 1857 г. – в подполковники, 1859 г. – в полковники. В 1859 году после плена Шамиля на переговорах князя Барятинского с имамом Алибек Пензулаев был его личным переводчиком. Награжден в 1845 году орденом Святого Станислава 3-ей ст., 1847 году – орденом Святой Анны 3-ей ст., в 1852 году – орденом Святого Станислава 2-ой ст., с мечами, 1856 году – орденом Святой Анны 2-ой ст., 1859 году – Золотой шашкой «За храбрость», 1860 году – орденом Святого Владимира 4-ой ст. с мечами и бантом, в 1862 году – орденом Святой Анны 2-ой ст. с императорской короной и мечами, в 1888 году – орденом Владимира 3-ей ст., в 1901 году – орденом Святого Станислава 1-ой ст.[10].

Из числа собственно чеченцев Указом Правительствующего Сената от 23 декабря 1899 года все представители рода генерал-майора Арцу Чермоева (с 24 сентября 1871 года) были признаны в потомственном дворянстве Российской Империи с записью в ДРК Ставропольской губернии. Сам генерал был награжден Золотой шашкой с надписью «За храбрость» (20 ноября 1851 года). Он был удостоен также орденов Святой Анны 4-ой степени (1849), Святой Анны 3-ей степени с мечами и бантом (1850), Святого Владимира 4-ой степени с бантом (1853), Святого Станислава 2-ой степени с императорской короной и мечами (1858),

Святого Георгия 4-ой степени (1859), Святой Анны 2-ой степени с мечами (1865, императорская корона к ордену – в 1869 году), Святого Владимира 3-ей степени (1874), Святого Станислава 1-ой степени с мечами (1877), Святой Анны 1-ой степени с мечами (1878), Святого Владимира 2-ой степени (1883)[11].

Вместе с тем не оказались включенными в рассматриваемые Родословные книги потомки (сыновья Ибрагим – ротмистр (1874), Ильяс – прапорщик, Иса – поручик и брат Пайзула – капитан, кавалер четырёх георгиевских крестов) генерал-майора (1867) из узденей Касима Курумова. Он родился в 1805 году в кумыкском селении Бекиш-юрт (историческая Малая Кабарда, ныне Кизляр Моздокский район РСО-Алания). Он умер после 1867 года, проживая в городе Грозный. В 1829 году был произведён в прапорщики за отличия в делах против горцев, 1832 году – подпоручики, 1838 году – поручики, 1841 году – штабс-капитаны, 1846 году – майоры, 1852 году – подполковники, 1859 году – полковники, 1867 году – генерал-майоры. Был награжден в 1833 году Золотой медалью с надписью «За храбрость» на Аннинской ленте, 1834 году – орденом Святого Станислава 3-ей степени, 1834 году – бриллиантовый перстнем и серебряной медалью, 1844 году – орденом Святой Анны 3-ей степени, 1849 году – орденом Святой Анны 4-ой степени, 1854 году – Золотой шашкой «За храбрость», 1859 году – орденом Святой Анны 2-ой степени с императорской короной и мечами [12].

Не был включен также в рассматриваемые Родословные и полковник Вагап Аду (1815г. рожд.) из Старого (Толстов)-юрта в нынешней Чечне, в котором еще в 1826 году было представлено чеченское и кумыкское население. Последнее было известно здесь и в 1851г., а также в настоящее время [13].

Причем это село было основано, по одним данным, не позднее 50-х гг. XVIII в., другим – 60-70 гг. того же века кумыкским князем Девлет-Гиреем Черкасским, изгнанным чеченцами из управлявшихся им селений Герменчук и Шали [14]. Жители последнего, еще по сведениям Я. Рейнеггса 1796 г., наряду с Гаджиаулом, Чеченаулом, Атаги и Топли, «чеченского языка разуметь не могут», ибо они «произошли от татарского рода» [15], т.е. являлись кумыками.

Вагап Аду был произведен, будучи прикомандированным к Терскому конно-иррегулярному полку, в данный чин в 1861г. и назначен в 1863г «состоять при Кавказской Армии по Армейской кавалерии». Вышеизложенное подкрепляет уже высказанное нами мнение о его кумыкском происхождении, ибо в 1835г., после пятилетнего обучения в Павловском кадетском корпусе и присвоения звания прапорщика, он был «назначен переводчиком кумыкского языка», но не чеченского. В этой должности он пребывал вплоть до 1860г., когда был в звании подполковника «назначен наибом Большой Чечни» и был награжден в 1860г. Золотой шашкой с надписью «За храбрость» [16].

Он упоминается в 1867 г. в чине полковника в числе владельцев в составе комиссии для освобождения зависимых в Чечне вместе с полковником Касымом Курумовым, майором Шеди Эльмурзаевым (подполковником с 1881г. [17], убитым затем чеченскими абреками в родовом Старом Юрте (см. выше) [18]), муллой Байбулатом Аджиевым и кадием Али Мирзоевым [19]. На аналогичное кумыкское происхождение, подобно, судя по его имени и фамилии, мулле Байбулату Аджиеву, полковника Бата Шамурзаева указывает то, что он являлся владельцем кумыкского села Бата-Юрт Хасавюртовского (кумыкского) округа Терской области (оно было основано в 1792 году на землях князя Ботая Айдемирова, переселенцами из древнего кумыкского селения Эндирай [20]) и уроженцем ныне чеченского села Дади(н)-Юрт [21].

Это село, ныне находящееся в Гудермесском районе Чеченской республики на правом берегу Терека напротив станицы Шелковской, было уничтожено в ходе штурма русскими войсками в 1819 году по приказу генерала Ермолова. В своих записках он указывал, что его жителей «предположил выгнать...с земель Аксаевских, которые занимали они, сначала по условию, сделанному с владельцами, а потом, усилившись, удерживали против их воли» [22].

Действительно, оно входило еще 1806 году в состав кумыкской исторической области Алты Качилык – шести расположенных по правому берегу реки Терека чеченских деревень, которые «принадлежат владельцам аксаевским», будучи «выведенными с давних времен кумыцкими аксаевскими владельцами и поселенными в теперешних местах». Но «от времени до времени

качилыки пользуются слабостями своих владельцев, совсем из послушания их вышли и никаких податей им не платят» [23].

О прошлом, еще в середине XVIIIв., проживании здесь кумыков Эндирийского княжества имеются достоверные исторические свидетельства [24]. И совсем не удивительно, что к числу прежних кумыкских жителей этого села мог относиться и Бата Шамурзаев как один из владельцев не только данного, но села Бата, основанного эндирийскими князьями (см. выше).

Вместе с тем в Списке дворянских родов, внесённых в Родословные книги Дворянского Депутатского собрания Ставропольской губернии, были отнесены к потомственному дворянству, приобретенному чином гражданской службы или пожалованием ордена Чуликовы (1909 г.) и Цутиевые (1899г.) [25]. Автор уже обращался к некоторым аспектам истории последнего рода в рассматриваемом отношении [26].

Однако сведения о нем в доступных источниках носят отрывочный характер. Они ограничиваются обычно упоминанием, например, того, что капитан Ватуш Цутиев получил в вечное и потомственное владение – 225 десятин земли [27], либо фамилии Цутиевых как одного из состоятельных дореволюционных семей Чечни [28, 29].

Подобно Арцу Чермоеву, это пожалование могло быть обусловлено заслугами Улубия Чуликов (1829 г. рожд.), который воспитывался в доме своих родителей, знал «по русски читать и писать». «В службу вступил оруженосцем Лейб-Гвардии в Кавказский горский полуэскадрон» в 1845 г., был произведен в юнкера в 1847 г., был зачислен корнетом «по кавалерии при отдельном Кавказском корпусе» в 1847 г., в 1850 г. был оставлен «при штабе отдельного Кавказского корпуса в должности словесного переводчика». В 1859 г. в звании поручика был назначен переводчиком с русского языка при начальнике Чеченского округа, в 1862 г. – в звании ротмистра – словесным переводчиком при начальнике среднего (?) военного отдела, состоял в 1865 г. по Армейской кавалерии Кавказской армии и был награжден в 1865 г. орденом святого Станислава 3 степени с мечами и бантом [30].

Был также награжден медалями «В память войны 1853-1856» (1856 г.) «За покорение Чечни и Дагестана» (1860 г.), Георгиевской медалью «За храбрость» (1913 г.) и Крестом «За

службу на Кавказе» за активное участие в войне с горцами в 1859-1864 гг. [31]. В звании подполковника милиции упоминается в период восстания 1877г. [32]. После этого в 1878г. уходит в отставку[33]1, надо полагать в звании полковника, что и могло послужить основанием в последующем для включения в потомственное дворянство. Этому могло способствовать награждение орденом святого Станислава 3-ей степени с мечами и бантом, который присуждался за военные заслуги.

В свое время нами уже было высказано предположение о возможности тюркско-кумыкского происхождении и этого рода [34]. Оно поддерживается и тем, что отец Уллубия – пурчик Сулейман Чуликов – был сыном Чулика Киндергеева (Гендаргеноева), политическая деятельность которого приходится на конец XVIII – начало XIX вв. [35]. Это указывает на его принадлежность к тейпу и селу Гендергеной, находящимся в Ножай-Юртовском районе Чечни (Ичкерии, где первые чеченские села упоминаются, начиная с середины XVIII в. [36]). Именно отсюда, надо полагать, последний вывел в 1809 г. несколько именитых горцев и поселился на правой стороне Терека напротив станицы Ищерской и основал село Чулик (Мундар)-юрт (ныне Знаменское), основателем которого считается тейп Гендергеной [37]. Только в такой семье Уллубий Чуликов мог научиться «по– русски читать и писать».

Все это отражает тем самым изгнание переселявшимися с середины XVIII в. на равнину чеченцами из некоторых известных и в настоящее время плоскостных восточночеченских селений, о которых уже говорилось в предшествующем изложении, кумыкских феодалов вместе с податным им кумыкским и чеченским населением. Часть из них создает по правому берегу Терека в течение 50-80-х гг. XVIII в. несколько селений, существующих и в настоящее время [38], к числу которых следует отнести и основанный Чуликовыми села Чулик (Мундар)-юрт.

Эти феодалы традиционно считаются пришлыми, хотя первый чеченский историк У. Лаудаев еще в 1872 г. полагал, что «чеченцы прежде жили в горах и только в начале прошлого столетия (т. е. XVIII века) появились на плоскости» [39]. При этом предшествующее продвижение будущих чеченцев и ингушей XVI–XVII вв. из высокогорья в предгорную зону отно-

сится другими исследователями к XVI–XVII вв. [40], когда на равнине уже было представлено тюркское и русское население.

Примечания

1. *Ибрагимова З.* Царское прошлое чеченцев. Политика и экономика. М., 2009 // http://www.bookz.ru/authors/zarema-ibragimova/carskoe-_859/...С.9, 10.
2. См.: Чикаева К.С. Дворянство Северного Кавказа в пореформенную эпоху: этнодемографическая и социально-экономическая эволюция: 1861–1917 гг. АДД. Славянская-Кубани, 2006 // <http://www.dissercat.com/content/dvoryanstvo-severnogo-kavkaza-v-poreformennuuyu-epokhu-etnodemograficheskaya-i-sotsialno-ekon>.
3. http://www.ru.wikipedia.org/wiki/Российское_дворянство
4. <http://www.goldarms.narod.ru/kawkaz.htm>
5. См. <http://www.forum.vgd.ru/post/401/18331> /р...
6. См.: Горские офицеры и полные Георгиевские кавалеры Кубанского казачьего войска и территории Кубанской области на службе России (конец XVIII – начало XX в.) // <http://www.slavakubani.ru/content/detail.php>...
7. Алиев Камиль. Забытые герои забытых войн России. Еще раз о кумыках – кавалерах Георгиевских наград // Ёлдаш ремена. 04.08.2009.
8. Алиев К. За службу России и храбрость. О героях-кумыках русской императорской армии газета // Ёлдаш. 19.06.2009.
9. Там же.
10. [http://www.ru.wikipedia.org/wiki/Пензулаев,...](http://www.ru.wikipedia.org/wiki/Пензулаев,_Артур)
11. [http://www.ru.wikipedia.org/wiki/Чермоев,...](http://www.ru.wikipedia.org/wiki/Чермоев,_Артур)
12. [http://www.ru.wikipedia.org/wiki/Курумов,...](http://www.ru.wikipedia.org/wiki/Курумов,_Артур)
13. Гусейнов Г.-Р.А.-К., Мугумова А. Русская классическая литература XIX в. и кумыки: образы и прототипы. К постановке вопроса // Материалы международной научной конференции «Проблемы изучения национальных литератур». Махачкала, 2015. С. 405.
14. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974. С.183-184
15. Алиев К. Влияние Золотой Орды на этнос и культуру Кавказа // Материалы Международной научной конференции

ции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». Казань, 2009. С. 48.

16. См. Гусейнов Г.-Р.А.-К. Александр Чеченский и награжденные за участие в Кавказской войне чеченцы-кавалеры военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия: мифы и реальность // Материалы V Международных Дворянских Чтений «Под сенью святого Георгия». Краснодар (Екатеринодар). 2009. С. 84.

17. АУ ПЧР. Ф. 236. Фонд «Коллекция копий документов по истории чеченского народа Государственного архива Республики Северной Осетии-Алании (1860-1916 гг.)». Д.122.

18. Абреики // <http://www.xfilespress.com/abreki.aspx>

19. История народов Северного Кавказа (конец XVIII – 1917 г.). М., 1988. С. 265, 274.

20. Амаев Б. Гори звезда Ботаюрта (история родного села) // <http://www.ru.wikipedia.org/wiki/Батаюрт>.

21. РГАДА. Ф.1354. «Планы дач Генерального и Специального межевания 1765–1917 гг. (коллекция)», 1752-1917 гг. Д. Э-2.

22. Дади-юрт // <http://www.ru.wikipedia.org/wiki/>

23. Ахвердов А.И. Описание Дагестана // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы. М., 1958. С. 227.

24. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сборник документов. М., 1988. С.79, 80.

25. <http://www.goldarms.narod.ru/kawkaz.htm>.

26. Гусейнов Г.-Р.А.-К. Указ. соч. С.86.

27. Ибрагимова З. Мир чеченцев. XIX век. М., 2007. С.22.

28. Тропинка в прошлое. Воспоминания Нуры Цутиевой// <http://www.nana-journal.ru›home/661-path-to-past.html>.

29. Именитые купцы Мациевы и их потомки. ЖЗЛ// <http://www.checheninfo.ru›Инфопортал›Чеченская энциклопедия›...-курсу-macievy-i-ih...>

30. Списки генералов, офицеров-горцев Терского казачьего войска (1866г.) // ЦГА Республики Северная Осетия-Алания.Ф.12. Оп.5. Д. 364, листы 11-12.

31. <http://www.ru.wikipedia.org›Улубий Чуликов>

32. Свистунов А.П. Очерк восстания горцев Терской области в 1877 году. СПб., 1896. С.39.

33. <http://www.ru.wikipedia.org> Улубий Чуликов
34. Гусейнов Г.-Р.А.-К. Указ. соч. С.87.
35. <http://www.grozniy.bezformata.ru/listnews/urus-martan-nerazrivno-svyazan/2573003>
36. Волкова Н.Г. Указ. соч. С.178.
37. Там же. С.184.
38. Там же. С.184.
39. Лаудаев У. Чеченское племя // Чечня и чеченцы. Элиста, 1990. С. 77.
40. Кобычев В.П. Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников их материальной культуры // Этническая история и фольклор. М., 1997. С. 183,184.

И.Т. Марзоев
(г. Владикавказ, Российская Федерация)

Записки по истории Осетии и князей Дударовых

Самым восточным из осетинских обществ являлось Тагаурское общество Северной Осетии. Высшее сословие его включало в себя одиннадцать фамилий и называлось по имени легендарного прародителя Тага – «Тагиата». К ним относились фамилии Алдатовых, Жантиевых, Дударовых, Есеновых, Кануковых, Кундуховых, Мамсuroвых, Тугановых, Тулатовых, Тхостовых и Шанаевых. Название общества Тагаури грузинский историк Вахушти Багратиони еще в XVIII веке объяснил как производное от имени предка тагаурцев – Тага [1].

Впервые в литературе о происхождении родоначальника тагаурских фамилий Тага сообщил путешествовавший по Кавказу немецкий врач Якоб Рейнеггс (1744–1793), считая это название производным от армянского такаур, а его носителя выходцем из Армении [2].

Официальное русское название тагиат было – тагаурские старшины, употреблявшееся до 1847 года, когда им было разрешено именоваться «Тагаурскими алдарами» [3]. Согласно

предписанию Российского Правительства, Временно-командующий войсками Кавказской линии и Черномории издал распоряжение (№ 1647 от 13 декабря 1847 года), по которому вышеупомянутые фамилии тагаурских старшин «именовались на будущее время не старшинами, но Алдарами, с сохранением при том всех прав, коими они до сего времени пользуются» [4]. Генерал Несветаев в 1804 году назвал тагаурских алдар «почетными тагаурскими князьями» [5], т.к. «алдар» на осетинском языке означает «князь», а также – «господин» [6].

Две фамилии, «стоящие особняком и принадлежащие к высшему сословию алдар» – Дударовы и Жантиевы [7], не являлись фактически потомками Тага, но были приравнены к девяти фамилиям тагаурских алдаров. На них было распространено сословное имя «тагиата».

Фамилия Дударовых встречается в записках известного немецкого путешественника И.А. Гюльденштедта, который в 1771 г. останавливался во время своего путешествия по России и Кавказским горам у осетинских старшин Темир-Султана и Ахмета Дударовых и находился под их защитой [8]. Он стал свидетелем факта, когда князь Ахмет Дударов доставил несколько сот взятых на службу осетин грузинскому Царю Ираклию [9]. Путешественник отмечал, что у осетин имеются князья и дворянство, которые, однако, не были ни богатыми, ни могущественными; до того как весь народ сделался подвластным грузинам [10].

Значимым свидетельством величия того или иного рода являлись строительные сооружения (боевые и полубоевые башни, замки), возводившиеся из камня и служившие надежной защитой как феодалов, так и их приближенных. Владельцем замка мог быть только феодал [11]. Дударовы в с. Ларс имели и башню, и замок [12]. Документы свидетельствуют о трех замках Дударовых в с. Чми, в которых осетины оборонялись от отрядов ген.-л. Кнорринга [13].

Башня Дударовых в Ларсе упоминается в книге Сергея Анисимова «Картины Кавказа», изданной в Петрограде в 1918 г. Книга представляет собой описания и сведения о курортах Северного Кавказа и Закавказья, содержит подробный путеводитель по Военно-Грузинской дороге, а также

географические очерки: «на 13-й версте селение Ларс. Над ним древняя сторожевая башня. Она принадлежала когда-то владельцам этого ущелья, Дударовым [14].

Алдари Дударовы основали в Тагаурском ущелье следующие селения: Верхний Чми, Нижний Чми, Ларс, Балта. С выселением на плоскость количество основанных ими аулов увеличилось. Дударовы являются основателями нескольких современных равнинных селений: Реданта, Зильги, Карджина и Хумалага. Внуки Дудара, сыновья его сына Батырби, разделили между собой земли, доставшиеся им в наследство, следующим образом: аул В. Чми занял Ахмет, аул Н. Чми – Багра, аул Ларс – Мурзабек, и аул Балта – Темир-Султан.

В 1803 г. началось восстановление крепости Владикавказ. Тогда же Император Александр I утвердил проект строительства Военно-Грузинской дороги – «проект Александрова пути», составленный новым наместником Кавказа князем П. Цициановым. Предусматривалось на протяжении всей дороги устройство новых военных крепостей, редутов, форпостов, караулов. Дарьядльское ущелье в первом десятилетии XIX в. становится местом особого внимания Русского правительства [15].

Военная администрация старалась поддерживать отношения с Дударовыми, как наиболее влиятельной фамилией в Тагаурии и особенно в районе Дарьядльского ущелья. От привлечения на свою сторону этой фамилии во многом зависела обстановка на Военно-Грузинской дороге, от Владикавказа до границ Грузии.

В связи с осуществлением «проекта Александрова пути» князь Цицианов в 1804 г. принудил влиятельного тагаурского алдара Магомета Дударова «добровольно» уступить Русскому правительству наследственное селение Ларс и на выгодных условиях переселиться на Владикавказскую равнину. По этому акту осетинское горное селение Ларс было преобразовано в Русское военное укрепление [16].

М. Дударов по Высочайшему манифести в конце 1804 г. был произведен в капитаны Русской армии, пожалован по жизненной пенсии в размере 350 руб. в год, а так же ему было отведено «в потомственное владение такое пространство пустопорожней земли, какое нужно под население 25

дворов с пашенными для них угодьями и сенными покосами в окрестности Владикавказской крепости» [17].

Одним из самых известных представителей своей фамилии был Ахмет Батырбиевич Дударов, майор Русской Императорской армии, один из влиятельнейших феодалов Восточной Осетии и Ингушетии в XVIII в. Он являлся внуком родоначальника фамилии осетинских алдаров Дударовых – Дудара. «Тагаевского уезду старшина Ахмат Дударов сын» упоминается в «Отзывае осетинских и ингушских старшин о работе игумена Григория в качестве миссионера в Северо-Кавказской комиссии» (1766-1783 гг.) [18].

В 1770 г. Ахмет Дударов присягнул вместе с другими алдарами на верность России, но был недоволен новой властью, боясь потерять свои права сбора дорожных пошлин [19]. Свое недовольство царскими властями он выражал в создании препятствий для проезда по дороге и произвольных сборах и даже в грабежах проезжающих.

У него были довольно тесные отношения с Грузинским Царским Двором, что было отмечено в записках известного немецкого путешественника И.А. Гюльденштедта, который в 1771 г. останавливался во время своего путешествия по России и Кавказскими горам у осетинских старшин Темир-Султана и Ахмета Дударовых и находился под их защитой [20]. Он стал свидетелем факта, когда князь Ахмет Дударов доставил несколько сот взятых на службу осетин грузинскому Царю Ираклию [21].

Наряду с аварским ханом, сыном Шамхала Тарковского, сыном Казикумухского хана и части кабардинских феодалов Ахмет Дударов принимал участие в военно-религиозном движении шейха Мансура (1785-1791 гг.) и содействовал распространению в Тагаурии ислама. Им же построена первая в Тагаурии мечеть [22].

Движение тагаурских старшин против завоевательной политики царизма поддерживалось извне Турцией и Персией, ставшимся использовать их в своих целях. В 1787 г. в сношениях с Турцией состоял и Ахмет Дударов [23].

В 1802 году Главнокомандующий на Кавказе генерал-лейтенант К.Ф. Кнорринг дал приказ о завоевании Осетии. «Осетинский народ весьма упорно отстаивал свою нацио-

нальную независимость. Каждый шаг территории Осетии царским войскам приходилось брать с боем». В этом же году Ахмет Дударов возглавил феодальное, политическое по своей направленности движение в Тагаурии против российской политики в Осетии. В Тагаурское общество Северной Осетии был направлен отряд войск, во главе которого стоял сам К.Ф. Кнорринг. Против царских войск вместе с осетинами сражались ингуши, чеченцы, лезгины и другие горцы. В июне 1802 года тагаурцы, уступая противнику в вооружении, в особенности не имея артиллерии, были разбиты при деревне Ахматово. За нарушение мирного договора с русскими властями генерал-лейтенант Кнорринг решил наказать А. Дударова, послав в аул Чми к его замку роту пехоты и около 20 казаков под начальством майора П. Буткова. Русские солдаты сожгли большую часть аула Чми, убив несколько местных жителей, что принудило Ахмета Дударова просить о помиловании. Помилование было получено только после поручительства за него шести тагаурских алдаров [24].

Очередное выступление А. Дударова относится к 1804 г. Поводом к нему послужило уменьшение Главнокомандующим князем П.Д. Цициановым пошлин, взимаемых тагаурскими алдарами с купцов, занятие Ларса русским гарнизоном. Цицианов приказал закрыть для тагаурцев дорогу в Моздок и не допускать их на линию. Ответом на это был мятеж, поднятый А. Дударовым. Весной 1804 г. А. Дударов в союзничестве с бежавшими в Персию грузинскими царевичами и шахом Фетх-Али, стремившимися завоевать Грузию и Северный Кавказ, попытался прервать связь Закавказья с Россией, захватив стратегическое место в Дарьяльском ущелье.

Правитель Персии Фетх-Али-Шах обратился в фирманс за 1804 г. к кабардинским, осетинским и др. князьям с обещанием полной милости и щедрости, требованием запереть проход в горах для русских войск и их истребления. А. Дударову был послан аналогичный именной фирманс. Грузинский Царевич Александр в специальном письме к Дударову, подтверждая получение от последнего заверения в верной службе Шаху и ему, Царевичу Александру, сообщал, что Шах пожалует Дударову много денег и богатств, если Дударов будет

рассылать шахские фирманы куртатинцам, тагаурцам и ка-бардинцам. Далее он писал, чтобы Дударов прислал посланца за «получением от шаха денег, сколько захочет, и сердце горцев будет довольно» [25].

Восставшие со своей стороны закрыли дорогу в Грузию по Дарьяльскому ущелью, принудили гарнизон в Ларсе оставить этот пост и производили нападения на проезжающих и военные команды. Движение в Тагаурии было подавлено в сентябре 1804 г. ген. Несветаевым, который штурмом взял укрепленные селения тагаурцев.

Борьбой против осетин руководил сам князь Цицианов, печально прославившийся на Кавказе своей жестокостью. Им был отдан приказ: «карать, колоть осетин без пощады, сжечь все их жилища и затем привести к присяге». Он писал тагаурцам: «Клянусь Богом, в которого верую, что камня на камне у вас не оставлю и не генерала пришлю, а сам приду с войском» (См. Акты Кавказ, археог. ком., т. II). Движение в Тагаурском ущелье было жестко подавлено князем Цициановым. Руководители выступления были арестованы, остальным было объявлено «прощение».

Цицианов был убит в 1806 году около Баку. Его заместил генерал Гудович. Ставясь склонить на свою сторону влиятельного феодала, в 1807 г. Командующий Русской армией на Кавказе генерал Гудович в специальном предписании комендантам Владикавказской крепости настаивал на особом отношении к Ахмету Дударову. По мнению Наместника А. Дударов должен был представлять всех тагаурцев «перед Россией». Ему был пожалован майорский чин. Предполагалось также возложить на него и других Дударовых охрану Военно-Грузинской дороги по Дарьяльскому ущелью. Но они отказались от предложенной службы, так как по «осетинскому обыкновению, не могут против своих даже ружья из чехла вынимать».

В 1816–1831 годах при Ермолове и Паскевиче удалось полностью окружить Кавказ, расширить свои колониальные завоевания по берегам Черного и Каспийского морей. В 1830 году восстал вся Южная и Северная Осетия. В этом антироссийском восстании тагаурскими алдарами руководил Ахмет Дударов. В результате карательной экспедиции в Осетию кня-

зя Абхазова и подавления упорного сопротивления царским войскам осетинского ополчения, были разорены и сожжены дотла десятки горных аулов, в том числе Верхний Чми.

Князь Абхазов доносил военному министру, графу Чернышеву: жители селения Генал «не согласились сойти с гор: я велел истребить их хлеба и сжечь селения». «Деревни Барзи-кау, Лац, Хидикус и Ванасих были преданы огню». «Жилища Карсановых в селении Ламардон были преданы огню, башни их взорваны на воздух, стада их отбиты нашими стрелками». «Селение Верхнее Чми было сожжено и уничтожено». В заключение своего доклада Абхазов писал: «Правительство имеет все средства к совершенному истреблению и покорению сих горцев, которых до сего времени считали непобедимыми». Для обеспечения движения по Военно-Грузинской дороге, князь Абхазов предлагает «истребить хлеба и дома» горцев, живущих по ее обеим сторонам. Разгром Осетии был настолько ужасен, что упоминаемый монархист Чудинов писал: «за пределами событий 1830 года у осетин нет больше истории» [26].

Фамилия Дударовых дала Осетии и России четырех генералов Русской Императорской армии, несколько десятков офицеров, видных общественных и политических деятелей, а так же первую в стране женщину-дирижера, народную артистку СССР Веронику Дударову.

Примечания

1. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах: Научно-популярный сборник / Сост. Чибиров Л.А. Книга 4. Цхинвали, 1989. С. 265.
2. Осетины глазами русских и иностранных путешественников / Сост. Б.А. Калоев. Орджоникидзе: Сев-Осет. книгоиздат, 1967. С.95.
3. Бзаров Р.С. История в осетинском предании. Владикавказ, 1993. С. 46.
4. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Ф.291. Оп.1. Д. 29. Л. 4.
5. Скитский Б.В. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972. С.82.
6. Там же. С.103.
7. НА СОИГСИ. Ф.37. Оп.1. Д.89. Л.1.

8. Гюльденштедт И.А. Путешествие по России и Кавказскими горам // Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII– XIX вв.). С.72.
9. Там же. С.73.
10. Гюльденштедт И.А. Описание Кавказских земель // Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII–XIX вв.). С. 88.
11. Кокиев Г.А. Боевые башни и заградительные стены горной Осетии // ИЮОНИИ, 1935. Вып.2. С.229.
12. Осетия. Историко-этнографический справочник. СПб.-Владикавказ, 1998. С.148.
13. Скитский Б.В. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года // Изв. СОНИИ. Т.11. С.134.
14. Анисимов С. Картинны Кавказа. Петроград, 1918. С.84-85.
15. Берозов Б.П. Переселение осетин с гор на плоскость. Орджоникидзе, 1980. С. 71.
16. Там же. С.73.
17. Материалы по истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1942. Т. 2. С. 109.
18. Известия СОНИИ. Т.6. Орджоникидзе. 1934. С.87–88.
19. Скитский Б.В. Хрестоматия по истории Осетии. Орджоникидзе, 1956. С.182–183.
20. Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // ОГРИП. Орджоникидзе, 1967. С.120.
21. НА СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д. 278. Тетр.23 «а». С.38.
22. Скитский Б.В. Очерки истории горских народов. Избранное. Орджоникидзе: ИР, 1972. С.330.
23. Скитский Б.В. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года // Изв. СОНИИ. Т.11. С.134.
24. Скитский Б.В. Хрестоматия по истории Осетии. Часть I. Орджоникидзе, 1956. С.183.
25. Скитский Б.В. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года // Изв. СОНИИ. Т.11. С.134.
26. Викторов И.Г. Северная Осетия. Политико-экономический очерк Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе 1939. С. 30.

К.С. Чикаева
(г. Краснодар, Российская Федерация)

Образовательный облик дворянства Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX вв.

Отмечая очевидные сословные привилегии, преимущества, которыми дворяне пользовались в повседневной жизни, в определении на государственную службу, следует признать, что в немалой степени это объяснялось той подготовленностью дворянства к выполнению задач государственного управления, военной службы, которая обеспечивалась более высоким образовательным уровнем. Не случайно попечение о воспитании и образовании детей являлось одной из главных забот элиты общества. Традиционно дворянство старалось поддерживать образование: на дворянские деньги строились учебные здания, выделялись средства на стипендии.

В условиях Северного Кавказа уделялось большое внимание вопросам образования дворян. Причем это затронуло и многих выходцев из местной горской знати. Как отмечалось современниками: «К числу мер, направленных к сближению с ними, к развитию их духовной натуры с помощью образования, введены занятия ремеслами и сельскохозяйственными работами. Школы эти, большая часть которых находится в Терской области, содержатся правительством, учреждающим сверх того стипендии для горских мальчиков в средних и высших учебных заведениях. По свидетельству великого князя главнокомандующего стремление к образованию делает весьма быстрые успехи среди горцев и развито у них сравнительно сильнее, чем у мусульман Закавказья» [1].

Вместе с тем, в целом, образовательный уровень дворян на Северном Кавказе, среди которых было немало получивших потомственное и личное дворянство исключительно выслугой, не был весьма высоким. Самые условия военной колонизации, отсутствие в регионе соответствующих учебных заведений, не позволяли в короткий срок изменить ситуацию.

К тому же следует учесть, что переход к мирному строительству во второй половине XIX века происходил уже в новых

социально-экономических условиях. Как отмечалось многими современниками, в том числе, предводителем северокавказского дворянства П. Мачканиным, после отмены крепостного права существенно изменилась общая ситуация в сфере образования, просвещения: «Грамотный и образованный разночинец вошел во все мельчайшие изгибы государственного механизма, стал почти у каждого винтика этой громадной машины, и выдвинуть его оттуда нельзя: его поставило там великое 19 февраля, но несет ту службу, и с успехом, благодаря образованию, которое несло прежде дворянство» [2].

В данной ситуации все большее беспокойство и самих дворян, и правительства вызывал также рост среди определенной части дворянской молодежи либеральных и демократических идей. При Императоре Александре III доступ в гимназии выходцев из простого народа был ограничен. Известность, в частности, приобрел циркуляр Делянова, в котором не рекомендовалось принимать в гимназии «детей кучеров, прачек, мелких лавочников и т.п.».

Во время путешествия по Северному Кавказу Император Александр III посетил ряд местных учебных заведений и смог лично оценить успехи местного просвещения [3]. Так, во Владикавказе Император побывал в классической гимназии, реальном училище, военной прогимназии, женской гимназии и осетинском женском училище. Учащиеся вручили самодержцу различные подарки. В осетинском училище Императору Александру III поднесли подушку с горским узором, шитую золотом по синему бархату; Императрице – башлык, вышитый золотом; Наследнику Цесаревичу – кобуру для револьвера, вышитую золотом.

В Екатеринодаре в честь посещения Императором Кубанской области была открыта подготовительная школа кадетского корпуса. Воспитанники и воспитанницы учебных заведений участвовали в торжественных церемониях, связанных с пребыванием в городе Императорской Семьи. Государь Александр III побывал в войсковой гимназии, где находились ученики и реального училища, посетил городскую женскую гимназию и некоторые другие учебные учреждения. Везде учащиеся пели гимны, песни, читали стихи и дарили оригинальные подарки. Ученицы женской гимназии поднесли На-

следнику Цесаревичу голубую подушку, искусно вышитую шелком. В ее середине был изображен герб Кубанской области, а вокруг – гербы прочих казачьих областей. На другой стороне подушки была вышита карта Кубанской области.

Характеризуя образовательную ситуацию в регионе на рубеже 1880-1890-х годов, следует, прежде всего, отметить, что в учебных заведениях Северного Кавказа училось довольно много представителей дворянства.

В целом, число различных учебных заведений в конце XIX века на Северном Кавказе, как и по всей России, значительно увеличилось. Вследствие экономического развития региона специалисты со средним и высшим образованием пользовались все более широким спросом. Некоторую информацию о состоянии дворянского образования можно извлечь из отчета за 1890 год попечителя Кавказского учебного округа о числе учащихся с распределением по учебным заведениям, национальностям, вероисповеданию и сословиям [4].

Анализируя материалы отчета, можно сделать вывод о том, что дворяне составляли значительную часть среди учащихся учебных заведений Северного Кавказа. В конце XIX века в стране действовало 180 гимназий. На Северном Кавказе число гимназий было невелико. И обучались в них в основном дети дворян и представителей городских сословий.

В Кубанской и Ставропольской мужских гимназиях удельный вес числа дворян среди учащихся существенно не отличался. В Ставропольской мужской гимназии дворяне составляли 64,1%, а в Кубанской области – 62,1%. В Терской области дворян в мужской гимназии обучалось меньше. В мужских гимназиях Северного Кавказа в 1890 году числилось 638 дворян, или 61% в составе всех учащихся. Традиционно основу дворянского образования составляли гимназии. Только выпускники мужских гимназий имели право поступать в университеты.

Женские гимназии стали появляться в стране с 1862 года. Такие гимназии стали действовать и в административных центрах Северного Кавказа.

В частности, в 1863 году в городе Екатеринодаре было открыто Мариинское училище, ставшее вторым после гимназии средним учебным заведением Кубанской области. Деви-

цы, окончившие Кубанское Мариинское училище, получали свидетельство на звание домашних учителей. Принимались туда дочери генералов, штаб- и обер-офицеров, классных чиновников, священнослужителей казачьего происхождения и неслужащих потомственных дворян, а также лиц привилегированных, не принадлежащих к казачьему сословию, но служащих в области. В Кубанском Мариинском женском институте учились в основном дворянки. В 1907–1908 годах там обучалось 357 девиц, из них 99% были потомственными дворянками. Ситуация не изменилась и накануне революции: из 542 учениц 534 были потомственными дворянками и 8 учениц из духовного звания. По вероисповеданию 535 учениц были православными и две исповедовали ислам [5].

Больше всего дворян среди учащихся было в частных учебных заведениях Терской области – 21%. В Кубанской области частное образование среди дворян особым успехом не пользовалось, и в таких учебных заведениях обучалось их всего 46 человек, что составляло 9,7%. В Ставропольской губернии учащихся в частных учебных заведениях было меньше, чем в Кубанской области, – 254 человека, но процент дворян был выше – 13,7%. Всего же там обучалось 860 человек, дворяне составляли 12,7%.

На Северном Кавказе были созданы и горские школы. Устав горских школ был утвержден в 1859 году. Через два года на базе Новагинской школы военных воспитанников было открыто горское окружное училище. В 1863 году появилась горская школа в Грозном, а в 1870 году – в Назрани. При этих школах были организованы пансионы. В данных учебных заведениях обучалось значительное количество дворян. В Майкопе в горской школе было 88 учащихся, из них 23 дворянина, или 26,1% от всех учащихся. В Грозненской школе учащихся было больше – 131. Дворян числилось 29 человек, или 22,1%. В горской школе Нальчика процент дворян среди учащихся был довольно высок – 66%. Это не случайно – в этом городе проживало немало представителей мусульманской знати.

Согласно материалам отчета, в горских школах учились дети всех национальностей: русские (49,5%), грузины (1,5%), армяне (3,4%), евреи (8,6%). Во всех горских школах Северно-

го Кавказа горцы составляли 36,9%. Средняя стоимость обучения одного ученика в таком учебном заведении составляла 41 рубль, содержание в пансионе обходилось в 112 рублей.

Мусульманская знать считала своим долгом содействовать распространению просвещения среди горцев и выделяла финансы на развитие горских школ. В частности, в газете «Северный Кавказ» за 1907 год была помещена информация о том, что 10 января во Владикавказе скончался отставной полковник Банухо Долгиев, оставилший по духовному завещанию все свое движимое имущество в пользу местного общества распространения образования и технических знаний среди горцев Терской области. Завещание дворянин составил в 1892 году [6].

Если сравнивать Северный Кавказ с Закавказским краем, то следует отметить, что дворян среди учащихся в Закавказье было намного больше. Так, в начальных училищах обучалось 1635 представителей высшего сословия, что составляло 7,6% от всех учащихся, в частных учебных заведениях – 1172 (37,2%).

Тем не менее, в целом, местное дворянство не было удовлетворено сложившимся в сфере дворянского образования положением. Более того, в новых условиях все очевиднее становились издержки дворянского образования.

Однако, обращаясь к практике, нельзя не видеть, что в конце XIX века дворяне не могли проявлять прежнего внимания к сфере образования. Привилегированное сословие попросту не имело материальных возможностей для осуществления своих планов. Дворяне осознавали, что постепенно утрачивают свои социальные позиции в просвещении, и надеялись на помощь самодержавия. На совещании губернских предводителей дворянства в 1896 отмечалось, что вопрос о правильном направлении воспитания и образования юношества является делом чисто государственным и настолько важным, что правительство обязано его поддержать.

Дворянство Северного Кавказа не стояло в стороне от актуальных проблем дворянской жизни. В связи с этим предводитель дворянства Ставропольской губернии с областями Терской и Кубанской П. Мачканин, выражая беспокойство дворян, в письме в Особое совещание по делам дворянства

предлагал усовершенствовать систему образования и создать благоприятные условия для обучения детей дворян.

Однако, наиболее существенной проблемой в рассматриваемый период представляется все же проблема финансирования образования дворянства. Для Северного Кавказа она, безусловно, была центральной. В частности, в 1895 году атаман Темрюкского отдела в рапорте начальнику Кубанской области и Наказному атаману Кубанских казачьих войск отмечал, что многие из обедневших дворянских семей, не имея надлежащей поддержки у представителей дворянства, лишены возможности дать приличное образование своим детям [7].

В итоге в регионе выявился целый ряд негативных последствий. Ряды местного офицерства стали пополняться преимущественно детьми разnochинцев. Большинство дворян, проживая в сельской местности, не имели средств во время подготовить детей к поступлению в учебные заведения. В то же время, вследствие разрозненности кубанского дворянства, хлопотать о дворянских детях и помогать им было некому. Высшее сословие надеялось, что учреждение дворянского капитала и должности уездного предводителя дворянства позволит детям несостоятельных дворян и сиротам получить достойное образование.

Вместе с тем, к концу XIX в. местные дворяне уже не могли проявлять должного внимания к сфере образования ввиду растущих материальных проблем. В частности, согласно результатам переписи населения 1897 года, хотя дворянство на Северном Кавказе и составляло большую часть лиц с университетским (75,9%), высшим техническим (75,35%), значительную – со средним (36,4%) и средним специальным образованием (29,2%), здесь нарастили серьезные проблемы. В частности, обращает на себя внимание тот факт, что детей дворян начинали учить поздно (до 10 лет менее 20% грамотных), причем даже среди лиц старше 20 лет свыше 10% были неграмотными. Существенно ослабли позиции дворянства даже в военных учебных заведениях, где учились менее 4% общей численности местных дворян. Укажем также на то, что на Северном Кавказе было всего 26 человек, которые окончили высшие военные учебные заведения [8].

При этом высшее образование было доступно незначительной части сословия. В Терской области, согласно переписи, в высших учебных заведениях училось 4% дворян, в Кубанской – 3%, в Ставропольской губернии – 5%.

Данные о том, сколько дворян обучалось в университетах, приведены в отдельной таблице.

Таблица. Число дворян, имеющих университетское образование по переписи 1897 года

Административные единицы	Общее число	Дворян	% дворян
Кубанская область	481	381	79,2
Ставропольская губерния	285	209	73,3
Терская область	419	310	74
Всего	1185	900	75,9

Источники: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Кубанская область. СПб., 1905. Том 65; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Ставропольская губерния. СПб., 1905. Том 65; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Терская область. СПб., 1905. Том 68. Подсчитано автором.

Таблица свидетельствует о том, что в Кубанской и Терской областях, а также в Ставропольской губернии подавляющая часть людей, имеющих университетское образование, принадлежала к дворянскому сословию, а именно 900 человек или 75,9%. Следует отметить Кубанскую область, там с таким образованием проживали 481 человек, из них к дворянам относились 381 человек, или 79,2%. В Ставропольской губернии по сравнению с Терской и Кубанской областями числилось меньшее число дворян с университетским образованием, но удельный вес их также оставался значительным: из 285 человек 209 являлись дворянами, или 73,3%.

Необходимо отметить, что высших учебных заведений на Северном Кавказе не было. Высшее образование было дорогостоящим и получали его единицы. Директор канцелярии министра

внутренних дел по делам дворянства обратился к Ставропольскому предводителю высшего сословия с письмом от 27 октября 1904 года, в котором поднимал вопрос об учреждении с пособием от казны дворянских стипендий в высших и средних учебных заведениях гражданского ведомства. Дворяне уведомили государственного чиновника о том, что они не имеют материальной возможности содействовать воспитанию своих детей ввиду весьма ограниченных как общественных, так и личных средств [9].

Накануне революций среди учащихся удельный вес дворян оставался значительным, особенно если учесть, что численность высшего сословия постоянно уменьшалась, и материальное состояние дворянских фамилий продолжало ухудшаться. Об этом свидетельствуют произведенные подсчеты, основанные на статистическом материале. Каждая семья считала своим долгом дать детям достойное образование. По мнению дворян, только таким образом можно было удержать ведущие позиции в социально-экономических и политических сферах общества.

Следует отметить, что в условиях региона, лишь в XIX столетии колонизированного Россией, сложились объективные трудности, связанные с обеспечением необходимого уровня дворянской культуры, образованности. Сам уровень образования дворян Северного Кавказа был ниже, чем в целом по России. Здесь, прежде всего, сказывалось отсутствие в регионе высших учебных заведений. Исследование показывает, что, не располагая в массе своей необходимыми материальными возможностями, дворяне Северного Кавказа, как правило, не могли предоставить своим детям возможность получить образование в столичных вузах. Ограниченностю средств, которыми располагали местные сословные корпоративные организации не позволяли также оказать эффективное содействие получению среднего образования в местных учебных заведениях. Дворянское депутатское собрание лишь изредка оплачивало здесь обучение детей обедневших дворян.

Примечания

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 414. Оп.1. Д. 305. Л. 241 об.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1283. Оп.1. Д. 125. Л. 2.

3. Кавказский календарь на 1889 г. Тифлис, 1888. С. 1-27.
4. Кавказский календарь на 1891 г. Тифлис, 1890. С. 254 – 261.
5. Кавказский календарь на 1917 год. Тифлис, 1916. С. 308-309.
6. Северный Кавказ. 1907. 28 января.
7. ГАКК. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2418. Л. 103.
8. Подсчитано автором: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. 1897. СПб., 1905. Т.65, 67; 68.
9. Чикаева К.С. Дворянство Северного Кавказа в конце XIX – начале XX веков. Армавир, 2005. С. 154.

А.И. Селицкий
(г. Краснодар, Российская Федерация)

Эмиль Аполинарий Вакре и его семья: историко-генеалогические заметки

Одной из заметных фигур в социально-экономической и политической жизни Северо-Западного Кавказа был потомственный дворянин Варшавской губернии, инженер путей сообщения Эмиль Аполинарий (Эмиль Эмильевич) Вакре (Вакрэ).

Э.-А. Вакре происходил из семьи с французскими корнями (франц. Vacqueret, польск. Wakre). Его дед, французский подданный Бернард Виктор Вакре, родился 24 июня 1789 г. (по другой версии в 1792 г.) в г. Дурдан (историческая область Иль-де-Франс). В эпоху наполеоновских войн дослужился до чина лейтенанта (по другой версии – майора) Великой Армии, стал кавалером ордена Почётного легиона, а в эпоху Наполеона III получил медаль Св. Елены. Вскоре после Июльской революции 1830 г. во Франции перебрался на польские земли, где стал давать частные уроки французского языка, был гувернёром и даже некоторое время занимался торговлей (в том числе в Варшаве) [1].

*Надгробная плита на могиле Б.-В. Вакре (1789–1869). г.
Скерневице (Лодзинское воеводство, Польша)*

Судя по данным метрических книг римско-католических церквей о крещении и погребении его детей, семья Бернарда Виктора Вакре в середине 1830-х – конце 1850-х гг. проживала в районе Белян Ловицкого повета, а также в ближайшем административном центре Ловиче. Кроме того, Вакре пребывал некоторое время в Варшаве и Скерневицах. Б.-В. Вакре скончался 15 октября 1869 в Скерневицах и был погребён на местном кладбище Св. Роха [2].

Первым браком Б.-В. Вакре был женат на Иоанне, урождённой Гасс, от которой имел дочь Людвику (1830 года рождения). Вторая его супруга – Фелиция, урождённая Жерар (Герард, франц. Gérard), родилась ок. 1811 г. в Бельгии, была дочерью Альберта и Юлии Жерар. Уже будучи вдовой при семействе, Ф. Вакре проживала в Варшаве, где и скончалась 12 (24) апреля 1896 г. [3].

Бернард и Фелиция Вакре произвели на свет как минимум девятерых детей. Их старший сын, Эмиль Юзеф Вакре (отец Эмилия Аполинария Вакре), сделал блестящую чиновничью карьеру в Варшаве (о нём ниже). Младший сын, Александр Игнаций Вакре (родился 4 июля 1844 г. в Белянах), учился в Варшавской Главной школе, был причастен к Январскому восстанию 1863 г., находился в заключении в Седльцах, а в 1864–1865 гг. пребывал на поселении в Ядрице Казанской губернии; вернувшись в Варшаву, он венчался в 1867 г. в варшавском костёле Св. Александра с Марией Кипке (родилась ок. 1844 г.), дочерью Яна Кипке и Францишки, урождённой Вишневской, а в 1870 г. окончил медицинский факультет в Париже, став доктором медицины; будучи гражданином Франции, он участвовал во франко-прусской войне 1870–1871 гг. как военный врач и был ранен в правую ногу; в 1871–1878 гг. вольнопрактикующий врач во Франции, а с 1879 г. – в Варшаве; с 1891 г. – врач-правовед в Генеральном Консульстве Франции в Варшаве и врач Французского обществе благотворительности и безвозмездной взаимной поддержки; в 1900 г. стал кавалером ордена Почётного легиона (как и его отец). Умер за несколько лет до окончания Первой мировой войны [4]. Его внук – Альфонс Эмиль Юзеф Вакре (1898–1991) был ротмистром кавалерии Войска Польского (на рубеже 1920-х – 1930-х гг. – адъютант министра по военным делам Ю. Пилсудского, а с середины 1930-х гг. был адъютантом маршала Э. Рыдз-Смиглы); во время Второй мировой войны был офицером Армии Крайовой, участвовал в Варшавском восстании 1944 г. (псевдоним «Грыф»); умер в Варшаве и был погребён на Повонзковском кладбище [5].

Старшая дочь Бернарда и Фелиции Вакре, Леонтина Ружа Эмилия Вакре (родилась 23 марта 1835 г. в д. Мрога Ловицкого повета) осталась незамужней и ок. 1863 г. открыла в Скерневицах школу для девочек (вначале трёх-, а затем четырёхклассную); в 1875 г. она переехала в Варшаву, куда перенесла и свою растущую (уже шестиклассную) школу; умерла Л.-Р.-Э. Вакре 11 марта 1907 г. в Варшаве и была похоронена на Повонзковском кладбище [6].

Младшая дочь Бернарда и Фелиции Вакре, Эмилия Бронислава Вакре (родилась в 1855 г. в Ловиче), в 1884 г. вышла

замуж за Теофила Лесневского (1854 – 1920), служившего на Варшавско-Венской железной дороге и некоторое время бывшего начальником различных станций: Колюшки, Скерневице, Варшава. Она стала матерью Виктора Адама (родился в 1886 г.), Марии (родилась в 1889 г.), Яна Юлиана Богумила (родился в 1895 г.) Лесневских [7].

Эмиль Юзеф Вакре (1832–1907)

Уже упомянутый Эмиль Юзеф Вакре родился 21 декабря 1832 г. в Варшаве. Он был крещён в варшавском костёле Девы Марии 1 апреля 1833 г. Его восприемниками стали фабрикант бронзовых изделий Эмиль Грегадр и Мария Сольницкая. После окончания гимназии в Петрокове, Э.-Ю. Вакре учился в Санкт-Петербурге. В 1853 г. при поступлении на государственную службу присягнул в Варшавском городовом магистрате на российское подданство. Вначале работал служащим в канцелярии Эмеритальной комиссии Царства Польского (1853–1861 гг.), затем в канцелярии Государственного Совета Царства Польского (1861–1867 гг.). С 1868 г. служил делопроизводителем канцелярии Наместника Царства Польского (переименованной в 1874 г. в канцелярию Варшавского генерал-губернатора). В 1880 г. произведен за выслугу лет в статские советники. С 1892 г. возглавлял комиссию по делам повышения доходности Варшавских казённых театров, на рубеже 1894–1895 и в 1901 г. временно ис-

полнял обязанности председателя, а в 1895–1902 гг. был вице-председателем дирекции Варшавских казённых театров. Как администратор отличался необычайной энергией и большой щепетильностью. В 1900 г. отмечал 50-летие профессиональной деятельности. За примерную службу неоднократно удостаивался пожалованием: в 1857 г. – тёмно-бронзовой медали на Андреевской ленте, установленной Высочайшим манифестом от 26 августа 1856 г. в память войны 1853–1856 гг.; в 1865 г. – тёмно-бронзовой медали, установленной 5 декабря 1864 г., в память усмирения Польского мятежа в 1863–1864 гг.; в 1867 г. – серебряной медали на Александровской ленте за труды по устройству крестьян в Царстве Польском; также был пожалован орденами: Св. Станислава 2-й степени с императорской короной (1866 г.), Св. Анны 2-й степени (1868 г.), Св. Владимира 4-й (1879 г.) и 3-й (1882 г.) степеней. На основании пожалования ему ордена Св. Владимира 4-й степени (24 января 1879 г.) приобрёл в 1885 г. права потомственного дворянства Российской империи с внесением в дворянскую родословную книгу Варшавской губернии. Умер Э.-Ю. Вакре 15 сентября 1907 г. в Варшаве. Он был женат на дочери профессора варшавского Института глухонемых и слепых Якуба Вевюрского (ок. 1804/1807 года рождения) и Анастасии, урождённой Данелевич (ок. 1810 года рождения) – Мартине Александре Вевюрской (родилась ок. 1839 г.). Их венчание состоялось в варшавском костёле Св. Александра 24 июля 1860 г. [8].

В браке родилось девять детей, в том числе Эмиль Аполинарий Вакре.

1. Ян Бернард Вакре умер во младенчестве в 1861 г.
2. Альфонс Никодем Вакре родился 15 сентября 1862 г. и был крещён 4 октября 1862 г. в варшавском костёле Св. Александра. Впоследствии он стал чиновником Кредитного земского общества в Варшаве. Его супругой (с 1897 г.) была Мария Тереза (родилась ок. 1870 г.), дочь Юзефа Тарловского и Казимеры, урождённой Рейтович.

3. Эмиль Аполинарий Вакре родился 23 июля 1864 г. и был крещён в варшавском костёле Св. Александра 31 июля 1864 г. Его восприемниками были Францишек Бабиньский и Эмилия Дзержановская. В 1887 г. он окончил Санкт-Петербургский университет по разряду математических наук со степенью кан-

дидата (представил диссертацию), а в мае 1890 г. – Институт Корпуса инженеров путей сообщения с правом на чин коллежского секретаря. Его однокурсником был кабардинский дворянин Батырбек Бекмуразович Шарданов, ставший впоследствии известным общественным деятелем Екатеринодара.

*Эмиль Аполинарий Вакре (сидит справа) в кругу близких.
23.01.1908 г.*

Профессиональные обязанности надолго связали Э.-А. Вакре с Северным Кавказом. Судя по некоторым данным, он как старший инженер совместно с инженером Чернявским делал технические расчёты при строительстве тоннелей на трассе Екатеринодар – Новороссийск Владикавказской железной дороги (середина 1880-х гг.). В начале 1890-х гг. проживал в Варшаве.

Затем Э.-А. Вакре был начальником различных дистанций Владикавказской железной дороги: в 1897–1904 гг. – 14-й дистанции (станция Крымская), в 1905–1917 гг. – 15-й дистанции (станция Екатеринодар), сменив на последнем посту уже упомянутого Б.Б. Шарданова.

Серьёзным эпизодом в карьере Э.-А. Вакре стала всеобъемлющая стачка на Владикавказской железной дороге, которая

началась 11 июля 1905 г. и продолжалась до конца месяца. По всей линии железной дороги движение прекратилось, сообщение Кавказа с центром России было прервано. В декабре 1905 г. Э.-А. Вакре был привлечён по делу о забастовках на станциях Екатеринодар, Кавказская и Тихорецкая.

Когда в 1918 г. в Екатеринодаре было создано АО Северо-Кавказской железной дороги, Э.-А. Вакре стал членом правления этого общества. В 1918 г. он был начальником Царичанского отдела по службе пути и зданий Управления Владикавказской железной дороги.

Во время Гражданской войны на Кубани Э.-А. Вакре вступил в Добровольческую армию рядовым. Был участником 1-го Кубанского («Ледяного») похода 9 (22) февраля – 30 апреля (13 мая) 1918 г.

В мае 1919 г. вернулся в Екатеринодар, оставаясь членом правления АО Северо-Кавказской железной дороги. Судя по всему, в 1922 г. он всё ещё проживал в Екатеринодаре (с 1920 г. – Краснодаре) в своём поделённом на квартиры домовладении по адресу: ул. Северная № 59. Кв. 340.

Помимо профессиональной деятельности Э.-А. Вакре вёл активную общественную деятельность. Он был почётным мировым судьёй Екатеринодарского судебно-мирового округа (1906–1917 гг.), почётным блюстителем Екатеринодарского железнодорожного двухклассного училища Общества Владикавказской железной дороги (упом. 1910–1912 гг.); членом Общества любителей изучения Кубанской обл. (с 1908 г.), членом Екатеринодарского отдела Всероссийской лиги для борьбы с туберкулёзом (упом. 1912 г.), членом Совета Кубанского отделения Русского Императорского Технического общества от группы железнодорожных строителей (с 1913 г.).

С 1917 г. Э.-А. Вакре – гласный Екатеринодарской городской думы и член Екатеринодарского комитета Всероссийского союза городов (Согор).

Находясь вдали от семьи, Э.-А. Вакре никогда не забывал о вере своих предков и о Польше. Он стал одним из наиболее активных деятелей екатеринодарской полонии. С 1905 г. – действительный член Екатеринодарского римско-католического общества пособия бедным. С октября 1914 г. – член

комитета по сбору пожертвований в пользу пострадавшего от военных действий населения Польши и заведующий кружечным сбором во время «Дня Польши» в Екатеринодаре (21–22 ноября 1914 г.). В годы Первой мировой войны он стал членом комитета Екатеринодарского отделения Польского общества вспомоществования (помощи) жертвам войны.

В 1907 г. был восприемником при крещении в Екатеринодаре Владимира – сына дворянина Минской губ. Юлия Якубовского и Анны, урождённой Рыковой.

В начале XX в. владел в Екатеринодаре домом на углу ул. Северная № 59 (ныне № 390) и Котляревская (ныне ул. им. М. Седина) № 155. Здесь был Дом призрения для душевнобольных и дряхлых одиноких людей (возглавлял его врач С.Д. Орлов, содержалось более 120 чел.). Тогда Э.Э. Вакре проживал в доме по ул. Кузнецкая № 135. Дом по ул. Северная № 59 муниципализировали в 1922 г., здесь долгое время был детский сад, затем отдел образования Центрального округа Краснодара (в настоящее время разрушен) [9].

*Дом Э.-А. Вакре в Екатеринодаре (Краснодаре)
по ул. Северная № 59 (ныне № 390)
(в настоящее время не сохранился)*

4. Хелена Целина Мария Эмилия Вакре родилась 19 мая 1866 г. в Варшаве. Её супругом был варшавский домовладелец Адам Леон Мартвих (родился в 1861 г. в Варшаве), евангелическо-лютеранского вероисповедания. Венчание по римско-католическому обряду прошло в 1886 г. в варшавском костёле Всех Святых. Свидетелями были эмерит Юлиан Рожанский и чиновник Альфонс Вакре.

5. Мария Ружа Вакре родилась 30 сентября 1868 г. Её супругом был инженер-технолог Варшавско-Тереспольской железной дороги Чеслав Виктор Данелевич (ок. 1859 года рождения). Венчание прошло 24 сентября (6 октября) 1891 г. в костёле Св. Антония в Варшаве. В браке родились: Мечислав Богумил (1895 года рождения) и Ежи Богдан (1899–1972) Данелевичи.

6. Кароль Шимон Вакре родился 15 (27) октября 1872 г. в Варшаве. Крещён 6 (18) апреля 1876 г. в варшавском костёле Всех Святых. Его восприемниками были Станислав Вевюрский и Бронислава Бабинская.

7. Людвик Тадеуш Эмиль (Людвиг Эмильевич) Вакре родился 15 (27) октября 1872 г. Был крещён совместно с братом-близнецом 6 (18) апреля 1876 г. в костёле Всех Святых в Варшаве. Его восприемниками были механик Привисленской железной дороги Якуб Вевюрский и Леонтина Вакре. В мае 1898 г. окончил Институт Корпуса инженеров путей сообщения с правом на чин коллежского секретаря. Как и его старший брат Э.-А. Вакре, связал свою жизнь с Владикавказской железной дорогой: был начальником 2-й дистанции (станция Крыловская) (упом. 1901–1904 гг.), 16-й дистанции (станция Песчанокопская) (упом. 1907–1910 гг.), 19-й дистанции (станция Царицын) (упом. 1911–1913 гг.). Участковый инспектор Инспекции по постройке Черноморско-Кубанской железной дороги (г. Екатеринодар) (упом. 1916–1917 гг.).

Почётный блюститель Крыловского сельского одноклассного училища, содержимого обществом Владикавказской железной дороги (упом. 1901–1904 гг.). В 1905 г. был пожалован орденом Св. Станислава 3-й степени. Умер в 1939 г. [10].

8. Мартина Бенигна Вакре родилась 7 (19) сентября 1875 г. Крещена вместе с братьями-близнецами 6 (18) апреля 1876

г. в костёле Всех Святых в Варшаве. Восприемниками были чиновник Кредитного земского общества Францишек Бабинский и Марианна Вакре. Её супругом стал Юлиуш Ян Соботовский. Венчание состоялось в 1903 г. в варшавском костёле Преображения Господнего.

9. Юлиан Феликс Вакре родился 31 марта (12 апреля) 1877 г. в Варшаве. Крещён 8 (20) мая 1877 г. в варшавском костёле Всех Святых. Восприемниками были чиновник канцелярии Варшавского генерал-губернатора Александр Свецкий и Каролина Вакре. Впоследствии стал варшавским чиновником, проживал в доме своего отца по ул. Маршалковской № 1370. Его супругой была Мария Зофья, урождённая Конопницкая (ок. 1884 года рождения). Их сын, Юлиуш Мариан Вакре, родился 5 (18) августа 1903 г. в Варшаве и был крещён в варшавском костёле Всех Святых 4 (17) мая 1904 г. (восприемниками были Теофил Лесневский и Анна Конопницкая) [11].

Изучение рода Вакре и вклада его представителей в развитие Польши и России продолжается.

И в наши дни мы с благодарностью вспоминаем инженера путей сообщения и общественного деятеля Эмиля Аполинария Вакре.

Примечания

1. Kurjer Warszawski. 12.09.1936. Nr 250. S. 5; URL: https://pl.wikipedia.org/wiki/Bernard_Vacqueret (дата обращения: 07.09.2016).
2. URL: <http://genealodzy.pl> (дата обращения: 15.09.2016).
3. URL: <http://genealodzy.pl> (дата обращения: 15.09.2016).
4. Павлов В.А. Польская политическая ссылка в Казанской губернии во второй половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2004. С. 87, 144, 192; URL: http://www.culture.gouv.fr/public/mistral/leonore_fr?ACTION=CHERCH_ER&FIELD_1=NOM&VALUE_1=VACQUERET (дата обращения: 09.09.2016).
5. Kurjer Warszawski. 12.09.1936. Nr 250. S. 5; URL: https://pl.wikipedia.org/wiki/Alfons_Vacqueret (дата обращения: 07.09.2016).
6. URL: <https://www.skierniewice24.pl/index.php/poznaj/item/560-pensja-panny-vacqueret> (дата обращения: 15.09.2016).

7. URL: <http://genealodzy.pl> (дата обращения: 15.09.2016).
8. РГИА. Ф. 1343. Оп. 18. Д. 70; Gazeta Warszawska. 24.04.1863. № 93. С. 1; Słownik biograficzny teatru polskiego / Pod red. Z. Raszewskiego. В., 1973.
9. ГА РФ. Ф. Р-7562. Оп. 1. Д. 1. Л. 7об.; ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5854; Оп. 2. Д. 3940; Д. 4027; Ф. 801. Оп. 1. Д. 121(2). Л. 329об.; Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 75. Л. 19; Д. 166. Л. 102, 103; Д. 298. Л. 65; Кубанский край: издание Сергея Казарова [газета]. 1913. 18 октября. № 235; 30 октября. № 244; 1914. 31 октября. № 1438-245; 21 ноября. № 1457-264; 23 ноября. № 1458-265; Листок войны: ежедневное издание в г. Екатеринодаре [газета]. 1917. 17 июня. № 993; Новая жизнь: орган республиканской мысли; ежедневное издание В.Е. Шварева в г. Екатеринодаре [газета]. 1917. 16 (29) июня. № 49. С. 4; Красное Знамя [газета]. 11.11.1922 г. № 254 (764); Список лиц и учреждений, имеющих право ... участвовать в выборах гласных Екатеринодарской Городской Думы на четырёхлетие 1916–1920 гг. по 3-му участку. Ек., 1916. С. 3; Работы первого общего собрания акционеров Общества Северо-Кавказской ж.д. 10 февраля 1919 г. Ек., 1919. С. 5; Кавказский календарь на 1917 г. Тифлис, 1916. С. 619, 687, 708; Кубанский календарь на 1898 г. Ек., 1898. С. 81; Кубанский календарь на 1899 г. Ек., 1899. С. 110; Кубанский календарь на 1900 г. Ек., 1899. С. 83; Кубанский календарь на 1901 г. Ек., 1900. С. 86; Кубанский календарь на 1902 г. Ек., 1901. С. 74, 98, 99; Кубанский календарь на 1903 г. Ек., 1902. С. 87, 112, 113; Кубанский календарь на 1904 г. Ек., 1903. С. 68, 96, 97; Кубанский календарь на 1905 г. Ек., 1904. С. 75; Кубанский календарь на 1907 г. Ек., 1906. С. 43, 87; Кубанский календарь на 1908 г. Ек., 1908. С. 35, 114; Кубанский календарь на 1909 г. Ек., 1909. С. 180; Кубанский календарь на 1910 г. Ек., 1910. С. 186; Кубанский календарь на 1911 г. Ек., 1911. С. 176; Кубанский календарь на 1912 г. Ек., 1912. С. 163, 204; Кубанский календарь на 1913 год. Ек., 1913. С. 172, 192; Кубанский календарь на 1914 год. Ек., 1914. С. 167, 189; Кубанский календарь на 1915 год. Ек., 1915. С. 144, 176; Кубанский календарь на 1916 год. Ек., 1916. С. 162, 178, 179; Леусян О.А. Поляки на Северо-Западном Кавказе в период революций 1917 г. и Гражданской войны // Поляки в России: вехи истории /

Отв. ред. А.И. Селицкий. Краснодар, 2008. С. 226; Селицкий А.И. Общественно-культурные организации поляков Кубанской области и Черноморской губернии на рубеже XIX–XX вв. // Поляки в России: эпохи и судьбы / Отв. ред. А.И. Селицкий. Краснодар, 2009. С. 184, 190–192; Шахова Г.С. Улицы Краснодара рассказывают... (книга вторая). Краснодар, 2008. С. 51.

10. Кубанский календарь на 1902 г. Ек., 1901. С. 74, 98; Кубанский календарь на 1903 г. Ек., 1902. С. 87, 112; Кубанский календарь на 1904 г. Ек., 1903. С. 68, 96; Кубанский календарь на 1907 г. Ек., 1906. С. 87; Кубанский календарь на 1908 г. Ек., 1908. С. 35, 114; Кубанский календарь на 1909 г. Ек., 1909. С. 164, 180; Кубанский календарь на 1910 г. Ек., 1910. С. 170, 186; Кубанский календарь на 1911 г. Ек., 1911. С. 160, 176, 196; Кубанский календарь на 1912 г. Ек., 1912. С. 182; Кубанский календарь на 1913 год. Ек., 1913. С. 193; Железнодорожник: еженедельный журнал. 27.04.1905. № 100. С. 13.

11. URL: <http://genealodzy.pl> (дата обращения: 15.09.2016).

А.А. Небавский, Н.В. Кияшко
(г. Краснодар, Российская Федерация)

Положение церкви на Кубани в период Гражданской войны: мученические подвиги духовенства

Тема мученичества Кубанского духовенства в годы Гражданской войны сегодня остается еще во многом открытой для исследователей. Основной причиной, препятствующей всестороннему изучению подвига священнослужителей, является значительная разрозненность исторических источников, а подчас и полное их отсутствие. Сложное состояние общества в период братоубийственной войны и политического кризиса, безусловно, отразилось на количестве и качестве сохранившихся документов. Именно этим объясняется ничтожно малое количество доступных архивных материалов,

в большей степени содержащих лишь скучные сведения непосредственно о самом факте смерти без указания конкретных обстоятельств.

Использование материалов нарративного характера при изучении обстоятельств гибели священнослужителей играет особую роль, поскольку именно эти источники содержат в себе ценные эмпирические дополнения. Стоит заметить, что в работе с этим комплексом документов необходимы целостность взгляда, объективность и историзм. Эти качества являются базовыми элементами в работе Комиссии по канонизации святых Екатеринодарской епархии. В настоящей статье на основании широкого спектра исторических источников будут раскрыты обстоятельства жизни и подвига священника, погибшего в 1918 г. от рук большевиков.

Священник Михаил Антонович Пендо не был природным кубанцем, но волей Божией ему было суждено оказаться среди кубанских казаков и вместе с ними принять мученическую кончину. Он родился 15 сентября 1874 г. в селе Морино Минской губернии в семье крестьянина [1]. Детство Михаила проходило в бедной сельской среде, отличительной чертой которой являлась истовая вера и благочестие. Образование, как позже писал сам отец Михаил, получил домашнее. Однако в послужном списке за 1898 г. указано, что Михаил Антонович обучался в народном училище [2].

В 1894 г. он был принят послушником в братию Виленского Свято-Троицкого монастыря, где 5 лет проходил разные послушания и сдал экзамен на звание псаломщика при Литовской духовной консистории [3].

31 января 1897 г. послушник Михаил направил протопресвитеру военного и морского духовенства прошение, в котором просил о получении должности псаломщика военного ведомства, о себе добавив, что обладал голосом первого тенора и превосходно знал нотное пение [4]. Настоятель монастыря архимандрит Иннокентий характеризовал его так: «скромен, видом приличен. За время 5– летнего пребывания в монастыре он ни разу не был замечен в каких-либо выдающихся пропступках или [неразборчиво] какой либо страсти» [5].

24 февраля 1899 г. Михаил Антонович был назначен псаломщиком храма Форта Александровского Закаспийской об-

ласти [6]. 24 июня 1902 г. «для пользы службы» псаломщик Михаил Пендо был переведен в Карсский военно-крепостной собор [7]. К концу августа он прибыл к новому месту своего служения. 10 декабря 1902 г. неожиданно была открыта вакансия псаломщика при Александро-Невском военном соборе г. Тифлиса. В срочном порядке распоряжением протопресвитера Михаил Антонович был переведен на эту должность [8].

Его безукоризненная служба не осталась без внимания духовного начальства. 12 июля 1905 г. настоятель Александро-Невского военного собора протоиерей Димитрий Виноградов направил протопресвитеру просьбу посвятить Михаила в стихарь, что было совершено 5 августа 1905 г. [9].

Спустя некоторое время настоятель собора вновь обратился к протопресвитеру с просьбой назначить Михаила на должность нештатного диакона. Отметив его усердие к службе и высоконравственную жизнь, он находил необходимым рукоположение и отмечал, что Михаил мог бы заменять штатного диакона во время его отсутствия [10]. Для положительного решения этой просьбы настоятелю собора потребовалось приложить немало усилий, в том числе просить начальника штаба Кавказского округа ходатайствовать перед протопресвитером об утверждении при соборе должности нештатного диакона.

Вскоре просьба была удовлетворена, и 5 марта 1906 г. Михаил Антонович был рукоположен Преосвященным Евфимием, епископом Горийским, в сан диакона [11]. Несколько лет продолжалось служение отца Михаила в диаконском сане. В 1912 г. он получил право на звание учителя церковно-приходской школы, а в 1913 г. успешно сдал экзамены и «признан подготовленным для исполнения обязанностей священнического звания» [12]. Интересно заметить, что формально он не проходил обучение в духовной семинарии, но успешные результаты экзаменов свидетельствуют о том высоком уровне самостоятельного изучения предметов, которого добился отец Михаил.

С началом Первой мировой войны в отправленных на фронт воинских подразделениях довольно скоро выявилась острые нехватка священников; штатное духовенство (нахо-

дившееся при армии в мирное время) не могло всецело обеспечить духовное окормление всей армии. 30 октября 1914 г. приказом протопресвитера военного и морского духовенства отец Михаил Пендо было назначен священником 2-й Кавказской бригады Государственного ополчения, а 17 ноября рукоположен в сан пресвитера епископом Эриванским Пименом (Пеговым) [13].

Реалии военного времени свидетельствовали, что деятельность армейского духовенства не должна была концентрироваться исключительно на исполнении пастырских обязанностей (совершение Богослужений, треб, образовательной деятельности и т.д.). Учитывая данные тенденции, была разработана специальная инструкция для военного и морского духовенства под руководством знаменитого протопресвитера Георгия Ивановича Шавельского, которая «разъясняла каждому – полковому, госпитальному, судовому и другому священнику, где он должен находиться, что он должен делать во время боя и в спокойное время, о чем и как проповедовать» [14]. Согласно инструкции, бригадно-артиллерийский или полковой священник во время боя должен был находиться на передовом перевязочном пункте, где обычно скапливались раненые, «но и к этому пункту священник не должен быть привязан: он должен был пойти и вперед – в окопы и даже за окопы, если того потребует дело» [15].

Местом основного расквартирования вверенных духовному попечению отца Михаила войск было селение Сарыкамыш, но некоторые из дружин находились в соседних населенных пунктах, в которых также постоянно чувствовалась необходимость присутствия священника.

Уже в декабре 1914 г. подразделения бригады приняли участие в первых боевых действиях. Рапортом 12 декабря начальник 579-й дружины доносил, что его дружина вступила в бой с неприятелем на Бардусском перевале при выходе из казарм в сторону селения Верхний Сарыкамыш, и роты 589-й дружины, собранные для выступления на Эйаги, столкнулись на перевале с отрядом турок, открывшим огонь по заставе пограничников [16]. Эти данные указывают на то, что уже практически с первого месяца службы отец Михаил

оказался на передовой линии в непосредственной близости от противника.

Даже в условиях постоянных боевых действий армейское руководство придавало особое значение совершению богослужений, ведь для любого воина это Причастие Святых Таин и молитва могли стать последними в жизни. В день Рождества Христова 25 декабря 1914 г. в с. Благодарном, в котором расположились части 588-й и 597-й дружин, отец Михаил в помещении сельской школы совершил Божественную литургию. Так как одновременно посетить все подразделения бригады отец Михаил не мог, то вскоре после праздника он отправился для исполнения треб в селение Саракамыш, а затем вновь в селение Благодарное, о чем своевременно извещались все штабы полков приказом начальника бригады [17].

Энергичная деятельность и жертвенное служение бригадного священника были отмечены церковным начальством. 13 июня 1915 г. священник Михаил Пендо получил назначение на должность гарнизонного благочинного селения Сарыкамыш, 10 ноября был награжден набедренником, а в декабре этого же года по ходатайству Командующего Кавказской армии награжден орденом Св. Анны 3-й степени [18].

В феврале 1916 г. бригада в составе Кавказской армии приняла участие в важнейшей операции по захвату крепости Эрзерум, которая открыла для Русской армии путь вглубь территории противника. Штурм крепости начался 29 января, а 4 февраля передовые части уже вступили в город. Вместе с войсками на передовых позициях находился и отец Михаил, как бригадный священник, оказывая молитвенную, пастырскую и медицинскую помощь воинам.

«За отлично-ревностное, самоотверженное исполнение пастырских обязанностей во время боев при взятии города Эрзерума» отец Михаил 31 марта 1916 г. был награжден Экзархом Грузии правом ношения скуфьи. Несколько месяцев спустя, а именно в июле, последовала новая награда с той же формулировкой – орден Св. Анны 2-й степени с мечами [19].

В сентябре 1917 г. отец Михаил получил новое назначение и перевод в Адагумо-Азовский полк Кубанского казачьего войска, а 29 октября этого же года награжден орденом

Святого Владимира 4-й степени с мечами. В этом же полку суждено было встретить отцу Михаилу революционные события 1917 г. и приход к власти большевиков.

Постепенная деморализация армейских частей, возникшая после упразднения воинских званий, чинов и дисциплины в войсках привела к окончательному развалу Кавказского фронта. Вероятно, получив приказ, Адагумо-Азовский казачий полк покинул фронт и выступил в полном составе на Кубань к месту новой дислокации – город Армавир, вместе с ним неизменно следовал и полковой священник отец Михаил.

27 февраля 1918 г. двумя эшелонами полк прибыл на станцию Армавир, неподалеку от которой уже больше месяца происходили боевые столкновения между казачьими частями и кубанскими большевиками [20]. Находившимися там красноармейскими частями полк был разоружен, а после этого офицеры были приглашены в гостиницу «Большая Московская» для «выяснения некоторых вопросов». К собравшимся обратился товарищ председателя Кубанского областного исполнительного комитета Борисенко, который объявил: за то, что офицеры идут против большевиков, их «следует посадить в тюрьму до падения Екатеринодара». После этого они немедленно были обысканы, причем отобраны все ценные вещи. Вечером того же дня весь офицерский состав под конвоем был отправлен в городскую тюрьму [21].

До 5 марта командный состав полка, в числе которых был и священник отец Михаил, находился в тюрьме. О немалом количестве арестованных свидетельствовал помощник начальника Армавирской тюрьмы Гулай в своем докладе на имя Кубанского краевого тюремного инспектора от 26 сентября 1918 г., являвшийся непосредственным участником и очевидцем всех происходящих событий: «В первых числах января месяца сего года, в Армавире большевиками была восстановлена Советская власть, в то время, как гор. Екатеринодар сражался с большевиками, здесь же организовалось управление областью. Почти все служащие Правительственных учреждений были со службы уволены, а места их заняли лица совершенно не грамотные, и преимущественно из бывших каторжан и арестантов других категорий; не кос-

нулось только тюрьмы, где продолжали нести службу Начальник тюрьмы Кныш, под страхом за жизнь свою, так как дисциплина среди надзора пала, надзиратели с уголовными арестантами вели себя по-дружески, и всегда можно было ожидать побег арестантов с погромом. Кавказская дивизия оставила Турецкий фронт и двинулась на Кубань по домам, большевики принялись проходящие эшелоны обезоруживать, а командный состав – офицеров арестовывать и пропровождать в тюрьму без предъявления обвинений, а просто как офицеров. Офицеры размещались в тюрьме отдельно от уголовных и пользовались свободой, на что обратили внимание стоявшие в карауле при тюрьме красногвардейцы и уголовные арестанты, что офицеры пользуются особыми привилегиями и донести об этом Кубанскому областному исполнительному комитету, за что Начальника тюрьмы и меня отстранили от должности, а назначили Комиссара и помощника ему. Начальник тюрьмы Кныш до увольнения от должности был далек от большевизма, но после увольнения заметно было, что ему все происходящее нравилось. В феврале месяце тюрьма была переполнена заключенными преимущественно контрреволюционерами, из которых большая часть офицеров, врачей и священников» [22].

5 марта в 8 вечера к тюрьме прибыла рота красногвардейцев, которая препроводила арестованных на станцию для отправки вслед за переезжающим в г. Екатеринодар Кубанским областным исполнительным комитетом. Всего в 3-х вагонах из под каменного угля было размещено 99 человек. О дальнейшем один из арестованных вспоминал: «6 марта утром [около 6 часов утра] мы подъезжали к ст. Ладожской и услыхали какой-то шум и крики сотни людских голосов, у каждого из нас защемило сердце. От ст. Ладожской по направлению к вокзалу бежали «товарищи» с винтовками, красными тряпками, именовавшимися знаменами, тащили пулеметы. Вся эта орава немедленно сцепила наши вагоны и поднялись ужасные крики: разстрелять, поколоть всех до одного. Вот с этого момента и начались те ужасы, о которых я хочу написать и которые, как огонь выжжены в сердцах немногих оставшихся в живых. Крики и требования озверев-

ших людей окончились тем, что они вытащили из вагонов и тут же застрелили по указанию товарища председателя следственной юридической комиссии... 13 человек». Эти несчастные были убиты, а затем им отрубили головы. «Наше же положение и представить нельзя. Мы каждую минуту ожидали смерти, но ее мы не боялись, страшно обидно было то, что мы находились в таком беспомощном положении, и умирая не могли мстить за себя. Расстреляв 13 человек и, отрубив им всем головы, товарищи, как бы насытились кровью и ушли, приставив к нам большой караул. Часа два или триостояли мы в полной неизвестности на Ладожской. Наконец, нам объявили, что под Усть-Лабинской путь разобран, и дальше ехать нельзя. Тогда следственная комиссия уехала обратно в Армавир, а нас отдала в распоряжение 2-го Северо-Кубанского полка».

«Часов в 12 дня начали приходить, возвращаясь в Кавказскую, эшелоны и тут опять начались наши пытки. Подъезжая к вокзалу, «товарищи» останавливали свой поезд, бежали к нашим вагонам и кричали «перестрелять кадетов, поколоть, порубить! Лезли к нам в вагоны, вытаскивали по несколько человек и тут же перед нашими глазами зверски их убивали. Таким образом убили следующих знакомых мне лиц: свящ. о. Михаила Пендо – Адагумо-Азовского полка, свящ. о. Николая Домбровского – Екатеринославского полка...», – писал очевидец [23]. Важным обстоятельством является то, что этот человек лично знал отца Михаила Пендо и отца Николая Домбровского и видел своими глазами их мучническую смерть, о подробностях которой, по-видимому, не решился рассказать. Кроме того, впервые указывается время и точная дата произошедших событий – 6 марта 1918 г. 12 часов дня.

Более точно происходившие утром 6 марта события передал спасшийся от расправы А.Г. Блазнов, который вспоминал, что после прибытия вагонов на станцию «солдаты, видимо, собирались расстрелять арестованных в вагонах, но прибывшие со станции четверо штатских и одна женщина (вероятно, комиссары) уговорили толпу солдат очистить поле перед вагоном, оставив лишь небольшую группу». «На

перроне вокзала было много народа, вероятно наблюдавшего за расстрелом. Было много женщин, солдат, видны были и казаки в бешметах. Все настроены были весело, лущили семечки, слышен был смех и веселый говор» [24].

Подробности трагической гибели и достойного пастырского поведения отца Михаила сообщил главный священник войск Кавказского фронта Гавриил Кремянский 24 июля 1918 г.: «Священник Адагумо – Азовского казачьего полка ... Михаил Пенко ... 7-го марта 1918 года, следуя с офицерами своего полка в г. Армавир, около ст. Кавказской был убит солдатами – большевиками, вместе с ним были расстреляны и все бывшие в поезде офицеры (96 человек). При сем о. Пенко доблестно и геройски исполнял свой пастырский долг, всех их по очереди благословил и напутствовал на смерть молитвою, а сам пал последним поднятый, при выходе из вагона на штыки» [25]. Вероятно, в связи с большим количеством подобных преступлений в данный исторический промежуток и постоянным перемещением линии фронта расследование по этому делу не производилось. И этим же можно объяснить ошибкуprotoиерея Г. Кремянского в дате смерти священника М. Пенко.

В настоящее время точное место захоронения отца Михаила Пенко не известно, но документы Государственного архива Краснодарского края свидетельствуют, что место захоронения жертв Ладожских расстрелов еще в начале 1920-х годов местные жители прекрасно знали. 5 июня 1923 г. жительницы ст. Ладожской Агафья Давыдова и Мария Сотникова обратились к руководителю станичного оркестра с просьбой после панихиды по своим мужьям исполнить похоронный марш.

Затем эти женщины, получив косвенное разрешение от председателя совета, договорились со станичным священником Константином Кулишо, который согласился на следующий день совершить на могиле панихиду. 6 июня после панихиды, на которой присутствовало более 200 человек, станичный оркестр за отдельную оговоренную плату сыграл на могиле для присутствующих похоронный марш и гимн «Коль славен» [26].

Такой инцидент не мог остаться без внимания власти, и вскоре, было начато специальное расследование. На основа-

нии представленных протоколов допроса всех участников заместитель заведующего отделом управления Краснодарского отдельского исполнкома Носинов 3 июня 1923 г. составил доклад о расследовании инцидента в ст. Ладожской. В докладе он отмечал: «Богослужение проходило 6/VI на могиле расстрелянных белых офицеров вблизи полотна железной дороги в присутствии группы людей приблизительно в 200 человек. В упомянутой могиле нет ни одного захороненного из жителей станицы Ладожской, причем на вопрос, заданный гр-кам Да-выдовской и Сотниковой, почему они на чужих могилах служили панихиду, гражданки ответили: «Потому, что на братской могиле мы знаем что нам служить не разрешат и учитывая то, что молиться можно где угодно, мы решили отслужить на указанной могиле». При богослужении духовой оркестр исполнял и похоронный марш и «Коль славен». Рассматривая настоящий материал, а также и принимая во внимание личное выяснение предволисполкомом тов. Ленивым по существу данного вопроса, выношу следующее заключение: Совершившийся акт богослужения в ст. Ладожской 6/VI/-с./г. не носил ни политического, ни агитационного характера» [27].

Стоит обратить внимание на фразу в протоколе: «на могиле расстрелянных белых офицеров у полотна железной дороги». Возле ст. Ладожской в период Гражданской войны других никаких расстрелов не было, на это указывает отсутствие таких сведений как в белогвардейской печати, литературе, документах, так и в материалах советской пропаганды, и местных краеведческих источниках. Поэтому расстрел указанных офицеров мог быть только один – 6 марта 1918 г. Отсутствие упоминания священника может быть объяснено тем, что это, во-первых, привлекло бы большее внимание власти, а, во-вторых, не все присутствующие могли быть реальными свидетелями мартовских событий 1918 г. Но очевидным остается то, что в памяти населения надолго сохранилось точное место гибели офицерского состава и священника Адагумо-Азовского полка Михаила Пендо, погибших как раз на железнодорожной станции.

Подводя итог, необходимо заметить, что мученический подвиг всегда был в Православной Церкви ее основанием,

самым ярким выражением любви и преданности Богу. Не случайно согласно каноническим правилам Божественная Литургия должна непременно совершаться на антиминсах, с вшитыми в ткань частями мощей святых. Мученический подвиг православного духовенства в годы Гражданской войны стал той основой, на которую сегодня опирается Церковь, свидетельствуя миру о Творце. Поэтому так важно сегодня помнить подвиг священнослужителей и максимально популяризировать выявляемые о них сведения.

Примечания

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 806. Оп. 4. Д. 1558. Л. 9,16.
2. Там же. Л. 7.
3. Там же. Л. 4, 7.
4. РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 1558. Л. 1, 1об.
5. Там же Л. 4.
6. Там же. Л. 4.
7. РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 3769. Л. 1; Оп. 10. Д. 10. Л. 16об-17.
8. РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 3884. Л. 24об-25об.
9. РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 5205. Л. 1-3.
10. РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 5287. Л. 1.
11. Там же. Л. 15.
12. РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 5287. Л. 15.
13. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 396. Оп. 5. Д. 438. Л. 303; РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9283. Л. 4-4об; Ф. 14241. Оп. 1. Д. 4. Л. 13.
14. *Шавельский Г., протопресв.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. С. 94.
15. Там же.
16. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 14241. Оп. 1. Д. 1. Л. 11об.
17. Там же. Л. 19, 20 об.
18. РГВИА. Ф. 14241. Оп. 1. Д. 32. Л. 38; ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 438. Л. 305об; РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9996а. Л. 665.
19. РГВИА. Ф. 14241. Оп. 1. Д. 53. Л. 29; ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 438. Л. 305.

20. Вольная Кубань. 1919. № 21. 20 января.
21. Вольная Кубань. 1919. № 41. 20 февраля.
22. ГАКК. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 564. Л. 48.
23. Вольная Кубань. 1919. № 39. 16 февраля.
24. *Блазнов А.Г. Смерть генерала Раддаца 6 марта 1918 г. // Красный террор глазами очевидцев*. М., 2010. С. 237–239.
25. ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 438. Л. 305об. В удостоверении, выданном от протоиерея Г. Кремянской вдове Александре Антоновне Пендо допущена ошибка в дате смерти священника Михаила Пендо. Это объясняется остальными значительными свидетельствами, указывающими время смерти священника 12 часов 6 марта 1918 г.
26. ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 521. Л. 259–266.
27. ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 521. Л. 259–259 об.

*H.B. Кияшко
(г. Краснодар, Российская Федерация)*

Социокультурная деятельность приходских обществ и братств Кубани: практики периода Гражданской войны

События Гражданской войны стали временем не только государственного, но и социального кризиса, нанесшего глубокие раны практически каждой российской семье. Сложившаяся к этому времени дилемма общественно-политических взглядов явилась катализатором социальных проблем, накопленных в течении столетий. Следует отметить, что реконструкция повседневной жизни людей неизбежно приводит к отсутствию однозначности оценок, раскрывает внутреннюю неоднородность и изменчивую динамичность хода повседневности.

Перенос реконструкции повседневности в плоскость исторической этнологии позволяет наблюдать ментальные процессы этноса в период кризиса. Одной из релятивных сторон защитного механизма этноса, как правило, является

объединение в группы. Во время Гражданской войны формирование определенных групп вокруг Церкви стало одной из попыток противостояния политическому, мировоззренческому и социокультурному кризису. Группообразующая роль в этих случаях принадлежала литургической жизни Церкви. Именно вокруг богослужения и молитвы строилась уже дальнейшая миссионерская, просветительская, издательская и культурная деятельность сообществ, стремившихся предотвратить кризисные проявления.

Среди устойчивых групп, как локальных общностей, можно выделить приходские братства, существовавшие в г. Екатеринодаре. В условиях отсутствия государственного финансирования и невозможности осуществления в прежнем формате социокультурной работы на приходе соответствующими государственными и официальными церковными структурами их функции были восприняты приходскими братствами. Стоит отметить, что инициатива в этих случаях исходила от рядовых прихожан, членов общин, чувствовавших собственную ответственность за стабильное существование прихода, переход же функций официально не был зафиксирован. В этом случае братства осуществляли миссионерскую, социальную, просветительскую работу, а также брали на себя ответственность за материальное положение причтов. Источником для изучения этих сообществ являются их уставы, отчеты о проводимых мероприятиях, докладные записки.

После установления во 2-й половине 1918 г. в южных регионах (Донская, Кубанская области, Ставропольская губерния) власти Добровольческой армии, стабильность церковной жизни была восстановлена. В это время на территории Кубанской области существовали Кубанский трудовой союз христиан-трезвенников во имя Христа Спасителя, Братство Святого Животворящего Креста Господня, Трудовое христианское братство в г. Новороссийске и Союз православных приходских советов г. Анапы. Феномен коллективной ответственности явно прослеживается в уставах этих сообществ. Например, в уставе братства Святого Животворящего Креста указано: «члены братства общаются перед Богом и совестию... и словом и делом по мере сил своих участвовать в

защите святой православной веры, в помощи гонимым за святую веру и в борьбе с неверием и материалистическим социализмом и всяким насилием» [1]. Необходимость защиты своей веры от провокаций и явного глумления сподвигала членов сообществ активно заявлять о своей позиции общественности, в том числе и в периодической печати.

Достаточно очевидным является факт, что в 1919 г. многие из вышеперечисленных обществ находились в стадии расцвета, расширяя масштаб своей деятельности. В это время в обществе все чаще стали звучать высказывания о возросшей роли прихода в оживлении церковной и общественной жизни. К примеру, в статье с громким названием «Будущее Церкви – в приходе» об этом говорилось: «Здесь именно, в приходе, ключ к будущему нашей Православной Церкви: разовьется церковная жизнь в приходе, загорится в нем ярким пламенем свет правды Христовой, – и вся наша Русская Церковь, как организм из живых здоровых клеточек, будет процветать и благоденствовать; захиреет приход, не проснеться он к новой жизни, – и Церковь наша не возсияет новым светом» [2]. Раньше всех сообществ начал деятельность Кубанский трудовой союз христиан-трезвенников во имя Христа Спасителя, основанный 15 мая 1913 г. известным кубанским миссионером и проповедником священником Николаем Розановым, ставшим его бессменным председателем. Согласно уставу, союз представлял из себя «свободную, независимую в своей деятельности от гражданских и епархиальных властей, идейную организацию», и до 1917 г. действовал, в целом, только в области просвещения и миссионерства. Союз имел собственный особняк на углу Медведовской и Кирпичной улиц г. Екатеринодара, приобретенный на полученные при поддержке великого князя Константина Константиновича от министерства финансов 25 тысяч рублей [3]. Одну из больших школьных зал этого здания члены общества собственными силами переделали под домовый храм, который был освящен 8 января 1917 г. Преосвященным епископом Кубанским и Екатеринодарским Иоанном (Левицким). Помимо протоиерея Николая Розанова, бывшего настоятелем, в храме служили также священник Петр Кудрявцев и диакон Дмитрий Молчанов. 4

августа того же года Епархиальный совет утвердил штат приста, состоящий из священника и псаломщика, содержание которых всецело взяли на себя члены союза [4].

Особое внимание необходимо уделить идейной составляющей деятельности приходских организаций. Как уже было сказано, существенную роль члены сообществ придавали защите Церкви от вызовов общества. Однако в некоторых сообществах наблюдается переход от защиты к активной политической борьбе. Братство Святого Животворящего Креста призывало своих членов «снаряжать отряды воинов на борьбу с гонителями веры Христовой», что свидетельствовало об излишней политизированности его членов. Здесь нужно отметить сильнейшее влияние на братство взглядов его председателя священника Владимира Востокова, который полагал, что Церковь обязана осудить «безнародную и безбожную двухлетнюю русскую революцию», указать обществу на «засилье в Совдепии масонства» [5]. Безусловно, участие Церкви в процессах политической борьбы являлось недопустимым, поэтому излишняя политизированность Братства и его председателя, направившего особое обращение к проходившему в мае 1919 г. в г. Ставрополе Юго-восточному русскому церковному собору, не встретила поддержки со стороны членов собора. Этот факт нельзя рассматривать как релятивный для всех сообществ, он имеет сугубо личностную окраску, но указывает на неоднородный характер приходских организаций.

Главной целью деятельности Союза христиан-трезвенников, а одновременно и идеей, как видно из документов, являлось «христианское трезвление: трезвость ума, трезвость воли, трезвость чувства» [6]. Двойственное понимание «трезвления», помимо основной функции борьбы с алкогольной зависимостью, указывает на религиозную сторону, отражавшуюся в общественной проповеди Евангельских заповедей и «привлечения к подножию Креста Христова тех душ, которые ушли от Господа и блуждают вдали от Его Св. Церкви» [7]. Эти положения легли в основу миссионерской функции союза, ставшей в 1918–1920 гг. одной из центральных в его деятельности. Структура Союза представляет из себя разветвленную сеть небольших организаций, на каждую из кото-

рых возлагались особые приходские и даже выходящие порой за рамки прихода функции. Миссионерское направление в Союзе было представлено деятельностью Екатеринодарского библейского кружка, в котором «люди самого различного образования, пола, возраста и общественного положения под руководством отца Николая и его сотрудника, талантливого самородка и полемиста» Никанора Андреевича Камзалова изучали Священное Писание, а также сугубо миссионерские дисциплины (полемику и историю сект, церковную географию, библейскую историю и др.) [8]. Деятельность этого кружка подтверждает о проведении уже в то время духовенством активной катехизаторской деятельности среди верующих по повышению уровня знаний о Христе и Церкви.

Помимо кружка под руководством протоиерея Николая Розанова Союз также выступал главным организатором масштабных крестных ходов по области, имевших особенную популярность среди населения. При активной поддержке со стороны гражданских властей и с благословения епископа Кубанского и Екатеринодарского Иоанна первый областной крестный ход состоялся в мае 1919 г.

В отчете епархиальных миссионеров-проповедников о проведенном в мае крестном ходе отмечалось: «всюду ассигновались общественные суммы для встречи паломников, им отводились общественные квартиры, устраивались братские трапезы. Атаманы с стражей и воинскими частями встречали за станицами и провожали за станицы Крестный ход. Внимание полное и трогательное. А количество паломников, следовавших со святынями из города Екатеринодара, колебались между 500 и 200 человек обоего пола. И все они были обеспечены и столом и квартирой и оказанием паломникам медицинской помощи» [9]. 5 мая 1919 г. епископ Иоанн совершил Божественную Литургию в Крестовоздвиженском домовом храме, из которого затем крестный ход двинулся по храмам города (Ильинский, Скорбященский, Николаевский на Дубинке, Войсковой собор, Екатерининский храм и домовый храм Епархиального женского училища). 9 мая крестный ход вышел из г. Екатеринодара и отправился по 17 станицам, посетив также Покровский женский монастырь

близ ст. Динской и Черноморскую Марие-Магдалининскую пустынь [10]. Во время пути молящиеся, под управлением диакона Николаевского храма на Дубинке Феодора Костенева, пели особенно популярные молитвы и духовные стихи, а духовенство практически в каждом станичном храме совершало всенощные бдения, Божественные литургии и молебны, завершая каждое богослужение проповедью. Финансирование крестного хода, организация питания, проживания в местах остановок и необходимой медицинской помощи для его участников полностью оказывалось Союзом христиан-трезвенников, принимавшего также на это пожертвования и от жителей области [11].

Отношение духовенства епархии к крестным ходам достаточно ярко выражено в присланных в адрес прот. Н. Розанова отзывах, среди которых особо выделяется письмо священника Василия Рождественского: «В дни переоценки ценностей и религиозного шатания для верующих и колеблющихся в вере необходимо возгревать искры веры, которые превращаются в громаднейшее пламя, увлекающее и возжигающее даже потухшие души. Одним из средств возгревания являются Крестные ходы, где души, ждущие подвига и молитвы, увлекают своей верой хладных и индифферентных в вере и приводят ко Христу Спасителю. Поэтому предполагающийся Крестный ход должно приветствовать и если Господу будет угодно, сподобить и меня быть его участником, то с радостью пойду потрудиться для Господа и братьев по вере» [12].

В крестном ходе помимо отца Николая Розанова принимали участие также и другие епархиальные миссионеры, в числе которых были протоиерей С. Никольский (будущий епископ Армавирский), священники И. Савичев и В. Адаменко, диаконы Ф. Костенев, Д. Молчанов и благосветники Крестовоздвиженского храма г. Екатеринодара Н. Камзалов и собора г. Майкопа В. Плотников. «Подъем духа необычайный. Общие исповеди, которые проводили о.о. миссионеры (Адаменко и Розанов), производили неизгладимое впечатление на народ. Люди буквально рыдали во время исповеди. Кающихся и причащающихся были повсюду сотни. Нельзя

не сказать, что поистине Крестный ход является самым могущественным миссионерским средством для борьбы с неверием, религиозным равнодушием и сектантством. И дай, Господи, чтобы Крестные ходы на Кубани чаще шли», – завершали свой отчет от 12 июня 1919 г. миссионеры-участники крестного хода [13].

Помимо крестных ходов летом и осенью 1919 г. миссионеры протоиереи Михаил Виноградов, Николай Розанов и священник Василий Адаменко проводили общественные открытые диспуты с баптистами в г. Ейске, Темрюке, Майкопе, Баталпашинске и Екатеринодаре, в ходе которых последние «потерпели поражение», а миссионеры «подняли до небывалой высоты авторитет Святой Веры Православной» [14].

О положении миссионерства в г. Ейске стоит сказать особо. Активное распространение сектантства за счет прибывавших на территорию области беженцев оказывало пагубное влияние на расположенные в г. Ейске воинские подразделения Добровольческой армии. Вскоре баптисты открыли свой молитвенный дом напротив одной из казарм, что оказало воздействие и на уровень религиозности солдат – известно несколько случаев отпадения от Православной веры и перехода в секту.

По просьбе протопресвитера Г. Шавельского 6 июля епархиальные проповедники протоиерей С. Никольский и Н. Розанов прибыли в г. Ейск, где в течении нескольких дней совершили торжественные богослужения в Михаило-Архангельском соборе, Николаевском, Пантелеймоновском, Новопокровском и Старопокровском храмах. Для предупреждения массового отпадения от Православия среди солдат миссионеры неоднократно посещали воинские части, где проводили беседы о воинском призвании с христианской точки зрения, о заповедях Божиих, о допустимости или недопустимости войны. «Некоторые воины, особенно сильно интересующиеся вопросами религии, часто посещали квартиры о.о. миссионеров и вели с ними продолжительные беседы по предлагаемым сектантами вопросам Веры Православной» [15].

6 июля отец Николай посетил собрание баптистов, на котором предложил местному пресвитеру принять участие в публичной беседе. Последовавший на это отказ пресвитера от

беседы вызвал значительное недовольство и смущение среди членов общины. Во время всех богослужений миссионеры активно проповедовали, призывая народ к молитве и твердости в вере. 9 июля в «народном доме» состоялась публичная лекция протоиерея Николая Розанова «Может ли безбожие быть будущей религией», по окончании которой присутствующей молодежью было принято решение образовать «Христианский кружок молодежи». 10 июля в Михаило-Архангельском соборе прошел диспут протоиерея Н. Розанова с одним из представителей баптизма Виктором Дедушкевичем о спасении во Иисусе Христе. Это событие вызвало особый общественный резонанс и привлекло огромное количество городских обывателей.

Для укрепления религиозного настроения среди населения области в ст. Крымской в том же году протоиереями Н. Розановым, М. Виноградовым и священником В. Адаменко проводились миссионерские курсы для всех желающих, которые в значительной степени уменьшили распространившееся влияние баптизма [16]. Все эти мероприятия проходили при активной поддержке, в том числе и финансовой, трудового союза христиан-трезвенников.

Трансляция приходских функций также наблюдается и в деятельности трудового христианского братства г. Новороссийска, которое одной из своих целей видело обеспечение материального существования духовенства Николаевского городского собора [17].

Переходя к факторам группообразования, стоит сказать, что домinantное влияние в этом имела литургическая жизнь, объединявшая прихожан вокруг центра Церкви – таинства Евхаристии. С этим же было связано восприятие группами рядовых прихожан отдельных функций прихода. К примеру, уместно обратиться к деятельности организованного Кубанским союзом христиан-трезвенников и лично прот. Н. Розановым при приходе Крестовоздвиженского домового храма Успенского общества Православного Братолюбия. Структурным подразделением этого общества было «Церковное братство Христианской песни», главная деятельность которого заключалась в «материальном и духовном попечении о двух хорах Крестовоздвиженской Церкви – художественном и на-

родном» [18]. В состав братства входили прихожане храма, изъявившие желание собственными усилиями поддерживать существование богослужебных хоров, изыскивая на это средства. Другая часть Крестовоздвиженского прихода, объединившаяся в «группу церковного сестричного осмогласия», приняла на себя хозяйственные заботы (уборка в храме и забота о порядке в нем). Возглавляла эту группу жена клирика храма Екатерина Ивановна Кудрявцева, под руководством которой трудилось «много интеллигентных женщин и учащихся девиц» [19]. Социальная структура приходской группы была достаточно неоднородной, но именно это является очевидным подтверждением того, что в Церкви Христовой не придается никакого значения общественному положению ее членов. Из подготовленных соответствующих «Правил» видно, что «для удобства работ в храме по уборке его и украшению эта группа разделяется на восемь равных частей по числу восьми церковных гласов. Группа, носящая название определенного гласа (первый глас, второй глас и т.д.), работает в ту неделю, когда поется этот глас в Церкви» [20].

Подобную направленность можно также наблюдать в братстве Святого Животворящего Креста, члены которого на добровольной основе обязывались участвовать в богослужениях, приступать к таинствам Православной Церкви и вести бесспорочную жизнь. Особо примечательно, что эти положения были зафиксированы в самом уставе братства [21].

Подводя итоги, необходимо сказать, что в кризисный период защитные механизмы этноса, предотвращающие его распад, прослеживаются особенно ярко. Структурообразующим источником в этом случае выступает Церковь в виде приходов, объединяющих вокруг себя представителей различных социальных групп. На примере приходских обществ и братств Кубани можно наблюдать практическую реализацию традиционных этнических схем. После событий 1917 г. меры государственной поддержки прекратились, а соответственно и сам образ государства, под эгидой которого (не исключая при этом и Церковь) проходила деятельность обществ, утратил свое положение. Процесс заполнения этих традиционных схем новым содержанием завершился выделением нового структурообра-

зующего фактора, особо зафиксированного в уставах обществ – литургической жизни и таинства Евхаристии.

Уделяя особое внимание участию в богослужениях, члены обществ особенно подчеркивали необходимость реального единения с Христом через участие в таинствах, видя только веру единственным источником сохранения общества. Этим же был обусловлен необычайно широкий масштаб миссионерского фактора в их деятельности. Поэтому именно изучение практик отдельных групп дает богатый материал для более глубокого понимания микроисторических процессов в российском обществе в один из самых трудных периодов.

Примечания

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 3696. Оп. 2. Д. 4. Л. 8.
2. Кубанский церковный вестник. 1919. № 14-15. С. 230.
3. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 58-58об.
4. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 135. Оп. 75. Д. 461. Л. 1, 2.
5. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 59об.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же. Л. 58 об.
9. Там же. Л. 49-49об.
10. Великая Россия. 1919. № 204. 11 мая.
11. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 49.
12. Там же. Л. 50.
13. Там же. Л. 55об.
14. Там же. Л. 10об.
15. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 14. Л. 8об.
16. Там же. Д. 20. Л. 5об.
17. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 59.
18. Там же.
19. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 248. Л. 49об.
20. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 59.
21. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 2. Д. 4. Л. 8.

Сведения об авторах

Бондарь Виталий Вячеславович, кандидат исторических наук, начальник отдела экспертно-консультативной деятельности Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, советник Российской академии архитектуры и строительных наук (г. Краснодар, Российская Федерация)

Бурмагин Александр Геннадьевич, кандидат исторических наук, заместитель начальника отдела дополнительного образования и воспитательной работы департамента образования администрации муниципального образования город Краснодар, войсковой старшина Кубанского казачьего войска (г. Краснодар, Российская Федерация)

Вартаньян Эгиана Гайковна, доктор исторических наук, профессор Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Российская Федерация)

Веригин Андрей Борисович, кандидат философских наук, главный специалист Управления делами администрации Краснодарского края (г. Краснодар, Российская Федерация)

Геращенко Елена Касимовна, краевед, потомок дворянских родов Штейпов и Старков, член Дворянского Собрания Кубани (г. Краснодар, Российская Федерация)

Горбунова Наталья Вадимовна, кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный экономический университет» (г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Дагестанского государственного университета (г. Махачкала, Российская Федерация)

Захаревич Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, научный консультант Президиума Совета Ростовского регионального отделения ВООПИиК (г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Карпов Михаил Валерьевич, научный сотрудник отдела истории и этнографии КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына (г. Краснодар, Российская Федерация)

Кияшко Никита Витальевич, член Комиссии по канонизации святых Екатеринодарской епархии (г. Краснодар, Российская Федерация)

Кондусов Владимир Сергеевич, аспирант Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Российская Федерация)

Марзоев Ислам-Бек Темурканович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания, председатель Северо-Осетинского историко-родословного общества (г. Владикавказ, Российская Федерация)

Мартиanova Ирина Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Краснодарского кооперативного института (филиал Российского университета кооперации) (г. Краснодар, Российская Федерация)

Матвеев Олег Владимирович, доктор исторических наук, профессор Кубанского государственного университета, действительный член Российского Дворянского Собрания (г. Краснодар, Российская Федерация)

Небавский Андрей Александрович, священник, кандидат богословия, доцент, преподаватель Екатеринодарской духовной семинарии, председатель Комиссии по канонизации святых Екатеринодарской епархии (г. Краснодар, Российская Федерация)

Новиков Павел Васильевич, научный сотрудник отдела истории и этнографии КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына (г. Краснодар, Российская Федерация)

Радионов Александр Петрович, преподаватель истории и обществознания Краснодарского президентского кадетского училища (г. Краснодар, Российская Федерация)

Русанов Константин Викторович, научный сотрудник Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (г. Харьков, Украина)

Сезин Дмитрий Сергеевич, аспирант Кременчугского национального университета им. Остроградского (г. Кременчуг, Украина)

Сезин Сергей Юрьевич, исследователь (г. Кременчуг, Украина)

Селицкий Александр Игоревич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета, председатель Краснодарской региональной общественной организации Польский национально-культурный центр «Единство», действительный член Российского Дворянского Собрания (г. Краснодар, Российская Федерация)

Слободенюк Виктор Викторович, ведущий специалист ГКУ «Государственный архив Краснодарского края» (г. Краснодар, Российская Федерация)

Фролов Борис Ефимович, старший научный сотрудник отдела истории и этнографии КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына (г. Краснодар, Российская Федерация)

Чикаева Карина Суреновна, доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и культурологии Кубанского государственного аграрного университета (г. Краснодар, Российская Федерация)

Шкуро Владимир Ильич, заслуженный работник Архивной службы Кубани, историограф Дворянского Собрания Кубани, действительный член Российского Дворянского Собрания (г. Краснодар, Российская Федерация)

Содержание

Раздел I.

Светлейший князь Г.А. Потёмкин-Таврический в истории и в народной памяти

Веригин А.Б.

- Светлейший князь Г.А. Потемкин
и присоединение Крыма к Российской империи 3

Новиков П.В.

- Светлейший князь Г.А. Потемкин-Таврический
и создание Черноморского казачьего войска.
К вопросу о дате основания Войска верных казаков 11

Матвеев О.В.

- «...По образу и подобию русского
былинного богатыря»: Григорий Потёмкин
в народной памяти 16

Мартиanova И.Ю.

- Жизненный мир Г.А. Потёмкина глазами
его современников 33

Бондарь В.В.

- Первый храм Черноморского войска –
Свято-Троицкая походная церковь 47

Шкуров В.И.

- Военачальники – соратники
Г.А. Потемкина-Таврического периода
Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. 52

Раздел II.

Русская Императорская армия и Военно-морской флот: люди и судьбы, духовное наследие

Геращенко Е.К.

- Русский флот и его герои в эпоху
Императрицы Екатерины II 66

Захаревич А.В.

- К вопросу о представлениях
донских казачьих офицеров о чести 81

Варташян Э.Г.

- Валериан Григорьевич Мадатов –
боевой генерал Российской Императорской армии 88

Кондусов В.С.

- Горские народы Закавказья в политике
генерала Е.А. Головина 98

Радионов А.П.

- Жизнь и судьба
Дмитрия Александровича Арцыбашева (1803–1831) 105

Слободенюк В.В.

- Из жизни и литературного наследия В.С. Толстого 114

Карпов М.В., Фролов Б.Е.

- Пулеметы на вооружении
Кубанского казачьего войска 122

Русанов К.В.

- Жизнь и научное наследие
Александра Передельского – военного врача
и исследователя Северного Кавказа 129

Сезин С.Ю., Сезин Д.С.

- Дело дочери генерала фон Гарниера 141

Раздел III.

Сословия Российской империи в социально-политической и этнокультурной палитре Юга России и Северного Кавказа

Горбунова Н.В.

- Дворянские роды Войска Донского
во второй половине XVIII – начале XIX века 154

Бурмагина А.Г.

- Дворянский род казаков Непокупных 164

Гусейнов Г.-Р.А.-К.

- Кумыки и чеченцы – потомственные
российские дворяне Терской области
в контексте вопроса об их этнической
принадлежности 176

Марзоев И.Т.

- Записки по истории Осетии и князей Дударовых 187

Чикаева К.С.

- Образовательный облик дворянства Северного Кавказа
во второй половине XIX – начале XX вв. 195

Селицкий А.И.

- Эмиль Апполинарий Вакре и его семья:
историко-генеалогические заметки 203

Небавский А.А., Кияшко Н.В.

- Положение церкви на Кубани в период
Гражданской войны:
мученические подвиги духовенства 214

Кияшко Н.В.

- Социокультурная деятельность
приходских обществ и братств Кубани:
практики периода Гражданской войны 225

ЭКОИНВЕСТ

Отпечатано в типографии издательства «Экоинвест»:
350080, г. Краснодар, ул. Тюляева, 4/1.
Тел./факс (861) 298-01-07.

E-mail: ecoinvest@publishprint.ru
<http://publishprint.ru>

Подписано в печать 19.10.2016 г.
Формат 60×84 1/16. Гарнитура Cambria.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Объем 14,07 усл. печ. л. Тираж 200 экз.
Заказ № 1990.